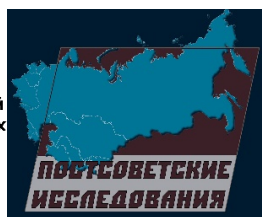

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 1

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россоотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 3 2022	Номер не тематический	до 01.04.2022 г.
№ 4 2022	Экономические проблемы на постсоветском пространстве	до 15.04.2022 г.
№ 5 2022	Номер не тематический	до 01.05.2022 г.
№ 6 2022	Большое евразийское пространство	до 15.09.2022 г.
№ 7 2022	Номер не тематический	до 15.10.2022 г.
№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	до 01.12.2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

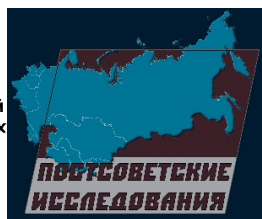
Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 1

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambayevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 3 2022	Non-thematic issue	Until 01.04.2022 г.
№ 4 2022	Economic problems in the Post-Soviet space	Until 15.04.2022 г.
№ 5 2022	Non-thematic issue	Until 01.05.2022 г.
№ 6 2022	The Great Eurasian Space	Until 15.09.2022 г.
№ 7 2022	Non-thematic issue	Until 15.10.2022 г.
№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.12.2022 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Пархитько Н.П., Бисеров А.И. События в Республике Казахстан в январе 2022 г. Историко-диалектический анализ.....9
- Майтдинова Г.М., Шаропов О.М. Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010).....18
- Искандарзода Б.Д. Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане.....30
- Саримсоков З.С. О возможных угрозах безопасности Узбекистана со стороны джихадистских движений Афганистана.....39
- Зинчук М.Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти движения «Талибан» в Афганистане.....50

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

- Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия.....57
- Абубакирова Д.Б. Инициатива «Один пояс – один путь» как новый импульс развития региона Центральной Азии.....73

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

- Ахмеджанова Д.Ф. Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ.....90
- Бактыбаева А. Сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в научно-образовательной и культурной сферах в рамках евразийской интеграции....109

ПРОБА ПЕРА

- Тарасов Д.С., Солодухина Е.А. Противодействие государств-участников СНГ терроризму и экстремизму в сфере информационных технологий.....124

Contents

CHALLENGES AND THREATS IN CENTRAL ASIA:

HISTORY AND MODERNITY

Parkhitko N.P., Biserov A.I. Civil Unrests in Republic of Kazakhstan in January 2022 Historical and dialectical analysis	9
Maitdinova G.M., Sharopov O.M. Tajik-Russian Relations in the conditions of Statehood Formation (1991-2010).	18
Iskandarzoda B.D. Foreign Policy Factors and Civil Conflict Resolution in Tajikistan.....	30
Sarimsokov Z.S. Possible threats to the security of Uzbekistan from the jihadist movements of Afghanistan.	39
Zinchuk M.G. Consequences for the CIS countries of the coming to power of the Taliban in Afghanistan	50

INFRASTRUCTURE PROJECTS

Leksyutina Y.V. China in the South Caucasus: the current scale of economic presence.....	57
Abubakirova D.B. The Belt and Road initiative as a new impetus for the development of the Central Asian region.....	73

EURASIAN INTEGRATION

Abubakirova D.F. Problems of development of regional integration in the CIS space.....	90
Baktybayeva A. Cooperation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the scientific, educational and cultural spheres within the framework of Eurasian integration.....	109

FIRST STEPS

Tarasov D.S., Solodukhina E.A. Counteraction of the CIS member states in the fight against terrorism and extremism in the field of information technology.....	124
--	-----

**ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
CHALLENGES AND THREATS IN CENTRAL ASIA:
HISTORY AND MODERNITY**

Научная статья / Research article

**События в Республике Казахстан в январе 2022 г.
Историко-диалектический анализ**

Н. П. Пархитко

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7678-5735, e-mail:scharnchorst@mail.ru*

А. И. Бисеров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail:biserov-ai@rudn.ru*

Аннотация. В статье анализируются события в Казахстане в начале января 2022 г. Дается оценка действиям властей республики в условиях попытки государственного переворота, а также приводится историко-аналитический дискурс обстановки, сложившейся на постсоветском пространстве с момента развала СССР и образования СНГ. Анализируются итоги миротворческой операции ОДКБ в Республике Казахстан и выявляет ключевые причины, лежащие в основе разразившегося кризиса. События в Казахстане рассматриваются в увязке с текущей международной обстановкой. С одной стороны, России удалось купировать серьезный кризис на южных рубежах в преддверии труднейших переговоров с коллективным Западом о предоставлении нашей стране гарантий безопасности. С другой стороны, следует понимать, что Россия оказывается все более вовлеченной в среднеазиатский комплекс проблем. И чем глубже будет эта вовлеченность, тем меньше у России будет времени и ресурсов заниматься решением европейских вопросов – во всяком случае, столь же активно, как это имеет место в настоящий момент. Кроме того, чем сильнее будет присутствие России в Центральной Азии, тем вероятнее возникновение конфликтных ситуаций между РФ и КНР, также осваивающей этот регион. В заключении делаются выводы и даются предварительные прогнозы развития обстановки в регионе в кратко- и среднесрочной перспективе. В ходе исследования автором применялся инструментарий исторической науки: метод анализа, синтеза, контент-анализа исторических и монографических источников и метод аналогий.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, ОДКБ, СНГ, дестабилизация, оборона.

Для цитирования: Пархитко Н. П., Бисеров А. И. События в Республике Казахстан в январе 2022 г. Историко-диалектический анализ. Постсоветские исследования. 2022;1(5):9-17.

**Civil Unrests in Republic of Kazakhstan in January 2022.
Historical and dialectical analysis**

Nikolay P. Parkhitko

*RUDN University, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7678-5735, e-mail:scharnchorst@mail.ru*

Alexey I. Biserov

*RUDN University, Moscow, Russian Federation
e-mail:biserov-ai@rudn.ru*

Abstract. The article analyzes the situation in the Republic of Kazakhstan during the first weeks of January 2022. The article gives a political assessment of the authorities' actions of Kazakhstan in the conditions of an attempted coup, and also provides a historical and analytical discourse of the situation that has developed in the post-Soviet space as a whole after 30 years since the collapse of the USSR and the formation of the CIS. The author also analyzes the results of the CSTO peacekeeping operation in the Republic of Kazakhstan and identifies the key causes underlying the socio-political crisis that has erupted. The events in Kazakhstan are considered in close connection with the current international situation as a whole. On the one hand, Russia managed to stop a serious crisis on the southern borders on the eve of the most difficult negotiations with the collective West on providing our country with a security guarantee. On the other hand, it should be understood that Russia is unwittingly becoming increasingly involved in the Central Asian complex of problems. And the deeper this involvement becomes, the less time and resources Russia will have to deal with European issues - at least, as actively as it is taking place at the moment. In addition, the stronger Russia's presence in Central Asia, the more likely it is that conflict situations will arise between the Russian Federation and the PRC, which is also developing this region. In conclusion, some summarizes are drawn and preliminary forecasts of the development of the situation in the region in the short and medium term are given. In the research the author used the instruments of historical science: the method of analysis, synthesis, content analysis of historical and monographic sources and the method of analogies.

Keywords: Kazakhstan, Russia, CSTO, CIS, destabilization, defense.

For citation: Nikolay P. Parkhitko, Alexey I. Biserov Civil Unrests in Republic of Kazakhstan in January 2022 Historical and dialectical analysis. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):9-17. (In Russ.)

Введение

Анализируя социально-политическую обстановку на постсоветском пространстве, сложившуюся в течение 30 лет с момента исчезновения СССР, автор выявил ряд характерных закономерностей. Причем они в равной степени относятся к любому без исключения государству, ранее входившему в состав СССР, говорим ли мы об Украине, Молдавии, прибалтийских республиках, республиках Закавказья, Казахстане или Средней Азии в целом.

Для России это также актуально, особенно принимая во внимание тот факт, что по критериям «взрывоопасности», таким как полиэтничность, религиозная палитра, социальное расслоение и неравномерное региональное развитие, наша страна унаследовала все атрибуты прежней метрополии (если это понятие вообще применимо к бывшей РСФСР). Правда, при этом были сохранены также значительные рычаги влияния на бывшие т.н. «национальные окраины», материализовавшиеся в 1991 г. в независимые государства, утратившие, в свою очередь, возможность использовать эти

рычаги в своих интересах. Речь идет не столько о политических рычагах, сколько о колоссальной ресурсной базе, ранее централизованно используемой в рамках СССР на благо любой отдельно взятой республики в случае возникновения острой необходимости или экономической целесообразности. Теперь же условно единый ресурсный потенциал постсоветского пространства неравномерно поделен на 15, при этом из всех 15 республик бывшего СССР только Россия обладает полной ресурсной автономией, что автоматически делает ее независимым игроком на международной арене в эмпирическом, а не только политологическом смысле [См. Дегтерев, Курылев 2017]. Впрочем, подобное преимущество относительно остальных постсоветских республик отнюдь не освобождает Россию от целого ряда негативных тенденций или их последствий, характерных, повторимся, для любого постсоветского государства.

Рассмотрим теперь основные деструктивные факторы общественно-политической повестки на постсоветском

пространстве более предметно. На первом месте с очевидным «отрывом» от всех прочих автор выделяет национализм. Это явление начало проявляться в самых низменных формах еще в период перестройки, а в течение 1990-х гг. обрело масштаб, последствия которого в наши дни сопоставимы с гуманитарной катастрофой. Правда, здесь следует оговориться, что в ряде стран этот раздражитель удалось если не купировать полностью, то в значительной степени исключить из внутривнутриполитической повестки. К таким странам относится Россия, пережившая всплеск национализма и маргинального радикализма в 1990-х гг., а также Республика Беларусь, процессы в которой были в период правления первого президента С.С. Шушкевича в целом аналогичны тем, что происходили в России в период президентства Б.Н. Ельцина. И хотя маргинализованные группы националистического толка существуют в России и сегодня, они лишены возможности оказывать сколь-либо заметное влияние на внутривнутриполитическую повестку государства.

Во всех остальных случаях на постсоветском пространстве проявление национализма происходит в самых архаичных, почти средневековых формах – достаточно вспомнить институт «неграждан» в странах Балтии и политику откровенного национально-языкового этноцида, проводимую властями современной Украины (до 2014 г. – относительно пассивно, начиная с 2014 г – в формате абсолютного подавления национальной идентичности львиной доли собственных граждан) [Курылев, Станис 2014: 114-117]. Сюда же следует отнести мифологизацию прошлого, основанную на тотальном переписывании истории вплоть до искажения не просто научной историографии, но зачастую и элементарного здравого смысла. Таким образом, для всех постсоветских стран характерна общая деструктивная практика: вместо движения вперед с опорой на совместно достигнутое в XX веке, мы наблюдаем резкий откат в ментальном (прежде всего), социально-политическом и культурном плане.

При всем кажущемся разнообразии примеры того, как воплощается этот ментальный регресс, довольно примитивны по своей сути. Как результат, мы можем наблюдать этнокультурную экспансию Турции в отношении Азербайджана и Румынии в отношении Молдавии (притом, что исторически государственность Молдавии уходит корнями в XIV в, в то время как Румыния образовалась в качестве национального государства лишь во второй половине XIX в). В странах Балтии с романтизмом вспоминается эпоха Ганзейского Союза и Великого княжества Литовского. Наконец «новая» историческая трактовка происхождения современных центральноазиатских государств столь обширна, что могла бы стать предметом отдельного академического исследования. На поверку же выходит, что при первых же серьезных дестабилизирующих явлениях страны, десятилетиями выстраивавшие свою государственность на принципах национализма (главным образом, антирусского, хотя в случае Центральной Азии палитра национальных конфликтов существенно шире), быстро обретают черты феодальной анархии, где прав оказывается тот, у кого больше вооруженных сторонников либо ресурсов для их мобилизации. В качестве выхода из подобного состояния предлагаются две модели: олигархическая (как на современной Украине и, отчасти, в Молдавии) либо квазидиктатура азиатского типа, поддерживаемая балансом интересов между кланами и племенами. Последняя модель представляется наименее устойчивой, поскольку она крайне подвержена влиянию извне посредством вовлечения во внутривнутриполитические процессы страны разного рода исламистов, национал-радикалов, а иногда и криминальных групп, прочно «вросших» в государственный аппарат и в определенный момент времени решивших расширить сферу своего политического влияния. Пример недавних событий в Казахстане – наглядное тому подтверждение.

События в Казахстане как маркер 30 лет независимости

Самый первый и самый очевидный вывод, который напрашивается при анализе массового нарушения общественного порядка в Казахстане в период со 2 по 12 января 2022 г., весьма неутешителен. Спустя 30 лет независимости, самостоятельности, отдаления от России, «демократического курса», «особого пути», на который неоднократно ссылался первый президент Казахстана Н. Назарбаев, выстроить по-настоящему прочное государство с эффективными гражданскими институтами и устойчивой вертикалью власти Казахстану так и не удалось. И это несмотря на сохранение большей части традиционных хозяйственно-экономических связей с Россией и отсутствие неприкрытой националистической риторики в отношении русскоязычного населения. Впрочем, в течение последних 2–3 лет в республике также обозначились сомнительные тенденции вроде перехода на латиницу и появления т.н. «языковых патрулей», имитирующих методы борьбы с русским языком, практикуемые на Украине. Но все же Казахстан наряду с Беларусью относился к числу наиболее стабильно развивающихся государств постсоветского пространства – будь то экономический либо политический азимуты [Байдаров 2011: 72].

По факту же уже к исходу третьего дня беспорядков в республике к 5–6 января город Алма-Ата с населением в 2 млн человек находится в руках банд мародеров. Были вскрыты оружейные арсеналы, без малейшего сопротивления захвачены отделения полиции и комитета национальной безопасности. Захвачены, разграблены и сожжены административные здания, сотни магазинов, торговые центры, банки и банкоматы, офисы, квартиры. И даже аэропорт!

Были разоружены и захвачены десятки военных и полицейских, у них отнимали стрелковое оружие и даже специальную технику, на легковых машинах банды

блокировали армейские КАМАЗы, избивали и разоружали солдат.

Таким образом, уже на четвертые сутки массовых погромов (казуистика их названия здесь не играет роли – будь то «протесты», как предпочитают их называть зарубежные СМИ, или же попытка госпереворота, как заявил К.Ж. Токаев и той же позиции придерживается МИД РФ)¹ государство Казахстан как централизованный общественно-политический институт перестало существовать как таковое. Центральная власть оказалась изолированной в столице, стянув туда наиболее боеспособные и, что немаловажно, надежные силы срочников.

К чести высшего политического руководства Казахстана, там довольно оперативно оценили масштаб угрозы и последствия дальнейшего бездействия для национальной государственности страны. Вечером 5 января президент Казахстана К.Ж. Токаев обратился в ОДКБ с просьбой об оказании военной поддержки, и уже в ночь с 5 на 6 января председатель совета коллективной безопасности ОДКБ, премьер-министр Армении Н. Пашинян объявил, что организация направляет в Казахстан «коллективные миротворческие силы»².

И только с началом силовой операции ОДКБ в республике постепенно был восстановлен общественный порядок.

Значение операции ОДКБ для стабилизации обстановки на постсоветском пространстве

Автор не ставит задачу подробно описывать ход миротворческой операции ОДКБ 6–15 января 2022 г. Вместо этого хотелось бы сразу выделить два ключевых момента. Первый – это исключительно успешный дебют применения коллективных сил ОДКБ в зоне непосредственной оперативной ответственности Договора. И второе, на что следует обратить внимание, – характер «протестов» и острота общественно-политического

¹ Конечной целью бандитов в Казахстане был госпереворот, заявили в МИД России // РИА Новости 19.01.2022 URL: <https://ria.ru/20220119/kazakhstan-1768502097.html> (Дата обращения: 19.01.2022)

² ОДКБ направит Коллективные миротворческие силы организации в Казахстан // ТАСС 6 ЯНВАРЯ 2022 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13360605> (Дата обращения: 19.01.2022)

противостояния в Казахстане резко пошли на спад не просто по факту прибытия первых контингентов миротворческих сил 7 января 2022 г, но уже с момента оглашения официального решения ОДКБ о проведении в республике миротворческой операции. Автор оценивает оба этих факта как формирование эффективного «прецедента действия» в противовес деструктивному «прецеденту попустительства», воплощением которого является госпереворот на Украине в феврале 2014 г, приведший страну к расколу и гражданской войне. Впрочем, сравнение весьма условно, поскольку Украина в 2014 г. не состояла в ОДКБ. В то же время, в случае обращения тогдашнего президента страны В. Януковича к ОДКБ либо к руководству России с просьбой оказать содействие в восстановлении конституционного порядка, представляется, что такая помощь была бы оказана.

Кстати, параллель с украинскими событиями 7-летней давности не случайна. Как Украина, так и Казахстан жизненно важны для России в таком ключевом аспекте, как безопасность, будь то экономическое, военное или политическое ее измерение. И если пример Украины демонстрирует, что проблему разрыва хозяйственно-экономических связей решить, пусть и небезболезненно, но возможно, то протяженность совместной границы относится к категории географических констант.

Протяженность российско-украинской границы составляет порядка 3000 км (включая сухопутную и морскую часть границы). До событий 2014 г. она не требовала ни серьезных фортификационных работ, ни, тем более, постоянной дислокации по периметру контингентов российских вооруженных сил, призванных защищать границу от разного рода провокаций.

В случае с государственной границей Казахстана ситуация гораздо сложнее. Протяженность госграницы между нашими странами составляет порядка 7600 км, притом само понятие «границы» в данном случае весьма условно, поскольку контрольно-пропускные пункты (в количестве 51 пункта пропуска)

присутствуют только на ключевых автомобильных, железнодорожных и 1 речной транспортных артериях. Вся остальная территория между странами даже не имеет контрольно-следовой полосы. Стоит ли упоминать, что полноценное фортификационное обустройство этой границы заняло бы не один год и затребовало бы самых напряженных усилий...

Автор хотел бы еще раз подчеркнуть: речь не идет о некоем «встраивании» Казахстана в систему безопасности РФ, тем более о включении его в орбиту влияния России, о чем так эмоционально и болезненно рассуждают в зарубежных СМИ военные аналитики. По завершении миротворческой операции ОДКБ, начиная с 13 января 2022 г. из республики были последовательно выведены все контингенты миротворческих сил, а последние российские миротворцы ОДКБ вылетели в РФ из Казахстана утром 19 января 2022 г. С ними вылетел командующий, генерал А.Н. Сердюков. Страну покинули четыре последних самолета с российскими военными. Подобный подход в оказании помощи союзнику по Договору – наиболее иллюстративное подтверждение нашей позиции по этому вопросу. Однако Россия руководствуется исключительно интересами национальной безопасности, тем более что «раскачка обстановки» в Казахстане пришлось как раз на период подготовки ключевых переговоров по линии Россия-США, Россия-НАТО, Россия-ОБСЕ по вопросам предоставления нашей стране гарантий безопасности. Представляется, что момент для дестабилизации обстановки на южных рубежах России был выбран неслучайно. И тот факт, что в качестве «побочного эффекта» данной практики могла возникнуть угроза возникновения крупнейшего по территории очага нестабильности на постсоветском пространстве, кураторов процесса не сильно беспокоил. Напротив – появление очередной проблемы на пространстве бывшего СССР могло бы серьезно осложнить внешнеполитическую повестку как для России, так и для Китая, что вполне вписывается в современную внешнеполитическую практику т. н.

«коллективного Запада». Учитывая стратегический характер экономического сотрудничества между Казахстаном и КНР [Сыроежкин 2010:], подобный сценарий никак нельзя сбрасывать со счетов.

При этом, в ходе дестабилизации обстановки в Казахстане ставка была сделана на внезапность и скорость. Если сравнить временной промежуток, в течение которого происходила радикализация протестов (для простоты восприятия примем эту формулировку) на Украине в ноябре-феврале 2013–2014 гг. и аналогичных выступлений в Казахстане, то несложно заметить, что в первом случае этот процесс занял почти 3 месяца, а во втором – менее трех дней. И тот факт, что ОДКБ столь оперативно отреагировал на возникшую угрозу, не позволив нанести непоправимый ущерб национальной государственности Казахстана, свидетельствует о коренной переоценке роли и места ОДКБ в вопросе обеспечения безопасности на постсоветском пространстве в целом.

События в Казахстане: внутренние причины и внешние факторы

Ключевой причиной социально-политического взрыва, произошедшего в Республике Казахстан в январе 2022 г., автор считает накопившееся недовольство населения в экономической (уровень жизни и социальная политика государства) плоскости, а также в вопросе многолетнего выстраивания вертикали власти в стране. И это несмотря на, вроде бы, оформившуюся тенденцию на передачу государственной власти от первого президента Казахстана Н. Назарбаева его преемнику К.Ж. Токаеву. Как отмечает К.П. Курьлев, «как оказалось, транзит «по-назарбаевски» оказался протяженным во времени. Поскольку, покинув пост президента Казахстана, Н. Назарбаев сохранил за собой посты Председателя Совета безопасности и

Председателя правящей партии «Нур Отан», Председателя Ассамблеи народа Казахстана, остался членом Конституционного совета Казахстана. Фактически, в стране сложилась двоевластие: власть делили президент К.-Ж. Токаев и Н. Назарбаев, сохранивший широкие полномочия и рычаги влияния на госаппарат, в том числе на силовиков через пост Председателя Совбеза»¹. Оба этих фактора неразрывно связаны между собой, что во многом и объясняет столь быструю трансформацию сугубо экономических требований, выдвинутых протестующими в первый день событий, в ультимативно-политические, которые стали отчетливо звучать уже к исходу второго дня.

Как известно, первые протесты начались в Казахстане 2 января 2022 г. после резкого повышения цен на сжиженный газ, произошедшего 1 января 2022 г. в связи с переходом на рыночный механизм ценообразования. Митинги начались в газодобывающем городе Жанаозене на западе Казахстана, но 3–4 января перекинулись на Алма-Ату и другие крупные города страны. Участники протестов перешли от экономических требований к политическим, включавшим отставку правительства и уход из политики первого президента страны Н. Назарбаева.

Автор хотел бы еще раз отметить, что Казахстан находится в десятке стран мира с самой низкой стоимостью 1 литра бензина². Цены на сжиженный углеводородный газ (СУГ) даже после сильного повышения остались ниже, чем в России и подавляющем большинстве государств. По добыче нефти Казахстан сейчас на 2-м месте в СНГ после России³, по добыче урана – на 1-м месте в мире. Да и средние показатели Казахстана выглядят неплохо. По уровню жизни он на 2-м месте в СНГ после России⁴. Но ВВП на душу населения сильно разнится по регионам. И даже внутри одного региона

¹ Константин Курьлев. Анализ январских событий в Казахстане // Катехон URL: <https://katehon.com/ru/article/analiz-yanvarskih-sobytiy-v-kazahstane> (Дата обращения: 19.01.2022)

² Цены на бензин, литр. URL: https://ru.globalpetrolprices.com/gasoline_prices/ (Дата обращения: 19.01.2022)

³ Нефтяная промышленность РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/179?lang=ru> (Дата обращения: 19.01.2022)

⁴ Экономическое развитие стран СНГ. URL: <https://visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-stran-sng.html> (Дата обращения: 19.01.2022)

доходы людей, живущих и работающих в разных местах, отличаются так сильно, что это приводит к социальным конфликтам.

Ещё более тяжёлая ситуация в сёлах на юге страны, где в течение последних 20 лет произошёл демографический взрыв. Молодёжь, выросшая в больших семьях, не получает хорошего образования и не может рассчитывать на достойную работу. Люди уезжают из бедных аулов, пытаются устроиться в городах. Это удаётся далеко не всем, и отчаявшиеся категории граждан пополняют ряды криминала. Таким образом, подорожание газа стало искрой возмущения, которую в своих интересах попытались использовать антигосударственные силы.

Автор подчеркивает, что причины для социального недовольства в Казахстане, конечно же, были. Но одно лишь проявление социального протеста не могло дать столь разрушительного эффекта в виде скоординированных атак на органы власти по всей стране, захват административных зданий и разоружение силовиков. Кстати, бездействие силовых структур в первые дни беспорядков указывает на вероятность клановых противоречий внутри казахстанских элит. Организация же синхронных нападений на административные центры Казахстана свидетельствуют об их тщательной проработке и координации, причем необязательно сугубо извне, как заявил президент республики К.Ж. Токаев¹.

Дело в том, что для дестабилизации обстановки внутри республики заблаговременно были созданы вполне комфортные условия. И дело здесь не только в социально-экономическом недовольстве населения.

Стоит заметить, что Казахстан – одна из немногих постсоветских стран, где до сих пор работает Фонд Сороса и даже вопроса о

целесообразности его деятельности не поднимается. Согласно отчётности Фонда, в период с 1995 по 2020 год в Казахстане потрачено около 100 миллионов долларов². Аналогичные процессы в свое время происходили в Грузии и на Украине, что дало известный результат.

Очевидно, деятельность Фонда нацелена на результат и в Казахстане. Например, в течение многих лет Фонд Сороса занимается формированием негативного отношения казахстанского общества к совместной с Россией эксплуатации космодрома Байконур. Организацией инициируются жалобы на якобы «неправомерные действия» российской администрации, через подконтрольные СМИ³ вбрасываются тезисы о том, что якобы ущемляются права работающих там местных специалистов, о якобы экологической угрозе, которая исходит от эксплуатации космодрома.

Впрочем, Фонд Сороса далеко не единственная НКО, действующая на территории Казахстана. Как заявил в своём докладе на Гражданском форуме в Нур-Султане министр общественного развития Д. Калетаев, в последние 15 лет общее число НКО в республике значительно выросло: если в 2003 году их было около двух тысяч, то сейчас – 22 тысячи. Примерно 200 неправительственных организаций Казахстана получают иностранное финансирование, 70% средств приходит из США. По словам Д. Калетаева, сегодня в Казахстане действуют 53 международных организации, 30 иностранных государственных организаций, 77 зарубежных НКО и фондов⁴.

Главной целью всех поддерживаемых США информационных проектов в Казахстане является ментально-психологический отрыв населения республики от России и подрыв позиций РФ

¹ Казахстан был вынужден прибегнуть к помощи извне, заявил Токаев // РИА Новости 19.01.2022 URL: <https://ria.ru/20220119/kazakhstan-1768557410.html> (Дата обращения: 19.01.2022)

² Soros Kazakhstan Foundation // Прозрачность и подотчетность URL: https://www.soros.kz/ru/program/transperancy_and_accoutability/ (Дата обращения: 19.01.2022)

³ Почему Байконур пора возвращать из аренды? 5 причин назвали эксперты URL: [https://rus.azattyq-](https://rus.azattyq-ruhy.kz/analytics/25415-pochemu-baikonur-poravozvrashchat-iz-arendy-5-prichin-nazvali-eksperty)

[ruhy.kz/analytics/25415-pochemu-baikonur-poravozvrashchat-iz-arendy-5-prichin-nazvali-eksperty](https://rus.azattyq-ruhy.kz/analytics/25415-pochemu-baikonur-poravozvrashchat-iz-arendy-5-prichin-nazvali-eksperty) (Дата обращения: 19.01.2022)

⁴ Как Запад раскачивает Казахстан и какие НКО будут свергать власть // Политолог Дмитрий Родионов — о существующих на гранты Сороса НКО URL: <https://life.ru/p/1448643> (Дата обращения: 19.01.2022)

в Центральной Азии. При этом ставка, как и в других бывших республиках, делается на молодёжь, которая должна быть воспитана на «западных ценностях», негативно настроена по отношению к России.

Те, кто занимается созданием негативного образа России, как правило, парируют любые моральные упреки примерно так: «Я не против русских, я против имперской политики Москвы / навязываемой извне коррупции!». Точно так же всё начиналось на Украине, где скакавшие на майдане вчерашние студенты отрицали свою русофобию. Правда, после победы «революции» неприкрытый фашизм проявил себя в самой низменной форме на Донбассе.

Автор рассчитывает, что в этом плане пример Украины должен чему-то научить казахстанские элиты: заигрывание с западными НКО, формирующими мировоззрение молодёжи, основанное на русофобии, имеет фатальные последствия для национальной государственности.

Завершая наш анализ событий в Казахстане 2–12 января 2022 г., хотелось бы выделить еще один условный фактор, повлиявший на дестабилизацию обстановки в республике. Это геостратегическое положение Казахстана [Амелин, Денисов, Моргунов 2016: 102]. Находясь на стыке интересов России и Китая [Изюмов 2012: 29], страна невольно оказывается в перечне внешнеполитических амбиций США, рассматривающих страну со столь выгодным географическим положением в качестве удобного инструмента влияния на обоих своих геополитических оппонентов. Представляется, что в случае свержения президента К. Ж. Токаева и последующего хаоса в Казахстане главными проигравшими стали бы именно Россия и Китай. Для России Казахстан – один из ключевых союзников по ОДКБ, где располагаются важнейшие для РФ объекты, включая Байконур. Это также крупнейшая после России экономика в рамках ЕАЭС. Для Китая Казахстан – критически важный участник масштабного

проекта «Шёлковый путь». Не стоит забывать и об обоюдном интересе Казахстана и АСЕАН [Кулумбаева 2016: 1]. Наконец, в равной степени для России и КНР, Казахстан играет важную роль в контексте ШОС. Захватив контроль над Казахстаном, подобно тому, как это удалось сделать на Украине, Вашингтон нанёс бы сильный удар и по России, и по Китаю.

В этой связи становится понятно, почему в США выразили такое недовольство¹ тем, что К.Ж. Токаев приказал открывать огонь по погромщикам на поражение и позвал в страну войска ОДКБ. Тем не менее, автор считает, что рвать связи с Казахстаном по примеру Белоруссии Запад не будет, принимая во внимание именно геостратегическую ценность данного регионального актора.

Заключение

По сути, Казахстан является уже вторым после Белоруссии наглядным свидетельством о необходимости кардинального изменения внутренней и внешней политики государств постсоветского пространства. Ставка на развитие местного национализма не привела ни Минск, ни Нурсултан к успешному созданию национального государства – лишь к внутренним конфликтам и осложнению отношений с Москвой. Поэтому если лидеры других среднеазиатских государств не хотят дальнейшей деградации и этнических беспорядков на своей территории, то от ставки на антирусский национализм им придется отказаться. И если Россия к тому времени и далее будет демонстрировать готовность проводить политику «мягкой силы» в регионе, то содействие этой практике наилучшим образом соответствовало бы их национальным интересам.

Из событий января 2022 г. всем участникам следует сделать выводы. Властям Казахстана – о недопустимости дальнейшего разложения общества зарубежными НКО и о необходимости сосредоточения внутривнутриполитических

¹ В Белом доме прокомментировали приказ Токаева стрелять на поражение // РИА Новости 08.01.2022 URL: <https://ria.ru/20220107/prikaz-1766914389.html>

ресурсов на повышении социально-экономического благополучия населения. Российскому руководству – о неизменности курса на защиту национальных интересов и укрепление безопасности страны и ее союзников по ОДКБ. Наконец, зарубежным оппонентам – о бесперспективности попыток

дальнейшей дестабилизации общественно-политической обстановки на постсоветском пространстве и готовности к принятию фундаментальных решений в вопросе предоставления гарантий безопасности РФ и ее союзникам на международной арене

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А.* (сост.). Евразийский перекресток. Выпуск 2 Оренбург – Астана: Университет, 2015. – 216 с
- Байдаров Е.У.* Рост международного авторитета независимого Казахстана и вызовы глобализации: материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 27 мая 2011 г.). – Алматы: КИЦ Института Философии и политологии КН МОН РК, 2011. – 265 с.
- Дегтерев Д.А., Курьлев К.П.* Внешняя политика стран СНГ. Москва: Аспект Пресс, 2017.
- Изимов Р.Ю.* (сост.) Китай глазами казахстанцев. Алматы, 2012.
- Кулумбаева Б.О.* АСЕАН – практика Юго-Восточной интеграции. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан, 2016 г., 5 стр.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Сыроежкин К.Л.* Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – 336 с.

REFERENCES

- Amelin V.V., Denisov D.N., Morgunov K.A.* (sost.). Evrazijskij perekrestok. Vypusk 2 Orenburg - Astana: Universitet, 2015. – 216 s
- Bajdarov E.U.* Rost mezhdunarodnogo avtoriteta nezavisimogo Kazahstana i vyzovy globalizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Almaty, 27 maja 2011 g.). – Almaty: KIC Instituta Filosofii i politologii KN MON RK, 2011. – 265 s.
- Degterev D. A., Kurylev K. P.* Vneshnjaja politika stran SNG. Moskva: Aspekt Press, 2017.
- Izimov R.Ju.* (sost.) Kitaj glazami kazahstancev. Almaty, 2012.
- Kulumbaeva B.O.* ASEAN - praktika Jugo-Vostochnoj integracii. Evrazijskij nacional'nyj universitet im. L. N. Gumileva, g. Astana, Respublika Kazahstan, 2016 g., 5 str.
- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Syroezhkin K.L.* Kazahstan - Kitaj: ot prigranichnoj trgovli k strategicheskomu partnerstvu Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2010. - 336 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пархитко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и истории журналистики Филологического факультета РУДН (e-mail: scharnchorst@mail.ru)

Бисеров Алексей Иванович – ведущий специалист Управления по развитию одаренной молодежи (УПРОМ РУДН). (e-mail: bisero-ai@rudn.ru)

Parkhitko Nikolay P. – PhD in History, Associate Professor of the Theory and History of Journalism Department, RUDN University (e-mail: scharnchorst@mail.ru)

Bisero-ai Alexei I. – senior specialist of the RUDN Development of Gifted Youth Department (e-mail: bisero-ai@rudn.ru)

Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010)

Г. М. Майтдинова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

О. М. Шаропов

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. Важной вехой в истории международных отношений Центральной Азии стали таджикско-российские отношения с 1992 г. по 2010 г. В статье рассматриваются проблемы становления двусторонних отношений новых государств на примере трансформации республиканских связей Таджикистана и России в межгосударственные. С момента установления дипломатических отношений Таджикистан и Россия выстроили систему стратегического партнерства и военного союзничества. В первые десятилетия таджикско-российского сотрудничества закладывались основы российско-таджикского взаимодействия в военной и пограничной сферах, военно-технического сотрудничества, подготовки для Таджикистана военных кадров, расширения торгово-экономических связей, расширения двустороннего культурного сотрудничества. Гуманитарное сотрудничество двух стран осуществлялось в области культуры, образования и науки, которое было направлено на сохранение единого научно-культурного и образовательного пространства между Таджикистаном и Россией. Стержневым элементом таджикско-российского стратегического партнерства и союзничества в исследуемый период являлась координация совместных действий на международной арене в двустороннем формате, а также в рамках глобальных и региональных организаций, как ООН, ОДКБ, СНГ, ШОС и др. Прошедшие два десятилетия таджикско-российского взаимодействия заложили прочную основу для современного развития двусторонних и многосторонних отношений.

Ключевые слова: Россия, Таджикистан, международные отношения, безопасность, союзничество, партнерство, стратегические интересы, международное право, соглашение.

Для цитирования: Майтдинова Г. М., Шаропов О. М. Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010). Постсоветские исследования. 2022;1(5):18-29.

Tajik-Russian Relations in the conditions of Statehood Formation (1991-2010)

Guzel M. Maitdinova

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

Otabek M. Sharopov

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Abstract. An important milestone in the history of international relations in Central Asia was Tajik-Russian relations from 1992 to 2010. The article considers the problems of the formation of bilateral relations of new states on the example of the transformation of republican relations between Tajikistan and Russia into interstate. Since the establishment of diplomatic relations, Tajikistan and Russia have built a system of strategic partnership and military alliance. In the first decades of the Tajik-Russian cooperation, the foundations of Russian-Tajik cooperation in the military and border areas, military-technical cooperation, training of military personnel for Tajikistan, expansion of trade and economic ties, and expansion of bilateral cultural cooperation

were laid. Humanitarian cooperation between the two countries was carried out in the field of culture, education and science, which was aimed at preserving a single scientific, cultural and educational space between Tajikistan and Russia. The core element of Tajik-Russian strategic partnership and alliance during the researched period was the coordination of joint actions in the international arena in a bilateral format, as well as in the framework of global and regional organizations, such as the UN, the CSTO, the CIS, the SCO, etc. The past two decades of Tajik-Russian cooperation have laid a solid foundation for the modern development of bilateral and multilateral relations.

Key words: Russia, Tajikistan, international relations, security, alliance, partnership, strategic interests, international law, agreement.

For citation: Guzel M. Maitdinova, Otabek M. Sharopov Tajik-Russian Relations in the conditions of Statehood Formation (1991-2010). *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):18-29. (In Russ.)

Одним из системообразующих звеньев в структуре международных отношений Центральной Азии является взаимодействие Таджикистана и России. Опыт трансформации республиканских связей советского Таджикистана и РСФСР в межгосударственные отношения и его изучение является важной научной проблемой истории международных отношений Центральной Азии. Как известно, интеграция советских республик в рамках СССР укрепил экономические связи, создал основы для промышленного развития Центральной Азии, способствовал вестернизации культуры народов региона, ускорению трансформационных процессов в традиционных обществах и формированию общей советской идентичности. В конце XX в. в постсоветской Центральной Азии сформировалась новая подсистема международных отношений, сформировались международно-правовые основы сотрудничества новых государств. С момента провозглашения своего суверенитета новые государства региона руководствовались принципами Вестфальской системы международных отношений: взаимного признания суверенитета, территориальной целостности, приоритета международного права в межгосударственных отношениях. 9 сентября 1991 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Таджикистана было принято Постановление «О государственной независимости Республики Таджикистан». К февралю 1992 г. суверенный Таджикистан

официально признали 83 государства мира, в том числе все постоянные члены Совета безопасности ООН [Назаров, Сатторзода 2006: 90-92]. Этот период в истории Республики Таджикистан можно обозначить как «полосой дипломатического признания». На этом этапе шел процесс интеграции Таджикистана в глобальные и региональные организации – ООН, МВФ, ЕБРР, СБСЕ, СНГ, ДКБ. Становление таджикской государственности происходил в условиях кровопролитной гражданской войны в стране, постепенного разрыва традиционных экономических связей, перехода государства к рыночной экономике и реформирования государственных структур в новых условиях и системного социально-экономического кризиса. Между тем, существенно менялся государственный аппарат и подходы к управлению государством. В этот период происходили перемены в структуре правительства, становление дипломатии нового государства, создание вооруженных сил, реформирование структур спецслужб. 28 декабря 1993 г. впервые в новейшей истории Председателем Верховного Совета Республики Таджикистан Э. Рахмоновым были очерчены контуры концепции внешней политики суверенного Таджикистана и обозначены внешнеполитические приоритеты: первый пояс - СНГ; второй пояс - Центральная Азия; третий пояс - Пространство персоязычных государств; четвертый пояс - мусульманские страны

Востока; пятый пояс - мировое сообщество [Рахмонов 2006-2010: 156-157].

Первое десятилетие таджикского государства было этапом формирования и стабилизации политической системы, интеграции в мировое сообщество, осознания своих национальных интересов, решения пограничных проблем, определения геостратегии страны, становления внешней политики и формирования внешнеполитической концепции. В начале второго десятилетия независимости таджикского государства был достигнут определенный подъем в экономике, что послужило в дальнейшем основой для начала структурных реформ: были начаты реструктуризация и приватизация предприятий, реформа аграрной системы, начата реализация коммуникационных проектов, разработана Стратегия развития страны до 2015 г. и пр. 24 сентября 2002 г. была утверждена первая Концепция внешней политики Республики Таджикистан, в которой были изложены основные внешнеполитические приоритеты государства и механизмы их реализации. В декабре 2002 г. Таджикистан впервые озвучил тезис о том, что в своей внешнеполитической деятельности отныне государство будет руководствоваться своими национальными интересами и избирает многовекторную внешнюю политику, которая должна способствовать решению внутристрановых задач и, прежде всего, экономических проблем. В Концепции многовекторной внешней политики Таджикистана подчеркивается, что она опирается на такие принципы, как «демонополизация» внешнеполитических приоритетов, диверсификация связей с зарубежными партнерами, равноудаленность или равноприближенность к глобальным политическим лидерам-странам [Саидов 2010: 8-9]. В апреле 2003 г. в послании Президента РТ Парламенту страны было заявлено, что основой внешней политики Таджикистана является «политика открытых дверей» - готовность к сотрудничеству со всеми субъектами международных отношений на основе соблюдения общепринятых международных норм и

принципов [Рахмонов 2006-2010: 120]. Данный внешнеполитический принцип был продиктован необходимостью сохранения, развития национального государства, а также для выхода из социально-экономического кризиса.

В пору становления своей государственности Таджикистану необходимо было решать важнейшие проблемы внутренней и внешней политики. Российская Федерация одной из первых признала независимость суверенного Таджикистана. 8 апреля 1992 г. были установлены дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией. Во второй половине 1990-х гг. завершилась трансформация прежних межреспубликанских связей в международные отношения и в регионе утвердилась новая подсистема международных отношений.

В первое десятилетие главные усилия дипломатии Таджикистана и России были направлены на регулирование партнерских и межсоюзнических отношений. Наступившее состояние неопределенности и нестабильности после распада СССР поставило перед руководством Таджикистана сложную задачу адаптации к новой геополитической ситуации и выработки внешнеполитических приоритетов, которые соответствовали бы региональным и глобальным политическим, экономическим и духовно-культурным условиям и реальному месту суверенного Таджикистана в мировом сообществе. Каждый этап трансформации международных отношений требует от государства серьезной ответственности по нахождению акцентов внешнеполитических ориентиров, которые могли бы достаточно адекватно защитить национальные интересы страны [Шарипов 2006: 9]. Схожие задачи и проблемы стояли и перед остальными вновь образовавшимися после распада СССР государствами на постсоветском пространстве, в том числе и перед Россией. Таджикистану и России, таким образом, необходимо было разработать и систематизировать свой собственный внешнеполитический курс после развала

СССР. Решались проблемы разорванных экономических связей, договаривались о мерах и методах совместного обеспечения безопасности региона, включая вопросы функционирования военных баз, урегулировании конфликтов, координации возможных военных действий, поставки оружия и военных материалов, наконец, о начертании контуров будущего мирного взаимодействия.

Дипломатическая деятельность России в Центральной Евразии опиралась на массив подробной и разносторонней военной и политической информации, накопленной за длительный исторический период добрососедства. Продвижение стратегических интересов предполагало первостепенное внимание к вопросам государственного строительства и вооружения государств региона, нового политического курса, подрывной деятельности религиозной оппозиции, спонсируемой иностранными правительствами [Ежова 2016: 173].

С момента установления дипломатических отношений Таджикистан и Россия выстроили систему стратегического партнерства и военного союзничества, которые опираются на базовые межгосударственные документы, такие как: «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 25 мая 1993 г. и договор «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 16 апреля 1999 г., ориентированном в XXI век. Правовой основой для развития таджикско-российского сотрудничества в гуманитарной и научно-технической сферах является Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Российской Федерацией о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, спорта и туризма от 1995 г. Гуманитарное сотрудничество двух стран осуществляется в области культуры, образования и науки, которое направлено на сохранение единого научно-культурного и образовательного пространства между Таджикистаном и Россией. В декабре 2005 г. Государственная

Дума России ратифицировала Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан «О трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации», ставшее договорно-правовой основой для решения вопросов трудовой миграции. В настоящее время двустороннее сотрудничество опирается на более чем 300 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, регулирующих активные многоплановые поступательные связи двух государств.

В первое десятилетие главные усилия дипломатии России были направлены на регулирование партнерских и межсоюзнических отношений. Решались проблемы разорванных экономических связей, договаривались о мерах и методах совместного обеспечения безопасности региона, включая вопросы функционирования военных баз, урегулировании конфликтов, координации возможных военных действий, поставки оружия и военных материалов, наконец, о начертании контуров будущего мирного взаимодействия.

Дипломатическая деятельность России в Центральной Евразии опиралась на массив подробной и разносторонней военной и политической информации, накопленной за длительный исторический период добрососедства. Продвижение стратегических интересов предполагало первостепенное внимание к вопросам государственного строительства и вооружения государств региона, нового политического курса, подрывной деятельности религиозной оппозиции, спонсируемой иностранными правительствами [Ежова 2016: 173].

В 90-е г. XX в. в России наблюдалась определенная недооценка места и значения Центральноевразийского региона для будущего Российской Федерации. И в этом был явный стратегический просчет. Если в политическом и военно-политическом плане Россия действовала достаточно энергично и активно, то во многих других областях,

прежде всего в сфере экономики, культуры, гуманитарного сотрудничества российская политика носила значительно менее активный характер. Реальный внешнеполитический разворот курса России в отношении Центральной Евразии стал происходить лишь с начала 2000 г. Более ясными стали контуры российской политики в регионе, четче определены принципиальные подходы России к перспективным вариантам создания устойчивой системы региональной и субрегиональной стабильности [Светличный 2006: 9-10]. Стало очевидным, что для России Центральная Азия всегда будет представлять исключительно важный регион для обеспечения ее долгосрочных жизненных интересов. Ощутимым стало понимание того, что без стабильности в Центральной Евразии, без динамичного социально-экономического развития стран региона, без углубления и расширения интеграционных процессов на этом пространстве трудно представить дальнейший устойчивый рост экономики России, а соответственно – и перспективу усиления ее влияния как на региональном, субрегиональном, так и на глобальном уровнях [Лежень 2005: 13]. Определились и национальные интересы России в центральноевразийском регионе, которые сводились к следующему:

1. Обеспечение стабильности в Центральной Евразии на основе максимально тесных партнерских отношений с соответствующими государствами. Любой сценарий дестабилизации может иметь для России самые тяжелые последствия.

2. Сохранение единого экономического пространства с Центральной Евразии для удержания достаточно емкого рынка сбыта своей продукции и устойчивого импорта из региона целого ряда сельскохозяйственных и промышленных товаров.

3. Использование географического положения и транзитного потенциала Центральной Евразии между Россией и крупнейшими странами мира – Китаем и Индией – в целях беспрепятственного поддержания и развития партнерских

отношений России с Китаем, Индией и Ираном, со странами АТР.

4. Обеспечение ведущей роли России в регионе за счет активизации экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и ШОС.

К 2005 г. таджикско-российское сотрудничество охватывало практически все сферы жизни: политику, экономику, торговлю, военно-техническую, гуманитарную, финансово-кредитную, топливно-энергетическую, производственную кооперацию, гражданскую оборону и помощь при чрезвычайных ситуациях и т. д. [Сатторов, Саидов 2013: 17-18].

Стержневым элементом таджикско-российского стратегического партнерства и союзничества является координация совместных действий на международной арене в двустороннем формате, а также в рамках глобальных и региональных организаций, как ООН, ОДКБ, СНГ, ШОС и др. Глобальные и региональные инициативы Таджикистана и России всегда взаимно поддерживались друг другом. Оба государства объединяет стремление к позитивному решению проблем региональной безопасности, сотрудничество по борьбе с нетрадиционными угрозами.

Практически с первых лет после провозглашения независимости республики между Россией и Таджикистаном поддерживаются активные связи в политической области. Стали ежегодными встречи на высшем уровне, во время которых президенты обеих стран предметно обсуждают вопросы повышения эффективности двустороннего многопланового сотрудничества, региональной безопасности и укрепления интеграционных процессов в различных форматах, российско-таджикского взаимодействия в военной и пограничной сферах, военно-технического сотрудничества, подготовки для Таджикистана военных кадров, расширения торгово-экономических связей, расширения двустороннего культурного сотрудничества. Активно развивается межпарламентское сотрудничество [Буторов 2007:57-58].

Россия оказала огромную помощь Таджикистану в создании и укреплении вооруженных сил страны. С момента провозглашения независимости военные кадры РТ проходят подготовку в российских высших военно-учебных заведениях. Только с 1993 г. по 2007 г. Правительствами Республики Таджикистан и Российской Федерацией были подписаны на различных уровнях 2 договора, 21 соглашение, 5 контрактов, 5 протоколов и 25 дополнительных соглашений в военной области. Эти документы заложили правовую базу двустороннего сотрудничества. Только в 2000-х гг. Россией оказана безвозмездная помощь Вооруженным силам Таджикистана на сумму более 56 млн долларов США. Таджикские вооруженные силы сотрудничают с Россией в рамках ОДКБ, которая создана для борьбы с военными угрозами. Для усиления роли ОДКБ по охране южных рубежей СНГ созданы Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР). Кроме того, Таджикистан сотрудничает с Россией в рамках ШОС в действиях против международного терроризма, религиозного экстремизма, сепаратизма и других угроз современности [Мирзоев 2007: 26-28].

В октябре 2004 г. в рамках официального визита Президента России В.В. Путина в Таджикистан было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о передаче в собственность России оптико-электронного узла «Нурек» (Окно) - системы контроля космического пространства и порядке его функционирования. В соответствии с этим документом в апреле 2005 г. министры обороны России и Таджикистана подписали акт передачи данного объекта российской стороне сроком на 49 лет. В ноябре 2005 г. Министерство финансов Республики Таджикистан выдало Министерству обороны Российской Федерации свидетельство о передаче движимого и недвижимого имущества, входящего в состав оптико-электронного узла «Нурек» («Окно»).

Серьезную угрозу безопасности не только Центральной Азии, но и всего евразийского пространства представляет контрабанда наркотических веществ из Афганистана, с которым Таджикистан имеет протяженную границу. Таджикистан сотрудничает в борьбе с наркотрафиком с заинтересованными государствами и международными организациями, учитывая, что в одиночку крайне сложно нанести серьезный урон организованным транснациональным группам. Было подписано более 30 многосторонних и двусторонних соглашений. При этом особое внимание уделялось укреплению сотрудничества с правоохранительными органами и спецслужбами России. В частности, Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан был подписан ряд двусторонних межведомственных соглашений, протоколов и планов о сотрудничестве и взаимодействии с правоохранительными органами и силовыми структурами России в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прокураторов. Только за период 2000–2005 гг. Агентство совместно с взаимодействующими органами России провели 52 результативные операции, из них 11 – методом контролируемой поставки, из незаконного оборота изъята 1 тонна 167 кг наркотиков, в том числе более 800 кг героина.

В соответствии с Соглашением между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией о правовом статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Таджикистана, подписанным 15 мая 1993 г., российские пограничники защищали таджикско-афганскую границу и стояли заслоном на пути афганского наркотрафика. Только за период с 1993 года по 2007 гг. подразделениями Пограничного Управления ФСБ России в Таджикистане было изъято 30 тонн 102 кг наркотических средств, из которых 11 тонн 463 кг составлял героин. С 2000 г. по 2005 г. российскими пограничниками совместно с

правоохранительными и силовыми структурами Таджикистана было проведено 85 совместных мероприятий, в результате которых из незаконного оборота было изъято около 3 тонн наркотиков.

В процессе передачи функции охраны таджикско-китайской и таджикско-афганской границы таджикским пограничникам они приняли от российских коллег 13 военных городков, 64 пограничных застав и комендатур. Таджикские военнослужащие получили также штатное стрелковое и групповое вооружение застав, все имеющиеся технические средства охраны госграницы, оптические приборы, радиостанции, а также автомобильный транспорт на общую сумму более 800 млн рублей. Каждая застава передавалась с 2–3-месячным запасом топлива, горюче-смазочных материалов, вещевого имущества, продовольствия, что стало хорошим подспорьем для таджикских пограничников. В декабре 2005 г. таджикским пограничникам безвозмездно были переданы 2 вертолета Ми-8МТ, а в ноябре 2006 г. еще 4 вертолета было передано вооруженным силам Таджикистана [Летов 2006: 186].

Несмотря на вывод российских пограничников 2005 году, таджикско-российское пограничное сотрудничество продолжалось в новом формате. В отрядах Пограничных войск Таджикистана стали функционировать российские советнические аппараты, сотрудники которых оказывали консультативную, теоретическую и практическую помощь своим таджикским коллегам в вопросах организации оперативно-служебной деятельности частей и подразделений. Таджикские и российские пограничники стали совместно разрабатывать и осуществлять в необходимых случаях мероприятия по борьбе с противоправными действиями на Государственной границе РТ (незаконной миграцией через государственную границу, контрабандой оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, радиоактивных материалов, незаконным перемещением через Государственную границу Республики Таджикистан

наркотических средств и психотропных веществ).

Важную роль стала выполнять по сдерживанию внешних деструктивных сил и укреплению потенциала безопасности Таджикистана 201-я Российская военная база, а также Организация договора коллективной безопасности. Мощный импульс таджикско-российскому антинаркотическому сотрудничеству придали решения глав государств ОДКБ об усилении борьбы с наркоугрозой. Создание в соответствии с этим решением Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ с целью координации антинаркотической борьбы на постсоветском пространстве явилось эффективным ответом транснациональной наркопреступности. Под эгидой КСОПН и во взаимодействии с Секретариатом ОДКБ с 2003 г. было проведено несколько успешных оперативно-профилактических операций «Канал» по выявлению и блокированию маршрутов нелегальной транспортировки афганских наркотиков по так называемым «Северным маршрутам» [Одинаева 2010: 31-33]. В Таджикистане успешно проходили крупномасштабные учения по линии КСОР стран-членов ОДКБ.

Правовой основой для развития таджикско-российского сотрудничества в гуманитарной и научно-технической сферах стало Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Российской Федерацией о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, спорта и туризма от 1995 г. Гуманитарное сотрудничество двух стран осуществлялось в области культуры, образования и науки, которое было направлено на сохранение единого научно-культурного и образовательного пространства между Таджикистаном и Россией. На основе имеющихся договоренностей ежегодно студенты Таджикистана стали направляться на учебу в вузы России. В вузах России обучались в тот период более 700 таджикских граждан. Осуществлялись постоянные контакты научных и научно-исследовательских институтов, культурных

учреждений двух стран. С 1996 года стал функционировать в Душанбе Российско-Таджикский (славянский) университет, ставший одним из образовательных и культурных центров Таджикистана. Россия регулярно передавал для школ и библиотек Таджикистана учебники и художественную литературу. Посольство России в Таджикистане оказывал помощь учителям русского языка и литературы средних школ Таджикистана в работе курсов повышения квалификации. Проводились мероприятия, направленные на пропаганду культуры, языка и других духовных ценностей народов России и Таджикистан [Бабаджанова 2007: 34-35].

Важной составляющей таджикско-российского сотрудничества в тот период являлось регулирование миграционной политики. В те годы внешняя трудовая миграция из Таджикистана росла высокими темпами. Численность рабочих-мигрантов составляла от 1,5 до 2 млн челове [Умаров, Ульмасов 2006: 95]. По неофициальным данным, в трудовой миграции в России из этого количества находились более 1 млн человек. В декабре 2005 г. Государственная Дума России ратифицировала Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан «О трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации», ставшее договорно-правовой основой для решения вопросов трудовой миграции [Буторов 2013: 16-17]. В марте 2006 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект, облегчающий регистрацию трудовых мигрантов. Внешняя трудовая миграция в Россию помогает снизить уровень социальной и политической напряженности в Таджикистане. Ежегодно трудовые мигранты отправляют в Таджикистан не менее 2 млрд долларов США. По экспертным оценкам внешние трудовые мигранты представляют от 75 до 80% всех домохозяйств Таджикистана [Ульмасов 2007: 227-231]. Подавляющую часть совокупных доходов домохозяйств как в городах, так и в сельских местностях

составляют денежные поступления от мигрантов из России, что реально является экономическим подспорьем для Таджикистана.

Через каналы Антикризисного фонда ЕврАзЭС в 2010 г. Таджикистану был предоставлен грант в размере 70 млн долл. на поддержку государственного бюджета. С 2012 г. Россия совместно с партнерами по ЕврАзЭС реализует программу по рекультивации хвостохранилищ в Центральной Азии, в т.ч. в Таджикистане (Россия финансирует 75% бюджета программы, общая стоимость которой оценивается в 1 млрд руб.).¹

Для России Таджикистан является одним из ключевых звеньев в борьбе с международным терроризмом. Афганский фактор акцентирует внимание обоих государств на необходимость постоянного совершенствования укрепления южных рубежей Таджикистана. Учитывая новые угрозы безопасности постсоветских государств, исходящие из Афганистана, Россия оказывает помощь по укреплению таджикско-афганской границы. В контексте безопасности Таджикистана военное и военно-техническое сотрудничество является приоритетным направлением российско-таджикского взаимодействия. Ежегодно на безвозмездной основе обучение в России проходят порядка 500 таджикских военнослужащих. Россия содействует модернизации Вооруженных сил Таджикистана, передавая ей продукцию военного назначения. Согласно плану модернизации армии Таджикистана, Россия оказывала помощь в поставке новых вооружений, подготовке офицерских кадров. Ежегодно в России проходили подготовку около 500 таджикских военнослужащих. Удовлетворение потребностей Вооруженных сил Таджикистана в продукции военного назначения российского производства

¹ В последние годы отношения России и Таджикистана находятся на подъеме. Интервью Лякина-Фролова И. С. - Чрезвычайного и Полномочного Посола Российской Федерации в Республике Таджикистан журналу Международная жизнь». // <https://interaffairs.ru/news/show/27196>

осуществлялось в рамках согласованных между двумя странами планов модернизации таджикских Вооруженных сил. Ежегодно на безвозмездной основе обучение в России проходили порядка 500 таджикских военнослужащих.² Дислоцированная в Таджикистане 201-я Российская военная база являлась(ся) одним из важнейших факторов сдерживания внешних угроз безопасности Таджикистана. Российские офицеры и солдаты выполняют важную гуманитарную миссию - они активно участвуют в возрождении памятников героям Гражданской и Великой Отечественной войн, благоустройстве захоронений фронтовиков, проводят встречи с общественностью и молодежью, участвуют в спортивных и других праздничных мероприятиях. Военная база оказывает гуманитарную помощь для детей сирот, инвалидов и ветеранов в Душанбе, Турсунзаде и Хатлонской области. Во время чрезвычайных ситуаций в Таджикистане подразделения 201-й РВБ привлекались к оказанию помощи населению районов, пострадавших в результате стихии.

Учитывая рост традиционных угроз национальной безопасности Таджикистана, именно военное и военно-техническое сотрудничество являлось и является одним из приоритетных направлений российско-таджикского взаимодействия. В целом точек таджикско-российского взаимодействия множество и не реализованный потенциал даст возможность развития позитивного стратегического сотрудничества. Укрепление российских позиций в регионе возможно при условии, что Россия будет играть ключевую роль в обеспечении экономического, научного и технического развития Центральной Азии. При прагматичной экономической политике именно указанный регион способен стать наиболее эффективным местом приложения российского капитала. По мере осознания этого можно будет говорить о начале принципиально нового этапа внешней политики России в целом и в регионе в частности [Мещеряков 2012: 39-40]. В

целом таджикско-российские отношения, имея огромный ресурс развития, обрели качественную динамику в новых исторических условиях. Прошедшие два десятилетия таджикско-российского взаимодействия заложили прочную основу для современного развития двусторонних и многосторонних отношений. Состояние таджикско-российского сотрудничества на современном этапе дает возможность прогноза, что взаимодействия двух государств в XXI в. будут плодотворно развиваться для решение ключевых вопросов региональной и международной повестки дня.

² Игорь Лякин-Фролов: Россию и Таджикистан связывают многовековые отношения прочной дружбы//ИА "Азия Плюс" 27.02.2017 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабаджанова М.М.* Таджикско-российское сотрудничество в сфере культуры: состояние и перспективы // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение». С. 34–35.
- Буторов С.А.* Внешняя политика России в странах СНГ. Душанбе, 2007. С.57-58.
- Буторов С.А.* О перспективах российско-таджикского сотрудничества в условиях глобализации // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение». С.16-17.
- Ежова М.Ю.* Дипломатия России в продвижении стратегических интересов в Центральной Азии // Материалы международной научной конференции «Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Евразии в условиях геополитических перемен». Душанбе: РТСУ, 2016, с. 173.
- Ежова М.Ю.* Дипломатия России в продвижении стратегических интересов в Центральной Азии // Материалы международной научной конференции «Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Евразии в условиях геополитических перемен». Душанбе: РТСУ, 2016, с. 173.
- Лежень В.В.* Центральная Азия в фокусе геополитических интересов мировых центров силы: взаимодействия и противоречия // Материалы международной научной конференции «Средний Восток в системе геополитических координат: прошлое, настоящее, будущее». Душанбе, 2005. С.13.
- Летов В.Ю.* Новые формы и перспективы российско-таджикского сотрудничества в пограничной сфере // Материалы международной научной конференции «Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Азии в условиях глобализации (евразийские модели как альтернатива мондиализму)». С.186.
- Мецераков К.Е.* Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб, 2012. С. 39–40.
- Мирзоев Б.К.* Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в двустороннем формате и в рамках интеграционных объединений // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение». Душанбе, 2007. С. 26–28.
- Назаров Т., Сатторзода А.* Дипломатия муосири тоҷик. Душанбе, 2006. С. 90-92.
- Одинаева Б.Ф.* Особенности наркоситуации в Центральной Азии и сотрудничество Таджикистана в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение. С. 31-33
- Рахмонов Э.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 8 т. Душанбе, 2006–2010. Т.1. С. 156-157.
- Рахмонов Э.* Ответственность за будущее нации. // Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 8 т. Душанбе, 2006–2010. Т. 5, с. 120.
- Саидов З.* Актуальные аспекты внешнеполитического механизма и международной деятельности Республики Таджикистан. Душанбе, 2010, с.8-9.
- Сатторов А., Саидов З.О.* Российско-таджикские отношения на современном этапе и перспективы развития // Материалы международной научной конференции «200 лет Министерству иностранных дел России и 10 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном. С. 17-18.
- Светличный В.Л.* Россия и Центральная Азия: стратегия и перспективы многопланового сотрудничества // Материалы международной научной конференции «Национальные

- интересы и политика безопасности государств Центральной Азии в условиях глобализации (евразийские модели как альтернатива мондиализму)». С. 9–10
- Ульмасов Р. Миграция глазами СМИ. Душанбе, 2007. С.227-231.
- Умаров Х., Ульмасов Р. Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование). Душанбе, 2006. С.95.
- Шарипов С.И. Новая система международных отношений и внешняя политика Таджикистана. // Таджикистан и современный мир. №2 (11) 2006. С. 9.

REFERENCES

- Babadzhanova M.M.* Tadzhijsko-rossijskoe sotrudnichestvo v sfere kul'tury: sostoyanie i perspektivy // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie». S. 34–35.
- Butorov S.A.* Vneshnyaya politika Rossii v stranah SNG. Dushanbe, 2007. S.57-58.
- Butorov S.A.* O perspektivah rossijsko-tadzhijskogo sotrudnichestva v usloviyah globalizacii // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie». S.16-17.
- Ezhova M. Yu.* Diplomatiya Rossii v prodvizhenii strategicheskikh interesov v Central'noj Azii // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye interesy i politika bezopasnosti gosudarstv Central'noj Evrazii v usloviyah geopoliticheskikh peremen». Dushanbe: RTSU, 2016, s. 173.
- Ezhova M. Yu.* Diplomatiya Rossii v prodvizhenii strategicheskikh interesov v Central'noj Azii // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye interesy i politika bezopasnosti gosudarstv Central'noj Evrazii v usloviyah geopoliticheskikh peremen». Dushanbe: RTSU, 2016, s. 173.
- Lezhen' V.V.* Central'naya Aziya v fokuse geopoliticheskikh interesov mirovykh centrov sily: vzaimodejstviya i protivorechiya // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Srednij Vostok v sisteme geopoliticheskikh koordinat: proshloe, nastoyashchee, budushchee». Dushanbe, 2005. S.13.
- Letov V. Yu.* Novye formy i perspektivy rossijsko-tadzhijskogo sotrudnichestva v pograničnoj sfere // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye interesy i politika bezopasnosti gosudarstv Central'noj Azii v usloviyah globalizacii (evrazijskie modeli kak al'ternativa mondiализму)». S.186.
- Meshcheryakov K.E.* Vneshnyaya politika Rossii v Central'noj Azii: problemy i tendencii razvitiya, puti modernizacii s cel'yu povysheniya effektivnosti. SPb, 2012. S. 39–40.
- Mirzoev B.K.* Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Tadzhiкistan i Rossijskoj Federacii v dvustoronнем формате i v ramkah integracionnyh ob"edinenij // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie». Dushanbe, 2007. S. 26-28.
- Nazarov T., Sattorzoda A.* Diplomatiyai muosiri tochik. Dushanbe, 2006. S. 90-92.
- Odinaeva B. F.* Osobennosti narkosituacii v Central'noj Azii i sotrudnichestvo Tadzhiкistana v bor'be s nezakonnym oborotom narkotikov // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie. S. 31-33
- Rahmonov E.* Nezavisimost' Tadzhiкistana i vozrozhdenie nacii. V 8 t. Dushanbe, 2006–2010. T.1. S. 156-157.
- Rahmonov E.* Otvetstvennost' za budushchee nacii. // Nezavisimost' Tadzhiкistana i vozrozhdenie nacii. V 8 t. Dushanbe, 2006–2010. T. 5, s. 120.
- Saidov Z.* Aktual'nye aspekty vneshnepoliticheskogo mekhanizma i mezhdunarodnoj deyatel'nosti Respubliki Tadzhiкistan. Dushanbe, 2010, s.8-9.
- Sattorov A., Saidov Z.O.* Rossijsko-tadzhijskie otnosheniya na sovremennom etape i perspektivy razvitiya // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «200 let Ministerstvu inostrannyh del Rossii i 10 let so dnya ustanovleniya diplomaticeskikh otnoshenij mezhdru Rossiej i Tadzhiкistanom. S. 17-18.

Svetlichnyj V.L. Rossiya i Central'naya Aziya: strategiya i perspektivy mnogoplanovogo sotrudnichestva // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye interesy i politika bezopasnosti gosudarstv Central'noj Azii v usloviyah globalizacii (evrazijskie modeli kak al'ternativa mondializmu)». S. 9–10

Ul'masov R. Migraciya glazami SMI. Dushanbe, 2007. S.227-231.

Umarov H., Ul'masov R. Vneshnyaya trudovaya migraciya v Tadzhikestane (prichiny, problemy, posledstviya, regulirovanie). Dushanbe, 2006. S.95.

Sharipov S.I. Novaya sistema mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnyaya politika Tadzhikestana. // Tadzhikestan i sovremennyj mir. №2 (11) 2006. S. 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майтдинова Гузель – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства. Республика Таджикистан, Душанбе.	Майтдинова Гузель – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства. Республика Таджикистан, Душанбе.
--	--

Шаропов Отабек Муродович – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета	Sharopov Otabek Murodovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Russian-Tajik (Slavic) University
--	--

Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане

Б. Д. Искандарзода

Российский университет дружбы народов, Россия
ORCID ID: 0000-0000-0000, email:iskandarzoda@outlook.com

Аннотация. Несмотря на то, что в 2021 г. Республика Таджикистан отпраздновала 30-летие государственной независимости, страна все еще является достаточно молодым государством, ставшим полноправным и суверенным членом международного сообщества ценою кровопролитной братоубийственной гражданской войны 90-ых годов, унесшей жизни сотен тысяч людей и вынудившей миллионы покинуть свой дом в поисках безопасной жизни. В настоящей статье даётся анализ внутри- и внешнеполитических факторов, а именно – роли отдельных государств и других акторов международных отношений в данном конфликте. Возникновению как противоречий, так и последовавшей за ними гражданской войны, способствовало множество различных факторов, некоторые из которых возникли задолго до распада СССР, а другие начали «давать плоды» уже в 1990-е гг. Очевидно одно: гражданская война была неизбежна. Межклановые и межэтнические обиды, затухающая экономика, неэффективный экономический менеджмент, низкая политическая грамотность населения, идея исламизма, прогрессирующая, как злокачественная опухоль, среди молодёжи и многое другое Таджикистан получил после обретения своей независимости.

Ключевые слова: Таджикистан, гражданская война, постсоветские исследования.

Для цитирования: Искандарзода Б. Д. Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. 2022;1(5):30-38.

Foreign Policy Factors and Civil Conflict Resolution in Tajikistan

Bekhruz D. Iskandarzoda

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0000-0000, email:iskandarzoda@outlook.com

Abstract. Despite the fact that in 2021 the Republic of Tajikistan celebrated 30 years of state independence, the country is still quite a young state, which became a full and sovereign member of the international community at the cost of a hard and bloody civil war in the 90s, which killed hundreds of thousands of people and forced millions to flee their home in search of peace and prosperity. This article analyses the internal and external factors, namely the role of certain states and other international actors in this conflict. A large number of factors, ranging from socio-economic, ethno-demographic to political-religious, individually and collectively, have contributed to both the controversy and the resulting civil war. Many of these factors began to emerge long before the collapse of the USSR, while others began to "bear fruit" in the 1990s. One thing is certain: a civil war was inevitable. Inter-clan and inter-ethnic tension as ethno-demographic factor, decaying economy and ineffective economic management and low political literacy of population as socio-economic factor as well as Islamism idea that is progressing like malignant tumor among youth as political-religious factor and many other things - the price Tajikistan paid for building independent Tajik state. Overall, peace and national accord in Tajikistan were preceded by many years of negotiations between the Government of the Republic and the opposition, which at the time were represented by various political movements and parties.

Keywords: Tajikistan, Civil War in Tajikistan, Post-Soviet Studies.

For citation: Bekhruz D. Iskandarzoda. Foreign Policy Factors and Civil Conflict Resolution in Tajikistan. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;1(5):30-38. (In Russ.)

Резкий и неожиданный распад СССР повлек за собой неспособность новообразовавшихся государств самостоятельно решать внутривнутриполитические проблемы, тогда как для формирования новой экономической модели требовались время и ресурсы, которые, однозначно, были ограничены. Каждой из республик достались в наследство промышленная инфраструктура и стратегические объекты различного назначения (от космической промышленности до производства самолётов): кому-то больше, кому-то меньше. Таджикистану, по сравнению с другими странами, досталось немного: энергетические комплексы, производство алюминия и предприятия легкой промышленности. Требовалось правильное и эффективное управление доставшимися ресурсами, что невозможно было обеспечить ввиду озабоченности общества другими проблемами, а именно проблемами политического раскола, дальнейшего курса нации и ее самосознания.

Долгое время, практически со времен образования Таджикской ССР, политическая элита этой советской республики состояла из так называемого «ходженского клана» - выходцев с севера страны, из Ленинабада и Кулябской области. Такого рода дискриминационная кадровая политика, из года в год все больше укоренявшаяся в системе, не могла не привести к возникновению определённых обид среди региональных кланов, которые впоследствии переросли в гражданскую войну. Этнодемографический фактор с уверенностью можно назвать одной из главных причин возникновения кровопролитной гражданской войны 1990-х гг. Местничество возымело свой эффект и сильно проявилось еще до распада Советского Союза: правящая элита Таджикистана преуспела в создании резкого контраста между уровнями развития регионов Таджикистана. Неравное распределение благ и бюджета между районами республики в советский период усугубило региональное неравенство и привело в дальнейшем к недовольству жителей ряда областей.

Отдельно стоит упомянуть о религиозном факторе, который играл практически центральную роль в рассматриваемой проблеме. Социально-экономический кризис, который переживал в то время Таджикистан, стал опорой для активизации исламистской идеологии. Обстановка, возникшая в обществе, очень точно совпала с распадом СССР. Ослабление контроля Москвы усилило деструктивные силы во многих бывших республиках СССР, в Таджикистане в том числе. Общество начало активно политизироваться, стали образовываться различные организации и движения политического характера. Подогреваемая извне идея исламского государства, вскорости ставшая популярной среди молодёжи, была движущей силой антиправительственных акций, направленных против политики, проводимой таджикскими коммунистами.

Предпосылками конфликта послужили экономическая отсталость и активизация радикальных исламистских элементов, а также то, что многие кланы из других районов Таджикистана не были представлены в правящей верхушке страны.

Мощная исламская оппозиция, зародившаяся на волне преобразований в СССР и на фоне давних противоречий между регионами, вдохновлённая падением режима Наджибуллы в Афганистане, попыталась захватить власть в Таджикистане. Противостояние вылилось в межэтнический конфликт и гражданскую войну (1992–1997 гг.) между Народным фронтом, сторонниками светского государства (кланы Худжанда и Хатлона), и объединённой таджикской оппозицией – коалицией исламистов (выходцев из районов Гарма) и «демократов» (из Горного Бадахшана) [Внешняя политика стран СНГ 2017].

Роль России в урегулировании гражданской войны в Таджикистане

Российская Федерация являлась и является одним из государств, которые поддерживали и до сих пор поддерживают конституционную и легитимную власть в Таджикистане. Именно российская 201-ая дивизия внесла значительный вклад в урегулирование конфликта в самом начале

внутренних политических противоречий в стране. Многие специалисты и ученые по-разному оценивают роль России в завершении гражданской войны.

М. Ташмухаммадов в своих трудах пишет [Ташмухаммадов 2004], что интересы России охватывают политико-военные, экономические и многие другие аспекты двусторонних отношений с Таджикистаном. Во-первых, Россия и Таджикистан являются членами СНГ и ОДКБ, также Россия является активным проводником интересов Таджикистана в международных и региональных организациях. Во-вторых, Россия рассматривает таджикско-афганскую границу как коллективную южную границу СНГ, к защите которой прикладываются совместные усилия, в том числе и по борьбе с террористическими и экстремистскими организациями, наркотрафиком и торговлей оружием [Ташмухаммадов 2004]. Наравне с этим Россия принимает активное участие в вопросе урегулирования таджикско-китайской границы. В-третьих, – экономический фактор. Россия является одним из основных экономических доноров Таджикистана. Также нельзя сбрасывать со счетов наличие русского населения в этническом составе республики, что не могло не привлекать внимание России к Таджикистану [Ташмухаммадов 2004].

Главным фактором, обуславливавшим непосредственное участие России в урегулировании конфликта в Таджикистане, является то, что Россия не хотела терять свое политическое влияние в Центральной Азии [Сатторзода 2021: 254-261].

В тяжелые времена гражданской войны российская 201-ая дивизия обеспечивала мир и спокойствие в республике, оказывала непосредственную поддержку Народному фронту. Когда под натиском оппозиции Р. Набиеву (президент Республики Таджикистан до 1992 г.) пришлось уйти в отставку, ему было предоставлено убежище и покровительство в стенах 201-ой дивизии. По просьбе конституционного правительства Таджикистана 201-ая дивизия с сентября 1992 г. также осуществляла защиту и оборону немалого количества объектов, имевших стратегическую и экономическую значимость для республики. В частности,

такими объектами были Нурекская ГЭС, электрохимический комбинат в Яване, завод азотных лучей в Вахше, несколько военных центров, огромное количество автодорог, контроль над которыми гарантировал стратегическое превосходство.

Военный контингент 201-ой дивизии насчитывал в то время более 7 тыс. солдат. Другой частью российской армии на территории Таджикистана была пограничная группа, обеспечивавшая безопасность на границах совместно с таджикскими вооруженными силами.

Любой конфликт межгосударственного или внутригосударственного уровня требует приложения больших политических и дипломатических усилий. Процесс урегулирования межэтнического конфликта 1990-х гг. был многоаспектным и включал в себя несколько составляющих.

Естественно, что для урегулирования конфликта необходимо установить формат и площадку, где противоборствующие стороны могли бы обмениваться мнениями и приходиться к определенным соглашениям. Поэтому первым шагом в урегулировании конфликта стали переговоры между правительством и Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), прошедшие в Москве с 5 по 19 апреля 1994 г., когда военные действия еще продолжались. Переговоры были организованы под эгидой ООН и с участием наблюдателей от России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Афганистана, Ирана и Пакистана. Делегацию от Таджикистана возглавил тогдашний министр по вопросам труда и занятости Ш. Зухуров (по 2020 г. возглавлявший нижнюю палату Маджлиси Оли – парламента Республики Таджикистан), а делегацию от Объединенной таджикской оппозиции – председатель Координационного комитета демократических сил Таджикистана О. Латифи. Отсутствие на переговорах представителей более высокого ранга сказалось на том, что стороны не смогли достичь определенных договоренностей, способных значительно повлиять на исход конфликта. Тем не менее на том этапе были подписаны несколько документов: Протокол о создании Совместной комиссии по

проблемам беженцев и вынужденных переселенцев из Таджикистана¹ и прилагающиеся к нему документы, которые имели символическое значение для обеих сторон и долгое время не были реализованы фактически.

Помощь дружественной и братской России не ограничивалась только военными усилиями. 25 мая 1993 г. между РФ и Республикой Таджикистан был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Именно этот Договор положил начало дальнейшему стратегическому партнерству и союзническим отношениям в духе взаимопомощи между двумя странами. Продолжение истории 201-й дивизии также нашло отражение в этом документе: согласно 3-му пункту, стороны обязывались проводить согласованную оборонную и военно-техническую политику, России передавалось право размещать войска и любые другие специальные подразделения Вооруженных сил РФ на территории Республики Таджикистан, пользоваться военными объектами страны нахождения.

Тем самым с уверенностью можно заявить, что Российская Федерация занимает центральную роль в урегулировании гражданской войны в Таджикистане.

Однозначно, что оппозиция, поддерживаемая исламистами извне, выступала против соглашений и договоров, подписанных между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан.

Роль Исламской Республики Иран в гражданском конфликте в Таджикистане

Исламская Республика Иран также сыграла важную роль в урегулировании межтаджикского конфликта 1990-гг., но, в отличие от Российской Федерации, целям и задачам внешней политики Ирана больше соответствовала идеология ОТО, а не легитимного светского правительства. Иран, будучи исламским государством, был более заинтересован в возникновении в Центральной Азии еще одного исламского

государства, находящегося под его влиянием.

Несмотря на историческую близость народов Таджикистана и Ирана и достижения таджикской и иранской дипломатии в развитии дружеских, братских отношений между странами, роль Исламской Республики Иран в гражданской войне Таджикистана не однозначна.

Иран был настроен на урегулирование конфликта, хотя и не в пользу конституционного правительства. Помимо того, что Иран выступал наблюдателем практически на всех раундах переговоров между правительством Таджикистана и ОТО, большинство соглашений и договоров были подписаны именно в Тегеране. В частности, речь идет о Протоколе по вопросам беженцев, подписанном в Тегеране 13 января 1997 г., Протоколе о гарантиях осуществления Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане от 28 мая 1997 г., Соглашении о временном прекращении огня и других враждебных действий на таджикско-афганской границе и внутри страны от 17 сентября 1994 г., а также Соглашении о прекращении огня и других враждебных действий на таджикско-афганской границе и внутри страны на период переговоров от 17 сентября 1994 г. (два последних документа были подписаны в один день и, несмотря на практически идентичное название, предметы рассмотрения разные). Такое активное и непосредственное участие в организации переговоров и предоставление площадки для их проведения свидетельствует о том, что Иран выступал за установление мира и национального согласия в Таджикистане.

Исламская Республика Иран, несмотря на оказанную ею помощь и активное участие в проведении переговоров между правительством и оппозицией, намеревалась реализовать собственные геополитические задачи, в частности, содействовать возникновению у себя под боком лояльного

¹ Протокол о создании Совместной комиссии по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев из Таджикистана, Москва, 19 апреля 1994 г. [Электронный ресурс] // Сайт Миссии наблюдателей

ООН в Таджикистане (МНООНТ): [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/unmotagr.htm> (дата обращения: 10.03.2021);

исламского государства, тем самым расширив сферу своего влияния в регионе.

Роль международных организаций и мирового сообщества в урегулировании гражданской войны в Таджикистане

СНГ, в свою очередь, приняло 34 документа, направленных на установление мира и сохранение территориальной целостности Таджикистана. Огромное значение для организации и обеспечения успеха этого процесса имели последующие коллективные действия государств СНГ. На XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан было принято решение обратиться к государствам СНГ с просьбой о введении в зону конфликта миротворческих сил. Уже через полтора месяца Совет глав государств в ответ на просьбу Правительства Таджикистана принял Решение о формировании Коллективных миротворческих сил и начале их функционирования. 10 февраля 1995 г. в Алматы, Республике Казахстан, состоялись заседания Совета глав государств СНГ, на которых был принят важный для сотрудничества России и Таджикистана документ – Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ. К тому же на одном из этих заседаний главами России, Таджикистана, Казахстана, Киргизии и Узбекистана было принято Обращение к Председателю Совета Безопасности ООН о проведении в Таджикистане полноценной миротворческой операции под эгидой ООН, что, несомненно, дало старт миротворческой деятельности на территории страны.

Интересы Узбекистана в Таджикистане обуславливались историческими связями, ведь многие таджики и узбеки имеют смешанные семьи, большая часть населения Согдийской области, запада Гиссарской долины и небольшая доля населения Хатлонской области говорит на обоих языках: как на таджикском, так и на узбекском. Кроме того, эти страны имеют общую протяженную границу. В Таджикистане проживает не менее 1 млн 200 тыс. этнических узбеков. Помимо этого, таджикский истеблишмент тогда активно лоббировал продвижение этнических узбеков в кадровых вопросах. Приход национал-патриотических и исламских сил в

Таджикистане рассматривался в Ташкенте как угроза целостности и безопасности Узбекистана, поскольку там мог встать вопрос о принадлежности двух древних городов – Самарканда и Бухары, имеющих отношение к таджикам, а также в плане активизации исламских радикалов, особенно в Ферганской долине. Ко всему прочему Узбекистан претендовал на роль лидера в Центральной Азии.

Стоит отметить, что Афганистан и Пакистан также принимали активное участие в урегулировании конфликта в Таджикистане, но, тем не менее, полностью поддерживали позицию Ирана в данном вопросе, а именно, активно содействовали и помогали оппозиции Таджикистана в лице исламистов.

Что касается ООН, то стабильные отношения с Таджикистаном возникли с первых же дней его независимости. Таджикистан стал полноправным членом ООН 2 марта 1992 г. на 46-ой сессии Генеральной Ассамблеи, в результате чего подтвердил свой статус независимого государства и получил уникальный шанс внести свой вклад в развитие мирового сообщества и в решение проблем общемирового масштаба. В своей основе эти отношения были обусловлены стремлением мирового сообщества, в лице ООН, помочь Таджикистану, находившемуся в 1992–1997 гг. в состоянии гражданской братоубийственной войны, восстановить мир и национальное единство. Одним из важных направлений стало взаимодействие и сотрудничество с различными институтами ООН и другими международными организациями, принимавшими участие в межтаджикских переговорах по установлению мира и национального согласия. В начале 1992 г. Э. Рахмон обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой направить в республику миссию наблюдателей ООН, в задачу которой входило бы поддержание контактов с правительством независимого Таджикистана, миротворческими силами СНГ и координация вопросов, связанных с оказанием содействия республике в урегулировании межтаджикского конфликта.

Положение в республике было предметом обсуждения на Совете Безопасности ООН. Гражданская война, вспыхнувшая летом 1992 г. в Таджикистане, вызвала глубокую озабоченность мирового сообщества.

Представители ООН в статусе специальных посланников Генерального секретаря ООН активно включились в урегулирование межтаджикского конфликта. В ноябре 1992 г. страну посетила объединенная группа представителей ООН, получившая в дальнейшем название «Миссия наблюдателей ООН в Таджикистане». Изучив позиции различных политических партий и групп, являвшихся той или иной стороной конфликта, и на всесторонней основе проанализировав сложившуюся ситуацию, участники миссии подготовили отчет о развитии событий и о положении в Таджикистане. Эта и последующие миссии определили, что в стране идет полномасштабная гражданская война и что налицо необходимость, во-первых, полноценного участия ООН в восстановлении мира в стране и, во-вторых, создания условий, позволяющих ООН в полную силу использовать свой миротворческий потенциал. В Душанбе 1 февраля 1993 г. было открыто представительство ООН, тогда же началась деятельность Миссии наблюдателей ООН в Таджикистане. Её основной целью было оказание содействия миротворческому процессу, оценка военной ситуации и обеспечение продвижения мирного процесса, также содействие в построении демократического и светского общества, отвечающего идее прав человека и идеалам устава Организации. Благодаря работе Миссии наблюдателей ООН (с 21 января 1993 г. по май 2000 г., МНООНТ) осуществлялся мониторинг реализации основных положений Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, подписанного 27 июня 1997 г. По запросу правительства в связи с завершением мандата МНООНТ в июне 2000 года было создано Бюро ООН по содействию миростроительству в Таджикистане. К тому же спецпредставитель

Генсека ООН Г. Меррем участвовал в подписании Общего соглашения об установлении мира и национального согласия, что, несомненно, подчеркивало положительную роль ООН в урегулировании конфликта и установлении мира и политической стабильности в Таджикистане [Солиходжаева 2019].

Мир и политическая стабильность в Таджикистане являются залогом коллективной безопасности на южных границах СНГ. Только сильное и централизованное государство, каким может стать Таджикистан при содействии стран-участниц СНГ, способно обеспечить собственную национальную безопасность, привлечь иностранные инвестиции в экономику, а также обеспечить безопасность как своих южных границ, так и СНГ в целом. Укрепление таджикско-афганской границы также служит интересам Российской Федерации и всего мирового сообщества. В частности, это поможет закрыть один из основных каналов контрабандного ввоза в СНГ наркотиков и оружия.

Оценивая роль международного сообщества в урегулировании кровопролитной гражданской войны в Таджикистане, можно заключить, что соседние государства, в частности, страны-участницы СНГ, стремились оказать ему любое возможное содействие в прекращении боевых действий по той причине, что война в соседнем государстве никогда не сказывается положительно на внутренней политике и национальной безопасности граничащих с ним стран. Длительный гражданский конфликт в отдельно взятом государстве всегда сказывается на соседях и выражается в ослаблении экономики, потенциальных пограничных стычках, угрозах национальной безопасности, нежелательной миграции, потоках беженцев.

Гражданская война в Таджикистане унесла около 150 тыс. человеческих жизней, став причиной массового исхода беженцев и вынужденных переселенцев, разрушила много семей, практически привела к развалу народного хозяйства. Экономический ущерб

по самым скромным подсчетам составил 7 млрд долларов [Солоник 2011: 25-40]¹.

Таджикское правительство и оппозиция очень скоро осознали всю пагубность войны, поняли бесперспективность насильственного метода решения проблем. Для налаживания и подготовки переговоров между обеими сторонами конфликта ключевую роль сыграло международное сообщество, прежде всего Россия, Иран и другие страны и доноры Таджикистана, и, несомненно, ООН, которая с самого начала конфликта по просьбе как правительства и оппозиции, так и ряда государств-членов СНГ, активизировалась и включилась в процесс мирного урегулирования конфликта. Первая миссия ООН приступила к выполнению своих задач 21 января 1993 г.

В целом, миру и национальному согласию в Таджикистане предшествовали длительные многолетние переговоры между правительством и оппозицией, которую в то время представляли разные незаконные политические движения и партии: Партия исламского возрождения Таджикистана², ДПТ (Демократическая партия Таджикистана), движение «Растохез», «Лали Бадахшон» и т.д. Многие из них координировались извне (из Афганистана, Ирана и др.), тогда как страна нуждалась в активном политическом урегулировании изнутри.

В заключение хотелось бы отметить, что возникновению как конфликта, так и последующей за ним гражданской войны способствовало множество факторов: начиная с социально-экономических, этно-демографических и заканчивая политико-религиозными. Многие из факторов возникли еще задолго до распада СССР, а другие начали «давать плоды» уже в 1990-е гг. Очевидно одно: гражданская война была неизбежна. Межклановые и межэтнические обиды – как этно-демографический фактор, затухающая экономика, неэффективный

экономический менеджмент и низкая политическая грамотность населения – как социально-экономический фактор, а также прогрессирующая, как злокачественная опухоль, идея исламизма среди молодежи – как политико-религиозный фактор и многое другое – цена, которую заплатил Таджикистан за свою независимость.

Говоря о внешнеполитических факторах, хотелось бы отметить особую роль РФ, которая, в отличие от других основных акторов в этом конфликте, поддерживала законное правительство Таджикистана в лице Эмомали Рахмона, взявшего курс на демократизацию Таджикистана, борьбу с исламистской заразой и установление мира и национального согласия в стране. Россия играла и до сих пор играет роль стратегического партнера и союзника Таджикистана, о чем говорит их политическая общность и совместное членство в СНГ, ОДКБ, ШОС. Возможно, если бы не помощь братской России, то история таджикского народа могла сделать поворот совершенно в другую сторону.

Отдельно хотелось бы отметить роль Ирана и Афганистана: несмотря на историческую и языковую общность и близость наших народов, эти страны, в лице исламских режимов, были заинтересованы в образовании на карте мира еще одного исламского государства, исповедующего ценности совершенно противоположные развитию и процветанию свободолюбивого, демократического и независимого государства.

Что касается роли личности в кровопролитной и братоубийственной войне в Таджикистане, то нельзя не упомянуть отдельно исторический вклад Э. Рахмона, ставшего для многих таджиков героем и спасителем нации. Сегодняшние мир и благоденствие Таджикистана во многом заслуга именно уважаемого Э. Рахмона

¹ Солоник Н.В. Страницы эпохи распада СССР: гражданская война в Таджикистане // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2011. №11. С. 25-40.

² Организация признана террористической постановлением Верховного суда Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Внешняя политика стран СНГ // под ред. Д.А. Дегтерева, К.П. Курылева. М.: Аспект-Пресс, 2017 г.
- Малашенко А. Таджикистан: долгое эхо гражданской войны // Россия и мусульманский мир. 2012. №8.
- Рахимов К.Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390-1401.
- Сатторзода А. Омилҳои дохилӣ ва хориҷии сулҳи тоҷикон / А. Сатторзода // Назарияи ваҳдат. Маърифати иҷтимоии ваҳдати миллӣ: масъалаҳо, ҳолат ва дурнамо. – Т. 15. – Душанбе: Дониш, 2021. – С. 254-261.
- Солиходжаева С.А. Историография внешней политики Республики Таджикистан (1991-2016 гг.): диссертация ... кандидата Исторических наук: 07.00.15 / Солиходжаева Саидахон Анварходжаевна; [Место защиты: Таджикский национальный университет], 2019.
- Солоник Н.В. Страницы эпохи распада СССР: гражданская война в Таджикистане // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2011. №11. С. 25-40.
- Ташмухаммадов М. Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление / М. Ташмухаммадов. – Саппоро, 2004. – 26 с.
- Халлыев М. М. Религиозный фактор в политических процессах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. №5.
- Шарафиева О.Х. Межтаджикские переговоры как пример урегулирования внутреннего конфликта // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №367.
- Шарафиева О.Х. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №359.
- Шарипов А.Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 7. С. 1503-1510.
- Шорохов В.А., Андреев А.А. Российские войска в Горно-Бадахшанской автономной области в 1992-1997 годах // Научный диалог. 2019. №11.

REFERENCES

- Hallyev M. M. Religioznyj faktor v politicheskikh processah Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2019. №5.
- Malashenko A. Tadzhiestan: dolgoe ekho grazhdanskoj vojny // Rossiya i musul'manskij mir. 2012. №8.
- Rahimov K.H. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadzhiestan s SHOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopolyarnom mire // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1390-1401.
- Sattorzoda A. Omilhoi dohili va horijii sulhi tojikon / A. Sattorzoda // Nazariyai vahdat. Ma'rifati ijtimoi vaahdati milli: mas'alaho, holat va durnamo. – T. 15. – Dushanbe: Donish, 2021. – S. 254-261.
- Sharafieva O.H. Mezhtadzhijskie peregovory kak primer uregulirovaniya vnutrennego konflikta // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2013. №367.
- Sharafieva O.H. Rol' regional'nyh klanov vo vnutrennej politike Tadzhiestana // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. №359.
- Sharipov A.N. Osnovnye etapy formirovaniya vneshnej politiki Respubliki Tadzhiestan // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 7. S. 1503-1510.
- Shorohov V.A., Andreev A.A. Rossijskie vojska v Gorno-Badahshanskoj avtonomnoj oblasti v 1992-1997 godah // Nauchnyj dialog. 2019. №11.
- Solihodzhaeva S.A. Istoriografiya vneshnej politiki Respubliki Tadzhiestan (1991-2016 gg.): dissertaciya ... kandidata Istoricheskikh nauk: 07.00.15 / Solihodzhaeva Saidahon Anvarhodzhaevna; [Mesto zashchity: Tadzhijskij nacional'nyj universitet], 2019.

- Solonik N.V.* Stranicy epohi raspada SSSR: grazhdanskaya vojna v Tadzhikistane // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2011. №11.
- Tashmuhammadov M.* Grazhdanskaya vojna v Tadzhikistane i postkonfliktnoe vosstanovlenie / M. Tashmuhammadov. – Sapporo, 2004. – 26 s.
- Vneshnyaya politika stran SNG // pod red. *D.A. Degtereva, K.P. Kuryleva.* M.: Aspekt-Press, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Искандарзода Бехруз Дилшод – **Bekhruz D. Iskandarzoda** – Master of
Магистр в области международных International Relations, RUDN University (e-
отношений, РУДН (e-mail: mail: iskandarzoda@outlook.com)
iskandarzoda@outlook.com)

О возможных угрозах безопасности Узбекистана со стороны джихадистских движений Афганистана

З. С. Саримсоков

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail:zohidjon990@gmail.com*

Аннотация. После того, как к власти в Афганистане пришло движение «Талибан»¹ и США полностью вывели оттуда свои войска, появляется все больше вопросов относительно будущего государств Центральной Азии. В средствах массовой информации выдвигается множество теорий и зловещих сценариев, согласно которым в регион хлынут большие потоки беженцев и наркотиков, население в постоянном страхе от террористических актов, правительства рушатся под ударами исламского радикализма, вдохновленного успехами афганских джихадистов. Конечно, точно предсказать дальнейшие события в Центральной Азии пока невозможно, так как многое будет зависеть от курса, выбранного талибами, и от того, куда в итоге они приведут Афганистан. Статья посвящается последствиям вывода американских войск из Афганистана для стран ЦА. Особое внимание уделяется угрозам религиозного экстремизма, который может возникнуть в Афганистане. Основная цель работы заключается в попытке разобраться, как ситуация в Афганистане может повлиять на Узбекистан, одну из самых политически активных стран региона, реален ли мир в Афганистане и чего ожидать от нового режима. Актуальность работы обусловлена тем, что угроза религиозного радикализма, исходящая из Афганистана, может быстро распространиться по всему региону, чего как раз и опасаются власти Центрально–Азиатских республик. Рассмотрены позиции и интересы таких акторов, как Россия, Турция и, конечно же, Узбекистан. Проведенный анализ позволяет сформировать некое видение развития ситуации в Афганистане, которая пока находится в состоянии неопределенности.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, радикализм, движение «Талибан», Центральная Азия.

Для цитирования: Саримсоков З. С. О возможных угрозах безопасности Узбекистана со стороны джихадистских движений Афганистана. Постсоветские исследования. 2022;1(5):39-49.

Possible threats to the security of Uzbekistan from the jihadist movements of Afghanistan

Zokhidzon S. Sarimsokov

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail:zohidjon990@gmail.com*

Abstract. With the rise of the Taliban to power in Afghanistan and the final withdrawal of the U.S., there are growing questions about what now awaits neighboring Central Asian countries. The media and social networks are full of alarming news and images of a future in which the region is drowning in a large flow of refugees and drugs, living under the fear of potential terrorist attacks, and ruling regimes are crumbling under the blows of Islamist radicalism inspired by the Afghan scenario. Of course, it is impossible to predict exactly what will happen in Central Asia, as much will depend on the course taken by the Taliban and where the Taliban will ultimately lead in Afghanistan. The article focuses on the consequences of the withdrawal of U.S. troops from Afghanistan for the countries of Central Asia. Particular attention is paid to the threats of religious extremism that could erupt in Afghanistan. The main purpose of the paper is to try to understand how the situation in

¹ Организация, запрещенная в РФ.

Afghanistan may affect Uzbekistan's policy in the region, whether peace in Afghanistan is realistic and what to expect from the new regime. The relevance of the work is due to the fact that the threat of religious radicalism emanating from Afghanistan can quickly spread throughout the region, which is exactly what the regimes in Central Asia are afraid of. The positions and interests of such actors as Russia, Turkey, and, of course, Uzbekistan, one of the most proactive countries in the region, are considered. The analysis allows to formulate a vision of the development of the situation in Afghanistan, which is still in a state of uncertainty.

Keywords: foreign policy, international relations, radicalism, Taliban, Central Asia.

For citation: Zokhidzon S. Sarimsokov Possible threats to the security of Uzbekistan from the jihadist movements of Afghanistan. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):39-49. (In Russ.)

События последних месяцев, связанные с приходом к власти в Афганистане террористического движения «Талибан», вызывают серьезную обеспокоенность у руководителей государств Центральной Азии. Об этом говорят и эксперты, профессионально занимающиеся изучением Афганистана, и представители политических элит этих стран. По словам главы Казахстана К.-Ж. Токаева: «Ситуация в Афганистане, общее нарастание глобальной напряженности ставит перед нами задачу перезагрузки оборонно-промышленного комплекса и военной доктрины. Мы должны готовиться к внешним шокам и наихудшему варианту развития событий»¹.

Стоит отметить, что ситуация на границе Афганистана со странами Центральной Азии была беспокойной еще задолго до прихода к власти талибов, так как ежегодно только таджикские пограничники фиксировали примерно 30 столкновений в приграничных районах. Также не стоит забывать, что в ноябре 2019 г. в Таджикистан проникла группа боевиков, совершившая масштабное нападение на погранзаставу, которое с трудом было отражено². Еще одним примером

нестабильности ситуации служит нападение боевиков на погранвойска Туркменистана в июле 2018 г., в ходе которого погибло более 20 человек³.

В начале 2021 г. на территориях, подконтрольных «Талибану», действовала ячейка террористической сети «Аль-Каида», возглавляемая шейхом Усамой Махмудом, также имеются сведения, что на афганской территории скрывается тяжелооболоченный лидер «Аль-Каиды»⁴ Айман аз-Завахири. По последним данным, с талибами работают не менее 500 боевиков «Аль-Каиды», которые выполняют функции военных специалистов и инструкторов⁵.

Кроме того, на территории Афганистана действуют запрещенные во многих странах: «Исламская Партия Восточного Туркестана»⁶ (лидер Абдул Хак с более 1000 боевиками), «Исламское движение Узбекистана»⁷ (Джафар Юлдаш с 700 боевиками), «Хатиб имам аль-Бухари» (не менее 100 боевиков), «Джамаат Ансаруллох»⁸ (до 200 боевиков) [Мендкович Н., 2021]. Эти группировки сосредоточены в северных провинциях, включая Бадахшан, Кундуз и Бадгис, которые преимущественно заселены этническими таджиками и

¹ Риски из-за Афганистана: Токаев призвал готовиться к худшему.

Подробнее: <https://www.vesti.ru/article/2607658>

² Нападение на погранзаставу Ишкобод и версия провокации.

Подробнее: <https://stanradar.com/news/full/37130-napadenie-na-pogranzastavu-ishkobod-i-versija-provokatsii.html>

³ Никита Мендкович. Афганские контрабандисты превращаются в террористов. Подробнее: <https://regnum.ru/news/polit/2445650.html>

⁴ Организация, запрещенная в РФ.

⁵ Подробнее: <https://www.longwarjournal.org/archives/2021/08/talibans-special-forces-outfit-providing-security-at-kabul-airport.php>

⁶ Организация, запрещенная в РФ.

⁷ Организация, запрещенная в РФ.

⁸ Организация, запрещенная в РФ.

узбеками. К тому же, по некоторым данным, «Джамаат Ансаруллох» контролирует при талибах контрабанду наркотиков в Таджикистан. После захвата афганского Бадахшана талибы поручили управление пятью пограничными районами члену «Джамаат Ансаруллох», уроженцу Таджикистана М. Шарифову, разыскиваемому правоохранными органами на родине¹. Напомним, что данная группировка ответственна за многие теракты на территории Таджикистана и вызывает серьезную обеспокоенность у таджикских властей.

Таким образом, можно сделать вывод, что движение «Талибан» не напрасно признано террористической организацией, оно лишает покоя все правительства государств Центральной Азии. В его состав прочно интегрированы, как минимум, 5 международных террористических организаций, которые активно действуют в странах региона, а через них и в России. Велика вероятность того, что при новом режиме они рассредоточатся в приграничных районах, и по факту начнут контролировать их. Поэтому, можно сказать, что для властей Центрально-Азиатских республик сложилась новая политическая реальность, на которую они так или иначе должны реагировать².

«Узбекский» взгляд на ситуацию

Ташкент в сложившейся новой политической реальности готов продолжать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с Афганистаном, развивать экономические проекты, запланированные еще при прежнем руководстве страны. Несмотря на то, что узбекские власти призывают к широкому представительству всех слоев афганского общества (в том числе этнических меньшинств) в структуре управления страной, стоит признать, что вовлеченность Ташкента в деятельность

узбекского меньшинства Афганистана всегда была относительно низкой. После объявления состава временного правительства 8 сентября 2021 г. МИД Узбекистана выпустило обращение, в котором говорилось о «готовности к развитию конструктивного диалога и практического взаимодействия с новыми государственными органами Афганистана»³.

Основным приоритетом Ташкента в отношениях с Кабулом всегда было стремление к наращиванию торгового баланса с Афганистаном, но сегодня по объективным причинам наблюдается низкая платежная способность у афганцев. На встрече в формате «ШОС - Афганистан» президент Узбекистана Ш. Мирзиёев заявил о необходимости разморозить государственные активы Афганистана, которые находятся в зарубежных банках. Ш. Мирзиёев полагает, что это может предотвратить исход беженцев из страны. Глава МИД Узбекистана на встрече, организованной по инициативе Госдепа США и МИД ФРГ и состоявшейся 8 сентября 2021 г., акцентировал внимание на необходимости «разработки постконфликтной стратегии для Афганистана, рассчитанной на скорейшее восстановление его экономики, вовлечение в региональные интеграционные процессы, реализацию инфраструктурных проектов»⁴.

Новое инклюзивное правительство талибов также говорит о своих намерениях продолжать развитие сотрудничества с узбекскими властями по торгово-экономическим направлениям. Здесь можно вспомнить слова пресс-секретаря правительства талибов З. Моджахеда, который 3 сентября 2021 г. направил поздравительное послание по случаю Дня независимости Республики Узбекистан, в котором выразил надежду на «продолжение традиционного взаимовыгодного

¹ Кто такие «Джамаат Ансаруллох» и кому талибы поручили охрану части границы с Таджикистаном? Подробнее: <https://rus.azattyq.org/a/taliban-tajik-militants-border/31385228.html>

² Василий Кашин. Афганистан и проблемы региональной безопасности. Подробнее: https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/comments/afghanistan-i-problemy-regionalnoy-bezopasnosti/?sphrase_id=86244084

³ Заявление официального представителя МИД Республики Узбекистан. Подробнее: <https://mfa.uz/ru/press/news/2021/zayavlenie-oficialnogo-predstavatelya-mid-respubliki-uzbekistan---30261>

⁴ О министерской встрече по Афганистану. Подробнее: <https://mfa.uz/ru/press/news/2021/o-ministerskoy-vstreche-po-afganistanu---30268>

сотрудничества с Узбекистаном в условиях мира и спокойствия, а также в духе дружбы и добрососедских отношений»¹.

Также заметим, что Ташкент продолжает взаимодействовать по гуманитарной линии с Кабулом, результатом чего является созданный благоприятный образ страны у местного населения. Например, 14 сентября 2021 г. в город Хайратон прибыл железнодорожный состав с гуманитарной помощью от узбекских властей с продуктами питания, товарами первой необходимости, медикаментами, одеждой и обувью.

Следующим событием, ставшим важным шагом на пути восстановления наработанных связей между предпринимателями двух стран, стала рабочая встреча представителей приграничных органов управления Узбекистана и Афганистана – губернатора провинции Балх и хокима Сурхандарьинской области, состоявшаяся 27 сентября 2021 г. в г. Термез². Судя по заявлению МИД Узбекистана, опубликованному на сайте министерства, сразу после встречи с представителями афганской стороны «по обсуждаемым вопросам достигнута договоренность о принятии ряда мер, направленных на решение проблем с транзитом и доставкой грузов в Афганистан в связи с тяжелой гуманитарной ситуацией в этой стране»³.

Оглядываясь назад, на первый срок президентства Ш. Мирзиёева, и оценивая его внешнеполитический курс, можно отметить его старания по налаживанию взаимовыгодных связей со всеми участниками международных отношений. Поэтому не удивительно, что Узбекистан использует в отношении Афганистана весьма прагматичный подход, который опирается на торгово-экономические интересы. В существующих реалиях открываются

широкие возможности для узбекского бизнеса, умеющего маневрировать и прекрасно ориентирующегося в афганской специфике. Следует упомянуть, что ранее узбеки методично выстраивали экономические цепочки с Афганистаном, которые выдерживали любые политические кризисы и в перспективе оказывали положительное влияние на развитие приграничных территорий. Что касается нынешнего правительства Узбекистана, нужно отметить, что с его сдержанным и прагматичным внешнеполитическим курсом страна может превратиться в ключевого партнера почти всех главных акторов мировой политики в Центральной Азии. Но прежде узбекским властям нужно решить две важные задачи:

а) обеспечить безопасность страны в новых реалиях;

б) решить дилемму:

– как взаимодействовать с США, чтобы при этом не обидеть Россию и Китай;

– как взаимодействовать с США, не впуская их в страну.

а) Вопросы безопасности в новых реалиях

Для стран ЦА вопросы безопасности, в основном, связаны с деятельностью двух наиболее опасных террористических группировок глобального уровня – ИГИЛ⁴ и «Аль-Каидой» [Казанцев 2013]. В связи с этим появление некоторых ячеек ИГИЛ в Афганистане и активизацию «Аль-Каиды» стоит рассмотреть более подробно, особенно с точки зрения их деятельности на севере Афганистана, в приграничных провинциях, где большинство населения составляют этнические таджики и узбеки. Также проникновение радикальных группировок на территории стран ЦА является одним из ключевых факторов, оказывающим влияние на региональную политику мировых держав

¹ Поздравительное послание от пресс-секретаря Исламского Эмирата Афганистан Забихуллах Муджахеда. Подробнее: <https://mfa.uz/ru/press/news/2021/pozdravitelnoe-poslanie-ot-press-sekretarya-islamskogo-emirata-afganistan-zabihulla-mudzhaheda---30238>

² Хоким Сурхандарьи и губернатор Балха встретились в Термезе. Подробнее: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/27/balkh/>

³ Пресс-релиз Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. Подробнее: <https://mfa.uz/ru/press/news/2021/press-reliz-ministerstva-inostrannyh-del-respubliki-uzbekistan---30408>

⁴ Организация, запрещенная в РФ.

и на политику национальной безопасности стран региона [Князев 2004].

Началось с того, что осенью 2014 г. на пакистанской и афганской территории появились отдельные военизированные группировки сторонников ИГИЛ. По некоторым сведениям, одними из первых носителей радикально-экстремистской идеологии в Афганистане, вероятнее всего, были иностранные боевики, завербованные из числа молодых людей в республиках постсоветского пространства, где мусульмане являются большинством. Также стоит обратить внимание на то, что важную роль в формировании и становлении более радикальных группировок в Афганистане и Пакистане сыграли формирования, отколовшиеся от движения «Талибан» [Звягельская, Казанцев, Нессар, Панарин, 2017].

Массовое проникновение в Афганистан связанных с ИГИЛ отрядов боевиков и смена ориентации части талибов стали результатом проведения масштабной операции пакистанской армии под названием «Зарб-е-Азб»¹, в результате которой большое количество членов пакистанского «Талибана» и других террористических группировок были вытеснены из пакистанских провинций Вазиристан и Белуджистан в Афганистан. Эти «пакистанские талибы» в массовом порядке стали присягать на верность главе ИГ аль-Багдади. В совместном докладе российских и таджикских экспертов международного дискуссионного клуба Валдай говорится о том, что «в Афганистане часто можно услышать и прочитать, что весной-летом 2014 г. между пакистанской разведкой (ISI) и представителями ЦРУ, а затем между ISI и руководством афганских и пакистанских талибов было заключено секретное соглашение о передислокации боевиков [Казанцев 2019]. В рамках этого соглашения «выдавливаемым» с территории Пакистана вооруженным группам якобы оставляют коридор для отхода в Афганистан; их даже стимулируют переходить в северо-восточные, северные и западные провинции

страны» [Искандаров, Искандаров, Сафранчук 2016].

В целом, если взглянуть глубже, то можно заметить, что за очень короткий период ИГ сумело утвердиться в Афганистане и превратиться в одного из важных местных игроков. Например, представитель МИД Афганистана М. Балх [Мирваиз 2016] отметил, что «ИГ-Хорасан» отличается от других радикально-террористических структур, включая движение «Талибан» и «Аль-Каиду», по следующим характеристикам:

- большей воинственностью;
- умением обеспечивать свою экономическую самостоятельность (в основном за счет средств от наркотрафика);
- вербовкой преимущественно образованной молодежи;
- большей прагматичностью;
- созданием более эффективной и децентрализованной террористической сети;
- более активным использованием Интернета в своей деятельности.

Вдобавок ко всему, один из высокопоставленных чиновников заявил, что переброска формирований боевиков осуществлялась вертолётами, которые не имели опознавательных знаков, что говорит о секретности данной операции. Также в январе 2016 г. в одном из районов восточной провинции, находящейся под контролем боевиков, совершили посадку 4 неопознанных вертолёта. Данного рода операции привели к постепенному усилению боевых группировок и к окончательной победе талибов летом этого года. Как раз после захвата власти в Афганистане талибами, летом 2021 г., министр обороны России С. Шойгу в одном из своих интервью на тему обеспечения безопасности Таджикистана заявил о «довольно серьезной организованности передвижений ИГИЛ»².

Заметим, что процесс проникновения структур ИГ в Афганистан не был случайным или стихийным. По этой причине невозможно игнорировать фактор «ИГ-Хорасан» как ключевую угрозу безопасности в регионе. Как отмечает эксперт РСМД А.

¹ В пакистанской “зоне племен” уничтожены 16 тысяч боевиков. Подробнее: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1287120>

² Россия поможет Таджикистану в случае угрозы безопасности. Подробнее: <https://ria.ru/20210728/pomosch-1743224455.html>

Казанцев, «переход из «Талибана» в ряды ИГ был особенно характерен для ряда групп иностранных боевиков, в том числе связанных с постсоветскими странами» [Казанцев 2021]. Основанная на волне подъема религиозного радикализма в 90-е годы [Cornell 2006], а ныне считающаяся частью «Аль-Каиды» группировка «Исламское движение Узбекистана» в августе 2015 г. распространила видеоролик, в котором некоторые её представители заявляли о своем вхождении в ряды ИГ. Также заметим, что данная организация считается ответственной за многие террористические акты на территории Центрально-Азиатских стран, которые происходили за последние 30 лет.

После поражения в Сирии и Ираке, наблюдается рост интереса ИГ к Афганистану и Центральной Азии. По сути, с ростом нестабильности в Афганистане у ИГ появился шанс получить новую территориальную базу, почти уже утерянную им на Ближнем Востоке. Данный факт вызывает серьезную обеспокоенность у стран региона, прежде всего Узбекистана и Таджикистана, так как именно они имеют самые протяженные, следовательно, достаточно уязвимые границы с Афганистаном. Тенденция к усилению хаоса на севере Афганистана, ранее отличающегося сравнительной стабильностью, подтверждается сообщениями о периодической смене разными антиправительственными отрядами белых флагов талибов на черные флаги ИГ и наоборот. Напомним, что северные провинции Афганистана в основном заселены этническими узбеками и таджиками. Именно по этой причине, в знак поддержки таджикского населения, власти Таджикистана не признали инклюзивное правительство талибов, а власти Узбекистана стараются оказать помощь узбекскому населению.

Вопрос обеспечения безопасности является краеугольным камнем для Таджикистана и Узбекистана при выстраивании региональной политики. До недавних времен поддержанием правопорядка, хоть и с переменным успехом,

в регионе занимались американские и натовские войска. Но с их уходом из Афганистана получается, что «кипящий котел неприятностей» остался без присмотра и теперь уже невозможно предсказать, как себя поведут бандформирования и радикальные группировки. В связи с этим Таджикистан и Узбекистан, имея, в сущности, одинаковую проблему, по логике должны были выработать общую тактику, но в действительности оказалось совсем наоборот, эти две страны выбрали два разных подхода:

1) Таджикистан не признал инклюзивное правительство, в котором не представлены все этнические группы (в основном, таджики) и опирается на поддержку России и ОДКБ;

2) Узбекистан продолжает сотрудничество и переговоры с талибами в надежде на их лояльность.

б) США в поисках союзников

Если взглянуть на нынешнюю ситуацию в Центральной Азии с ретроспективной точки зрения, то можно сделать вывод о том, что вариант с американским присутствием выглядел довольно естественно – американские военные базировались в регионе с 2001 по 2014 гг. Но нужно посмотреть правде в глаза и признать, что с тех пор многое изменилось. Самым важным изменением, произошедшим с момента ввода американских войск в Афганистан в 2001 году, можно считать резкое ухудшение отношений США с двумя главными внешними партнерами Центральной Азии – Россией и Китаем, которые 20 лет назад вели политику «солидарности», но сейчас явно были бы не рады возвращению американцев в регион. В связи с этим Вашингтону придется постараться, чтоб доказать странам региона, что сотрудничество с ним компенсирует неизбежную негативную реакцию двух влиятельных соседей. Сделать это будет непросто, так как за последние пятнадцать лет в Центральной Азии окончательно засомневались в действенности региональной политики США и разуверились, что они смогут стать противовесом России и Китаю в регионе. К тому же стоит упомянуть, что прошли те

времена, когда молодые, ставшие недавно суверенными страны Центральной Азии высоко ценили любое американское внимание и боролись за него, а США достаточно активно занимались продвижением принципов демократии и рыночной экономики в регионе. Сейчас одним из немногих вопросов, по которым Вашингтон продолжает активное сотрудничество с центральноазиатскими государствами, остается Афганистан.

Американские войска покинули Афганистан, но Вашингтон намерен и дальше вести борьбу с религиозным радикализмом в любом проявлении, в частности, с талибами. Но это вряд ли будет возможно без дислокации военных баз США в соседних с Афганистаном странах. Заметим, что Афганистан граничит с шестью государствами – Ираном, Пакистаном, Китаем, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией, но ни в одной из указанных стран сейчас нет американских баз. Да и вообще ни одну из этих стран, имеющих общую границу с Афганистаном, нельзя назвать союзницей США. К тому же, как отмечает директор московского центра Карнеги Д. Тренин, размещение военных подразделений США за пределами западного мира создает две проблемы: первая – разрушение геополитического статуса-кво в регионе, где дислоцируется военная мощь США, а вторая – хаос, который возникает после вывода их войск¹. В силу определенных причин и обстоятельств, Иран и Китай выпадают из этого небольшого списка. Пакистан, хоть и является «опорой» для движения «Талибан», теперь слишком зависит от Китая, чтобы допустить вариант с американской военной базой на своей территории. Что касается Туркменистана, то вряд ли эта страна откажется от своего изоляционистского курса во внешней политике. Так что вариантов остается не так много: Таджикистан и Узбекистан. Некоторые американские СМИ

подтверждают, что именно эти две страны Пентагон рассматривает как потенциальных кандидатов на размещение новых баз в Центральной Азии. Это вполне осуществимо, так как в недавнем прошлом у США уже были базы в регионе, но, по мнению эксперта московского центра Карнеги Тимура Умарова², на данном этапе развития событий многое будет зависеть от двух главных факторов:

– во-первых, от масштабов потенциального военного присутствия американцев;

– во-вторых, от того, насколько это будет выгодно принимающим странам с финансовой и политической точки зрения. Точнее, от того, перевесит ли эта выгода неизбежные потери, которые понесут страны из-за недовольства Москвы и Пекина.

По сравнению с соседями Узбекистан имеет некоторые преимущества перед другими странами региона, так как в намного меньшей степени зависит от России и Китая и ведёт активную многовекторную политику, заигрывая со всеми активными участниками на политической арене. В настоящее время Узбекистан не входит в ОДКБ (хоть и когда-то входил) и не имеет на своей территории иностранных военных баз. С приходом к власти Шавката Мирзиёева отношения Узбекистана с Россией заметно улучшились, но если на начальном этапе это выглядело как сближение в рамках общего курса на большую открытость и налаживание внешних связей в самых разных направлениях, то теперь уже идут разговоры о возможном участии Узбекистана в региональных интеграционных проектах, инициатива и лидерство в которых принадлежат России.

В Узбекистане раньше была военная база США. В 2001 г. президент И. Каримов передал американцам в аренду аэродром Карши-Ханабад³. Но уже в мае 2005 г. узбекские власти потребовали вывода американских войск из-за того, что

¹ Дмитрий Тренин. Афганистан после США. Что ждет Россию и Центральную Азию. Подробнее: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afganistan-posle-ssha-chto-zhdet-rossiyu-i-tsentralnuyu-aziyu/>

² Тимур Умаров. В поисках базы. Вернутся ли американские военные в Центральную Азию? Подробнее: <https://carnegie.ru/commentary/84579>

³ Ю.Соколов. США будут бить Россию через Узбекистан. Это хороший ход. Подробнее: <https://www.gazeta.ru/army/2021/10/26/14137207.shtml>

Вашингтон резко осудил подавление протестов в Андижане. Кроме того, с 2014 по 2017 гг. в Ташкенте располагался офис связи НАТО в Центральной Азии¹.

С приходом к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г., военные связи Узбекистана и США вновь активизировались. В 2018 году Мирзиёев побывал с визитом в Вашингтоне, где подписал первый в истории отношений план сотрудничества с США в военной сфере². С тех пор количество совместных узбекско-американских военных учений увеличилось, а узбекские офицеры получили возможность проходить курсы повышения квалификации в США и странах НАТО³. США также поощряют активную позицию Узбекистана по Афганистану, благодаря которой Ташкент старается стать лидером в регионе. Об этом говорит и тот факт, что в мае 2020 г. Вашингтон вместе с Ташкентом и Кабулом провели первый трехсторонний диалог, а в апреле 2021 г. госсекретарь Блинкен поблагодарил главу узбекского МИД А. Камилова за содействие в процессе интеграции Афганистана в Центрально-Азиатское экономическое пространство⁴.

Также стоит обратить особое внимание, что именно Узбекистан инициировал новый формат в афганском урегулировании. В 2018 г. в Ташкенте состоялась конференция «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», в которой приняли участие представители более 20 стран и организаций, по итогам которой была принята «Ташкентская декларация»⁵. А в июле 2021 г. Узбекистан повторил подобный формат, но уже под новым названием – «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности»⁶.

Несмотря на всю активность властей

Узбекистана вокруг афганской проблемы и их попытки извлечь политические дивиденды, можно с уверенностью сказать, что в вопросе размещения американских военных баз они неизбежно столкнутся с противодействием Москвы и Пекина. Москва уже активно критикует некоторые шаги Ташкента, заявляя, что они навязаны США. Например, в одном из своих интервью глава российского МИД С. Лавров сказал: «Многочисленные инициативы вокруг афганского урегулирования, вокруг Индо-Тихоокеанского региона предполагают переориентацию Центральной Азии с нынешнего направления на Юг – помогать восстанавливать Афганистан и одновременно ослаблять связи с Российской Федерацией»⁷.

Говоря о гипотетической возможности появления американских военных баз в Узбекистане, не стоит забывать и о том, что узбекское общество вряд ли будет в восторге от любого иностранного военного присутствия в стране. Слухи о возможном размещении там российской военной базы, вызванные визитом министра обороны РФ С. Шойгу, привели к такому общественному резонансу, что узбекским властям пришлось выступить с официальным опровержением. Если общество так резко реагирует на возможное появление российской военной базы, нетрудно догадаться, что с американской базой будет еще сложнее, так как по результатам опросов выявлено, что политика США в регионе в узбекском обществе менее популярна, чем российская. В результате либерализации общественно-политической жизни в последние годы узбекские власти уже не могут игнорировать общественное мнение, как это было раньше при И. Каримове. Власти в Узбекистане сейчас намного внимательнее относятся к

¹ Офис НАТО в Узбекистане закрылся. Подробнее: <https://regnum.ru/news/2259882.html>

² Екатерина Игумнова. Новая эра, или как Шавкат Мирзиёев слетал за океан и с чем вернулся из США. Подробнее: <https://uz.sputniknews.ru/20180518/kak-shavkat-mirziyoev-sletal-v-ssha-8248261.html>

³ Там же.

⁴ Телефонный разговор Государственного секретаря Блинкена с министром иностранных дел Узбекистана Камилковым. Подробнее:

<https://uz.usembassy.gov/ru/secretary-blinkens-call-with-uzbekistan-foreign-minister-kamilov-ru/>

⁵ Подробнее: <https://uza.uz/ru/posts/deklaratsiya-tashkentkoy-konferentsii-po-afganistanu-mirnyy-28-03-2018>

⁶ Подробнее: <https://uz.sputniknews.ru/20210717/strany-tsa-i-ssha-podveli-itogi-mejdunarodnoy-konferentsii-v-tashkente-19721374.html>

⁷ Специальный выпуск. Большая игра. Подробнее: <https://www.youtube.com/watch?v=ZAJZRsvyvQo>

гласу народа, чем это было до Мирзиёева.

Даже если допустить, что в регионе все-таки появится американский военный контингент, это никак не повлияет на баланс сил, сложившийся за последнее десятилетие. Причиной тому отсутствие реальных интересов и долгосрочного проекта, которые сделали бы для США политику в Центральной Азии также важной и актуальной, как для Москвы или Пекина. А у Москвы и Пекина, наоборот, нет другого выбора, кроме как активно следить за региональными процессами и вести намного более активную политику, так как от этого зависит их собственная безопасность.

Как утверждает Т. Умаров, ни для одной из трех стран Центральной Азии, где теоретически мог бы разместиться военный контингент США, потенциальные выгоды не перевешивают потенциальные риски¹. Поэтому есть большая вероятность того, что на прямое предложение Вашингтона никто не согласится. С одной стороны, это означает, что для стран региона Вашингтон и те блага, которые он обещает, больше не интересны. Но, с другой стороны, данная ситуация может открыть путь другим союзникам США, таким как Турция, для усиления своего влияния в регионе не только в политическом, но и в военном плане. В турецких СМИ часто можно встретить заявления политиков о том, что Турция способна взять на себя роль «жандарма» в регионе и обеспечить его безопасность. Но что бы там ни было, в итоге Вашингтону придется искать другие способы решения данной задачи. Например, перевести воинские части на Ближний Восток и использовать авианосец для патрулирования².

Заключение

Узбекистан, безусловно, заинтересован в скорейшем разрешении кризиса и установлении мира в Афганистане, и пытается внести свой вклад в этот процесс, о чем свидетельствует проведение там двух международных конференций – «Международная конференция по Афганистану» в 2018 г. и «Конференция по

взаимосвязанности Центральной и Южной Азии» в 2021 г., на которых афганский вопрос был одним из ключевых. Судя по всему, власти Узбекистана рассматривают талибов как реальную политическую силу, которая будет доминировать в Афганистане в долгосрочной перспективе, и стремится выработать свою позицию в отношении новой кабульской администрации так, чтоб она отвечала национальным интересам не только самого Узбекистана, но и всех стран региона. Как видим, в узбекской позиции совмещен прагматизм и надежда.

Прагматизм узбекской позиции заключается в том, что движение «Талибан» воспринимается не просто как неотъемлемая часть афганского внутривластного процесса, как это было раньше, но, после бегства президента страны А. Гани, талибы уже стали основной политической силой, с которой нужно будет иметь дело всем странам. Об этом заявляют высокопоставленные чиновники в Узбекистане, например, первый заместитель главы МИД Узбекистана сказал, что они рассматривают «Талибан» как неоспоримый факт, который рано или поздно придется признать. Пока что у него нет серьезных конкурентов на политической арене и противников на военном поприще.

Что касается надежд, которые вселяет политика Узбекистана, то они связаны, главным образом, с надеждой на то, что талибы, в итоге, превратятся в формальную политическую силу и смогут найти точки соприкосновения с другими афганскими политическими силами, а потом уже в результате переговоров сформировать коалиционное правительство, учитывающее интересы всех слоев афганского общества. Это возможно только при условии исключения «Талибана» из списка террористических организаций ООН, и, следовательно, всех остальных стран. Если подобное произойдет и коалиционное правительство действительно будет сформировано и признано всем мировым сообществом, то это могло бы открыть путь к полноценному включению Афганистана в

¹ Тимур Умаров. В поисках базы. Вернутся ли американские военные в Центральную Азию? Подробнее: <https://carnegie.ru/commentary/84579>

² Там же.

региональные торгово-экономические связи, процесса восстановления страны. что, в свою очередь, сподвигло бы к началу

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.
- Ахмедов Х.Т.У.* Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 4. С. 1180-1186.
- Бактыбаева А.Н.* Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 304-314.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 479-486.
- Звягельская И.Д., Казанцев А. А., Нессар О., Панарин И.Н.* Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам - членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. Москва: МГИМО, Аналитическая ассоциация ОДКБ, 2017.
- Искандаров А., Искандаров К., Сафранчук И.* Новый этап кризиса в Афганистане и безопасность Таджикистана. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», Август 2016.
- Казанцев А.А.* Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии. Москва, 2021.
- Казанцев А.А.* Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан,. Москва. МГИМО-Университет, 2019.
- Казанцев А.А.* Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года. Аналитические доклады ИМИ МГИМО. Выпуск 2, Июль 2013.
- Князев А. А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.
- Мирваиз Балх.* Доклад о ситуации в Афганистане, прочитан в ICWA, Нью-Дели, 2016.
- Мендкович Н.* Талибан и военная угроза Центральной Азии. Москва, 2021.
- Cornell S.E.* The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration // Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 36-67.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.* Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. № 4. S. 738-748.
- Ahmedov H.T.U.* Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoy integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v central'noaziatskom regione // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 4. S. 1180-1186.
- Baktybaeva A.N.* Terrorizm v SNG: uzbekskij dzhihadizm. Islamskoe dvizhenie Uzbekistana // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 4. S. 304-314.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorizm v Central'noj Azii (Tadzhikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 6. S. 479-486.
- Iskandarov A., Iskandarov K., Safranchuk I.* Novyj etap krizisa v Afganistane i bezopasnost' Tadzhikistana. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», Avgust 2016.
- Kazancev A.A.* Krizis v Afganistane: problemy bezopasnosti Rossii i stran Central'noj Azii. Moskva, 2021.
- Kazancev A.A.* Mezhdunarodnye seti dzhihadizma: Central'naya Aziya, Kavkaz, Blizhnij Vostok i Afganistan,. Moskva. MGIMO-Universitet, 2019.

Kazancev A.A. Scenarii i tendencii evolyucii situacii v central'noaziatskom regione kollektivnoj bezopasnosti ODKB posle 2014 goda. Analiticheskie doklady IMI MGIMO. Vypusk 2, Iyul' 2013.

Knyazev A.A. Afganskij krizis i bezopasnost' Central'noj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004.

Mendkovich N. Taliban i voennaya ugroza Central'noj Azii. Moskva, 2021.

Mirvaiz Balh. Doklad o situacii v Afganistane, prochitan v ICWA, N'yu-Deli, 2016.

Zvyagel'skaya I.D., Kazancev A. A., Nessar O., Panarin I.N. Ugroza mezhdunarodnogo terrorizma i religioznogo ekstremizma gosudarstvam - chlenam ODKB na central'noaziatskom i afganskom napravleniyah. Moskva: MGIMO, Analiticheskaya associaciya ODKB, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саримсоков Зохи́дзон Сайфуллоевич
– Магистр в области международных
отношений, РУДН (e-mail:
zohidjon990@gmail.com).

Zokhidzon S. Sarimsokov Master of
International Relations, RUDN University (e-
mail: zohidjon990@gmail.com).

Последствия для стран СНГ прихода к власти движения «Талибан»¹ в Афганистане

М. Г. Зинчук

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: 1032203771@rudn.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены последствия для стран СНГ прихода к власти террористической организации «Талибан» в Афганистане в 1996 г., а также проанализированы возможные сценарии развития текущей ситуации после повторного захвата талибами власти в Афганистане 7 сентября 2021 года и создания ими Исламского Эмирата Афганистан. Актуальность темы исследования, прежде всего, связана с теми возможными последствиями, которые могут кардинально изменить всю систему безопасности стран СНГ. Методологическая основа исследования базируется на историко-аналитическом и сравнительном методах и на принципах научного познания, историзма, научной объективности и достоверности. В начале статьи автор знакомит читателя с событиями, которые оказали влияние на ситуацию в постсоветских странах с приходом к власти организации «Талибан» в Афганистане в 1996 г. Затем, автор проводит параллели предшествующих событий двадцатилетней давности с нынешним приходом талибов к власти в Афганистане. В заключение статьи автор прогнозирует возможный сценарий развития ситуации в регионе с точки зрения современных реалий.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», захват власти, страны СНГ, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, терроризм, сфера безопасности, Исламский Эмират.

Для цитирования: Зинчук М. Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти организации «Талибан» в Афганистане. Постсоветские исследования. 2022;1(5):50-56.

Consequences for the CIS countries of the coming to power of the Taliban in Afghanistan

Maxim. G. Zinchuk

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: 1032203771@rudn.ru*

Abstract. The article examines the consequences for the CIS countries of the coming to power of the terrorist organization "Taliban" in Afghanistan in 1996, and also analyzes possible scenarios for the development of the current situation after the Taliban re-seized power in Afghanistan on September 7, 2021 and created the Islamic Emirate of Afghanistan. The relevance of the research topic is primarily related to the possible consequences that can radically change the entire security system of the CIS countries. The methodological basis of the research is based on historical-analytical and comparative methods and on the principles of scientific cognition, historicism, scientific objectivity and reliability. At the beginning of the article, the author introduces the reader to the events that influenced the situation in post-Soviet countries with the coming to power of the Taliban organization in Afghanistan in 1996. Then the author draws parallels of the previous events of twenty years ago with the current coming of the Taliban to power in Afghanistan. In conclusion, the author predicts a possible scenario for the development of the situation in the region from the point of view of modern realities.

Keywords: Afghanistan, Taliban, seizure of power, CIS countries, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, terrorism, security sphere, Islamic Emirate.

¹ Организация, запрещенная в РФ.

For citation: Maxim G. Zinchuk Consequences for the CIS countries of the coming to power of the Taliban in Afghanistan. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):50-56. (In Russ.)

Введение. В 1996 г. талибы захватили столицу Афганистана Кабул. Спустя два года, в 1998 г., под контролем «Талибана» было уже порядка 90% афганских территорий. На протяжении 5 лет, с 1996 по 2001 гг., существовало государство под названием – «Исламский эмират Афганистан» с фактической столицей Кандагар, признанное только Пакистаном, Туркменией, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами. Однако события 11 сентября 2001 г. привели к санкционированному ООН вторжению войск США и их союзников в Афганистан. В результате военных действий 2001–2002 гг. режим талибов пал, но это не означало их полного истребления на афганской территории. Движение «Талибан» в течение последующих 19 лет не прекращало партизанской войны.

В апреле 2021 г. президент США Дж. Байден заявил, что все американские войска будут выведены к 11 сентября, т.е. ровно к 20-летию трагедии в США. Тем временем, пока американская сторона занималась выводом своих войск, талибы без особого сопротивления захватывали ключевые города Афганистана и уже 15 августа беспрепятственно взяли под свой контроль Кабул.

По словам представителей администрации США, оказывать противостояние талибам должны были правительственные силы Афганистана, которые на протяжении 20 лет обучались военному мастерству у инструкторов НАТО и США. Но в реальности афганское правительство сдалось без боя, позже отметив, что они не хотели массового террора мирного населения со стороны талибов.

Влияние афганского кризиса конца 1990-х гг. на постсоветские государства

Республики Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан по сравнению с остальными республиками СНГ оказались наиболее подверженными деструктивному влиянию со

стороны различных исламистских группировок и, в частности, организации «Талибан». По большей части это связано с территориальным фактором, так как вышеперечисленные государства ближе всего располагаются к Афганистану и обладают общими сухопутными границами.

Распад СССР, свержение просоветского режима афганского политика Мохаммада Наджибуллы, а также начало политической борьбы группировок моджахедов за власть – все эти события привели к обострению социально-политической ситуации как Афганистане [Давыдов 1998], так и в Центральной Азии. Отметим, что политическая борьба, обострившаяся в Таджикистане после обретения им независимости, была усугублена помощью и поддержкой, которую таджикская политическая оппозиция получала из Афганистана со стороны набирающих силы в начале 1990-х гг. талибов, а также некоторых международных исламских организаций.

С начала 1990-х гг. по 1995 гг. существовали опасения по поводу того, что исламистские лидеры Афганистана, которые находились у власти еще до прихода талибов, вынашивали идеи объединения Афганистана и Таджикистана и создания единого государства [Коргун 2000: 67]. Очевидно, что такие действия не могли не отразиться отрицательно на стабильности в Республике Таджикистан.

В период с 1997 по 2000 гг. военно-политическая обстановка в Афганистане характеризовалась установлением постепенного контроля со стороны «Талибана» над большей частью территорий, а также увеличением количества иностранных наемников из различных международных террористических группировок, включая «Аль-Каиду»¹ [Карпачева 2003: 92-103].

В тот период значительную роль в эскалации конфликта сыграл Пакистан, один из ярых сторонников «Талибана», наступательные действия которого,

¹ Организация, запрещенная в РФ.

благодаря участию пакистанских спецслужб и армии, стали более эффективными [Белокреницкий, Сикоев 2014]. Вдохновленные успехом, экстремистские объединения под предводительством талибов совершали неоднократные попытки расширения своего влияния посредством дестабилизации социально-политической обстановки не только в Таджикистане, но и в соседних Кыргызстане и Узбекистане.

Так в феврале 1999 года в Ташкенте произошла серия террористических актов, которые создали угрозу национальной безопасности стран ЦА. Вторжение прошедших обучение в Афганистане боевиков «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ)¹ в Киргизию и Узбекистан в 1999–2000 гг. ознаменовалось масштабными боями в южной части Кыргызстана и попытками захвата густонаселенной Ферганской долины.

Такая военно-политическая напряженность в Центрально-Азиатских республиках потребовала активизации совместных усилий государств-членов СНГ для нейтрализации создавшейся угрозы². Так, в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ³, который был подписан еще в 1992 г. после распада СССР, регион Центральной Азии была отмечен в качестве приоритетного по борьбе с международным терроризмом. Далее, в 2003 г., последовало создание шестью странами-участниками ДКБ СНГ ОДКБ, главной задачей которой было противодействие любому виду угроз, которые также касались безопасности республик Центральной Азии.

События 1999–2000 гг. в Кыргызстане и Узбекистане подтвердили тот факт, что в едином субрегиональном геополитическом пространстве не существует локальных, ограниченных территориальными рамками, военно-политических проблем, как это было в случае с ИДУ, которая при поддержке «Талибана» и «Аль-Каиды» превратилась в реальную угрозу национальной и региональной безопасности всей Центральной Азии [Поляков 2014].

В 2002–2003 гг., после теракта 11 сентября, в результате проведения силами международной коалиции США и НАТО контртеррористических операций в Афганистане, «Талибан» и «Аль-Каида» были в основном разгромлены и изгнаны с афганской территории. Однако многим членам этих движений удалось бежать в приграничные районы Пакистана. Уже с первых же военных операций стало понятно, что в основном все боевики либо скрылись на территории соседнего Пакистана, либо растворились среди местного пуштунского населения. Несмотря на это, благодаря военным операциям коалиционных сил в Афганистане, удалось существенно снизить уровень напряженности в Центральной Азии и обезопасить южные государства СНГ от экстремизма и терроризма. Что касается лидеров «Исламского движения Узбекистана», то они не были пойманы, и таким образом ИДУ сумело сохранить свою организационную структуру.

С целью обеспечения финансирования своих воинских формирований большинство вождей движений «Талибан», «Аль-Каида» и т.д. активно занимаются наркобизнесом, поставляя наркотики во многие страны СНГ. Так, через Таджикистан и Киргизию проходили важные транзитные маршруты, да и сами эти страны стали крупными производителями опиума. В этом отношении Таджикистан стал главным хабом для талибских наркоторговцев, откуда происходит транспортировка наркотиков через Кыргызстан и Узбекистан в Казахстан, а затем в Россию [Скотт 2012: 44]. О росте незаконного производства наркотических веществ и их транспортировке через страны Центральной Азии постоянно говорят лидеры всех государств этого региона. Поскольку торговля наркотиками стала одним из основных источников финансирования движения «Талибан», такой незаконный оборот запрещенных веществ в государствах СНГ напрямую влиял на их национальную безопасность.

¹ Организация, запрещенная в РФ.

² Терроризм в СНГ (01.10.2011) Режим доступа: <http://www.turboreferat.ru/life-safety/terrorism-v-sng/14541-78756-page3.html>

³ Устав Организации Договора о коллективной безопасности (06.10.2002). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3506>

После изгнания талибов в 2001 г. вероятность возникновения очередного политического кризиса в Афганистане оставалась чрезвычайно высокой, а в условиях военно-политической нестабильности это могло привести к серьезным негативным последствиям не только для Афганистана, но и для стран СНГ, так как организация «Талибан» не была полностью ликвидирована¹. Скорее всего она «залегла на дно», из года в год наращивая свой военный потенциал. Опасения экспертов по поводу возвращения талибов к власти не были напрасными, ибо стоило только начаться вывод войск США и НАТО, как эта террористическая организация без каких-либо усилий свергла афганское правительство, после чего официально объявила 7 сентября 2021 г. Афганистан Исламским Эмиратом².

Очевидно, что афганская проблема еще далека от своего разрешения, и до недавнего времени сохранялась реальная опасность ее перехода в кризисное состояние, что, в свою очередь, непосредственно повлияло бы на состоянии общей безопасности и стабильности стран СНГ.

Как отразился очередной приход к власти организации «Талибан» на страны СНГ

Стремительный захват талибами власти не стал сюрпризом для стран Центрально-Азиатского региона, в особенности после того, как 15 августа 2021 г. из страны бежал президент А. Гани со своим ближайшим окружением, а также после вывода вооруженных сил США и НАТО из Афганистана.

Афганистан всегда рассматривался как страна, распространяющая радикальный ислам, но в то же время она является неотъемлемой частью Центральной Азии.

В первую очередь, стоит отметить, что страны ЦА придерживаются двух разных точек зрения на смену власти в Афганистане. Например, такие государства, как

Узбекистан и Туркменистан, одобряют приход талибов во власть, также они заинтересованы в налаживании контактов с ними. Ташкент даже принимал участие в дохинских переговорах с «Талибаном». Тогда как Таджикистан, являясь противником этого режима, занимает прямо противоположную позицию в данном вопросе.

Существует ряд веских причин такого противоречивого отношения Центрально-Азиатских стран к талибам. Очевидно, что Туркмения и Узбекистан, прежде всего, заинтересованы в торгово-экономической составляющей двусторонних отношений с афганским государством. В подтверждение этому можно привести статистические данные, предоставленные порталом «Тренд Экономи», согласно которым товарооборот между Узбекистаном и Афганистаном составляет порядка 234 млн долларов³. По большей части это экспорт узбекской электроэнергии. В интересах Туркмении – построение через территории Пакистана и Афганистана и в дальнейшем функционирование газопровода «ТАПИ», по которому газ из Туркмении будет поставляться в Индию. Очевидно, что туркменскому правительству не нужны осложнения в отношениях с Пакистаном, который поддерживает новую афганскую власть, и тем более с Афганистаном, ибо именно от характера этих отношений будет зависеть процветание экономической составляющей Туркмении в будущем.

Также можно понять и противоположную позицию Таджикистана в отношении Афганистана. В 2020 г. товарооборот между этими государствами составлял всего лишь порядка 70 млн долларов⁴, из которых большая часть – это таджикская электроэнергия, импортируемая в Пакистан и Афганистан. Однако из-за проблем с водохранилищами и низким уровнем воды в них Таджикистан ощущает недостаток электроэнергии для внутреннего

¹ Tarek Elshamy. Будет ли «Талибан» после своего возвращения поддерживать Аль-Каиду или же сдерживать ее (23.08.2021). Режим доступа: <https://www.independentarabia.com/node/252851/سياسة>
تقارير / هل -سند عم-طالبان-بعد-عودتها-القاعدة-والإرهاب-أم-تجبهما؟

³ TrendEconomy: «Экспорт, импорт Афганистана и стран СНГ» (10.12.2021). Режим доступа: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL>

⁴ Там же.

пользования, не говоря уже об ее экспорте в другие страны. К тому же Таджикистан, как и другие государства ЦА, обеспокоен из-за проблемы возможного распространения радикального ислама, что, в свою очередь, скажется негативно на национальной безопасности страны. Однако, несмотря на все выше сказанное, на последнем заседании ШОС глава Таджикистана Э. Рахмон подтвердил необходимость налаживания контактов с талибами, заявляя о том, что в новом правительстве Афганистана должны быть представлены все этнические группы, в том числе и таджики.

Особо стоит подчеркнуть также вопрос беженцев, которые после смены режима в Афганистане активно покидают страну. Ташкент не особо рад наплыву беженцев, ищущих убежище в Узбекистане, и проводит жесткую политику в отношении беженцев, ибо нелегальное пересечение узбекской границы уголовно наказуемо. Таджикистан же, наоборот, принимает беженцев из приграничных районов северной части Афганистана. Однако оба государства свои действия стараются не афишировать¹.

Заключение

Прежде чем делать прогнозы по поводу будущего Афганистана и стран СНГ в целом, нужно понимать, что многое будет зависеть от последующих шагов и действий талибских лидеров как внутри страны, так и на международной арене. По первым впечатлениям от их пребывания во власти похоже, что талибы смогли извлечь определенные уроки из событий 1996 г., когда они впервые получили бразды правления в свои руки. Теперь они стараются избегать напрасных человеческих жертв, также за полгода не было замечено случаев уничтожения памятников культуры. Если раньше «Талибан» опирался, в основном, на пуштунские племена и афганских беженцев в пакистанском приграничье, то сейчас они весьма активно работают и взаимодействуют со всеми национальными меньшинствами страны – узбеками, таджиками, туркменами, киргизами и другими. Такое миротворчество со стороны талибов тоже понятно, так как

они не раз заявляли, что стремятся к получению международного признания. Лидеры «Талибана» прекрасно понимают, что, если их деятельность будет проходить в ключе конца 1990-х гг., что выходило за рамки допустимого, то их власть может закончиться также быстро, как и началась. Их опасения по большей части касаются того, что они могут потерять все, к чему так долго шли на протяжении 20 лет.

Стоит подчеркнуть, что по результатам первых месяцев пребывания у руля талибов, их авторитет и влияние среди населения сёл и отдельных городов Афганистана гораздо выше, чем у свергнутых официальных властей. Местные афганские правители и элиты пытаются договариваться с лидерами талибов, военнослужащие и другие силовики избегают вооруженных столкновений с их отрядами. Некоторые сами разоружаются и расходятся по домам, другие переходят на сторону талибов или бегут в соседние страны.

События в Афганистане, при всей своей динамичности и драматичности, пока проходят довольно мирно, их можно считать чисто внутренним афганским делом без какого-либо иностранного вмешательства. Следует дать возможность самому афганскому народу определиться с новым правительством и режимом. Талибы пока что не представляют глобальной угрозы странам СНГ.

Что касается проблемы наркоторговли, то «Талибан» после прихода к власти пообещал бороться с наркотрафиком. Однако, скорее всего, найдутся другие группировки, «Аль-Каида» или же ИГ, которые будут по-прежнему удовлетворять спрос на наркотики на постсоветском пространстве.

Стоит отметить, что проблема наркотиков — это не только проблема организации «Талибан», это социальная проблема постсоветских стран. Не исключено, что в будущем талибы ужесточат контроль на границах Афганистана для наркотрафика, как это имеет место в Иране.

¹ Беженцы из Афганистана: статистический обзор (21.09.2021). Режим доступа: [https://refugee.ru/wp-](https://refugee.ru/wp-content/uploads/2021/09/bezhency-iz-afganistana-statistika.pdf)

[content/uploads/2021/09/bezhency-iz-afganistana-statistika.pdf](https://refugee.ru/wp-content/uploads/2021/09/bezhency-iz-afganistana-statistika.pdf)

Также существуют опасения по поводу распространения радикального ислама и обострения ситуации с международным терроризмом в сфере национальной безопасности стран СНГ¹. Такие организации, как ИГИЛ², «Исламское движение Узбекистана» и многие другие террористические группировки, могут вдохновиться легкой победой талибов и активизировать свою деятельность не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире в целом. Очевидно, что их победа может поменять сознание и других радикально настроенных группировок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курyleв К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.
- Аманбекова Ш.* Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1103-1110.
- Аманбекова Ш.* Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 318-329.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение «Талибан» и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.
- Ганковский Ю.В.* В бой вступают талибы // Азия и Африка сегодня, 1995, № 7, с. 32–33
- Давыдов А.Д.* Режим талибов в Афганистане: жесткая исламизация // Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 191.
- Есентаева А.* Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе центральноазиатских государств // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1111-1118.
- Карпачева О.В.* История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия Международные отношения, 2003. №1(3). С. 92-103.
- Коргун В.Г.* Ислам и государственная власть в Афганистане // Афганистан: война и проблемы мира. М., 2000, с. 67
- Коргун В.Г., Арунова М.Р.* Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 - июнь 2002 г.) М.: ИИИиБВ, 2002. — 288 с.
- Поляков К.И.* Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения, 2014. – 136 с.
- Скотт П.Д.* С44 Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае/Пер. с англ. А. Яковлева. — М.: Кучково поле, 2012. — 304 с
- Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987, с. 108.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.* Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. № 4. S. 738-748.
- Amanbekova SH.* Afganskij narkotrafik i problemy regional'noj bezopasnosti v Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 3. S. 1103-1110.
- Amanbekova SH.* Vliyanie afganskogo krizisa na process islamizacii Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 3. S. 318-329.
- Belokrenickij V.YA., Sikoev R.R.* Dvizhenie «Taliban» i perspektivy Afganistana i Pakistana. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2014. – 216 s.
- Gankovskij YU.V.* V boj vstupayut taliby // Aziya i Afrika segodnya, 1995, № 7, s. 32–33
- Davydov A.D.* Rezhim talibov v Afganistane: zhestkaya islamizaciya // Afganistan: vojna i problemy mira. M., 1998, s. 191.

Талибан: станет ли его восхождение в афганское правительство стимулом для экстремистских объединений в арабском мире (22.08.2021). Режим

доступа: <https://www.bbc.com/arabic/interactivity-58299165>

² Организация, запрещенная в РФ.

- Esentaeva A.* Faktor Afganistana vo vneshnepoliticheskom kurse central'noaziatskih gosudarstv // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 3. S. 1111-1118.
- Karpacheva O.V.* Istoriya dvizheniya «Taliban» v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. №1(3). S. 92-103.
- Korgun V.G.* Islam i gosudarstvennaya vlast' v Afganistane // Afganistan: vojna i problemy mira. M., 2000, s. 67
- Korgun V.G., Arunova M.R.* Afganistan na perekhodnom etape (sentyabr' 2001 - iyun' 2002 g.) M.: ШИВ, 2002. — 288 s.
- Polyakov K.I.* Islamskij ekstremizm v Central'noj Azii. M.: Institut vostokovedeniya, 2014. 136 s.
- Skott P.D.* S44 Narkotiki, neft' i vojna. SSHA v Afganistane, Kolumbii i Indokitae/Per. s angl. A. Yakovleva. — M.: Kuchkovo pole, 2012. — 304 s
- Spol'nikov V.N.* Afganistan: islamskaya kontrevolyuciya. M., 1987, s. 108.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зинчук Максим Григорьевич – **Maxim G. Zinchuk** – Master of
Магистр в области международных International Relations, RUDN University (e-
отношений, РУДН (e-mail: mail: zohidjon990@gmail.com).
1032203771@rudn.ru).

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

INFRASTRUCTURE PROJECTS

Научная статья / Research article

Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия

Я. В. Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-1792>, e-mail: lexyana@yandex.ru

Аннотация. Вслед за вступлением Китая в ВТО в декабре 2001 г., началом активной фазы реализации китайской внешнеэкономической стратегии «выход вовне» с 2004–2005 гг. и запуском инициативы «Пояс и путь» в 2013 г., поэтапно расширялось экономическое присутствие Китая практически во всем мире. Для многих развивающихся стран и регионов Китай стал ведущим торговым партнером, крупнейшим источником инвестиций и кредитования, принципиальным драйвером их инфраструктурного развития. Но не для всех. Данная статья призвана проследить динамику экономического проникновения Китая в страны Южного Кавказа на протяжении первых двух десятилетий XXI в. и оценить современные масштабы экономического присутствия Китая на Южном Кавказе, основывая оценки на анализе официальных статистических данных Китая и стран Южного Кавказа по торговле, инвестициям, кредитованию и контрактным подрядам на строительство. Проведенное в статье сопоставление масштабов экономического присутствия Китая с другими экономическими акторами на Южном Кавказе и с масштабом присутствия Китая в других странах и регионах рельефно проявило ограниченность вовлеченности Китая и китайских компаний в экономики стран Южного Кавказа. Китайские инвестиции на Южном Кавказе – минимальны (в основном инвестиции направляются в Грузию, но и там они невелики), кредитование стран Южного Кавказа со стороны Китая – минимально (главными кредиторами стран Южного Кавказа выступают многосторонние банки развития). Даже в системе торговых связей стран Южного Кавказа Китай не занимает ведущих позиций. На текущем этапе интересы Китая к развитию транспортной инфраструктуры региона заключаются преимущественно в обеспечении китайских строительных компаний новыми контрактами на осуществление подрядных работ, а не в создании и использовании Транскаспийского транспортного коридора.

Ключевые слова: Китай, Южный Кавказ, инвестиции, инфраструктура, кредиты, «Пояс и путь», торговля, Грузия, Азербайджан, Армения.

Для цитирования: Лексютина Я. В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия. Постсоветские исследования. 2022;1(5):57-72.

China in the South Caucasus: the current scale of economic presence

Yana V. Leksyutina

Saint-Petersburg State University

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-1792>, e-mail: lexyana@yandex.ru

Abstract. Following China's accession to the WTO in December 2001, an active implementation of the Chinese “going out” economic strategy since 2004-2005, and the launch of the Belt and Road Initiative in 2013, China has gradually expanded its economic presence almost everywhere in the world. For many developing countries and regions, China has become the leading trading partner, the largest source of investment and loans, and the principal driver of their infrastructure development. But not for every country or region. This article aims to trace the dynamics of China's economic engagement with the South Caucasus during the first two decades of the 21st century and evaluate the current scale of China's economic presence in the South Caucasus

based on an analysis of China's and the South Caucasus countries' official statistics on trade, investment, lending and construction contracting. The comparison of the scale of China's economic presence with other economic actors in the South Caucasus and with the scale of China's presence in other developing countries and regions, carried out in the article, clearly indicates the limited involvement of China and Chinese companies in the South Caucasus economies. Chinese investments in the South Caucasus are insignificant (mostly investments are directed to Georgia, but even there they are comparatively small), Chinese loans to the South Caucasus countries are minimal (the main creditors of the South Caucasus countries are multilateral development banks). Even in the system of trade relations of the South Caucasus countries, China does not take a lead. Currently, Chinese interests in the development of the transport infrastructure of the region are mainly in providing Chinese construction companies with new contracts, and not in the establishment and use of the Trans-Caspian transport corridor.

Key words: China, South Caucasus, investment, infrastructure, loans, the Belt and Road Initiative, trade, Georgia, Azerbaijan, Armenia.

For citation: Yana V. Leksyutina. China in the South Caucasus: the current scale of economic presence. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):57-72. (In Russ.)

Китай как вторая мировая экономика и крупнейшая в мире торговая держава, динамично расширяющая свое экономическое присутствие во всем мире и реализующая внешнеэкономическую и торговую политику, контрастирующую с проводимой западно-либеральными демократиями, является объектом повышенного международного внимания. Китай вызывает восхищение и большие надежды со стороны многих развивающихся стран, рассчитывающих получить от Пекина содействие в стимулировании их экономического и инфраструктурного развития, и одновременно – обеспокоенность со стороны государств, сталкивающихся с сильной конкуренцией со стороны Китая на внешних и внутренних рынках, относящихся с подозрением к долгосрочным намерениям Китая и настроенных критически по отношению к проводимой Пекином внешнеэкономической политике. Наибольшую обеспокоенность вызывает способность и уже часто применяемая Пекином практика использования экономических рычагов воздействия на развивающиеся – и даже развитые – страны для достижения политических целей [Лексютина 2015: 24–37].

В некоторых странах или даже регионах Китаю удалось за очень короткий временной промежуток стать доминирующей экономической державой:

крупным или крупнейшим торговым партнером, инвестором или кредитором. Однако в некоторых странах или регионах масштабы экономического присутствия Китая сильно преувеличиваются экспертами и в действительности все еще очень ограничены. Отдельные эксперты и обозреватели прибегают к обобщениям и упрощениям, ошибочно полагая, что масштаб китайского экономического присутствия одинаково велик во всех без исключения развивающихся регионах мира *per se*, а иногда неэкономические аспекты присутствия Китая – например, дипломатическую активность Китая или активно реализуемую Пекином публичную дипломатию – в регионах или странах ошибочно экстраполируя и на экономическую сферу. В экспертных оценках встречаются и грубые ошибки, когда эксперты при анализе экономической активности Китая в отдельных странах и регионах не делают различий между инвестированием и кредитованием, между непосредственным финансовым участием китайской стороны в реализуемых за рубежом проектах и выполнением китайскими компаниями обычных подрядных работ по заказу иностранных клиентов, когда предоставляемые Азиатским банком инфраструктурных инвестиций – полноценным многосторонним банком развития, во многом схожим со Всемирным банком или

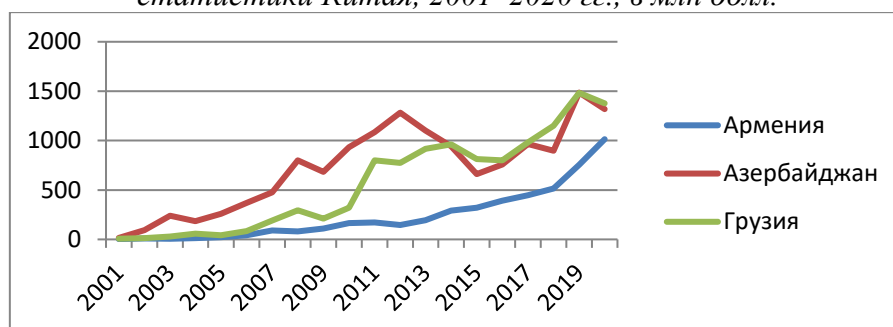
Азиатским банком развития – кредиты они ошибочно причисляют к китайскому кредитованию и пр. и пр. Иногда эксперты, обосновывая свои представления о масштабном экономическом присутствии Китая в отдельных государствах или регионах, апеллируют к обнародованным, но на самом деле так никогда не реализованным проектам. Данная статья призвана учесть подобного рода нюансы и на основе официальных статистических данных оценить современные масштабы экономического присутствия Китая на Южном Кавказе – регионе, имеющем большое геополитическое значение, и месте пересечения интересов различных великих держав. Использование при анализе как китайской официальной статистики, так и национальной статистики стран Южного Кавказа, а также сопоставление китайского экономического присутствия на Южном Кавказе и в других развивающихся регионах позволяют составить более точное представление о реальных масштабах китайского экономического присутствия в регионе Южного Кавказа.

Китай как внешнеторговый партнер стран Южного Кавказа

С начала XXI в., вслед за вступлением Китая в ВТО (декабрь 2001 г.),

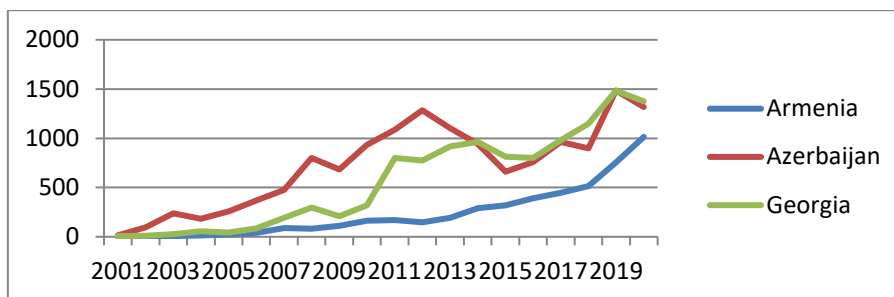
прослеживается тенденция стремительного наращивания торговли Китая с миром, что среди прочего нашло свое отражение и в интенсификации торговли Китая со странами Южного Кавказа. Согласно китайской таможенной статистике, в период с 2001 по 2020 гг. товарооборот с регионом увеличился с 25 млн долл. до 3,7 млрд долл. (см. График 1), или, как следует из национальной статистики стран Южного Кавказа, с 1,1 млрд долл. в 2009 г. до почти 4 млрд долл. в 2020 г. (см. График 2). Однако, место Китая в рейтинге крупнейших торговых партнеров стран региона до сих пор не очень велико. В 2020 г. Китай – крупнейшая торговая держава и экспортер в мире, крупнейший торговый партнер для более чем 130 стран мира – был лишь 4-ым по величине торговым партнером как для всех трех стран Южного Кавказа вместе взятых, так и для Азербайджана, и Грузии по отдельности (после ЕС, России и Турции). Только для Армении Китай был 3-м по величине торговым партнером, после России и ЕС. При этом доля Китая в товарообороте стран региона колеблется от минимальных 7,5% в Азербайджане до максимальных 13,6% в Армении (см. Таблицу 1) и медленно, но неуклонно растет.

График 1. Торговля Китая со странами Южного Кавказа, на основе данных таможенной статистики Китая, 2001–2020 гг., в млн долл.

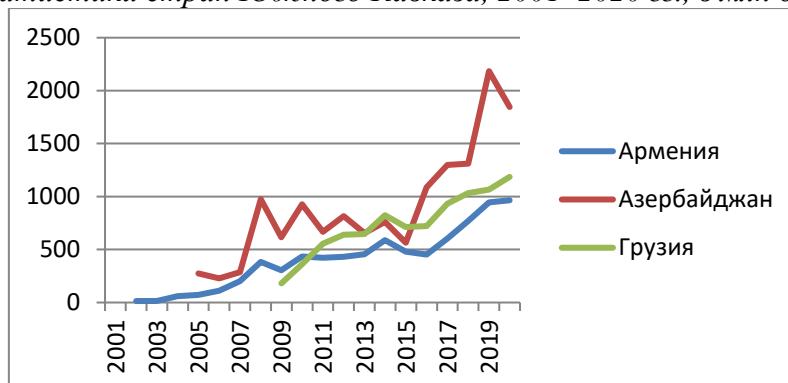
Источник: General administration of customs, PRC.

Diagram 1. China's trade with South Caucasus countries, based on China's Customs statistics, 2001-2020, in \$ million

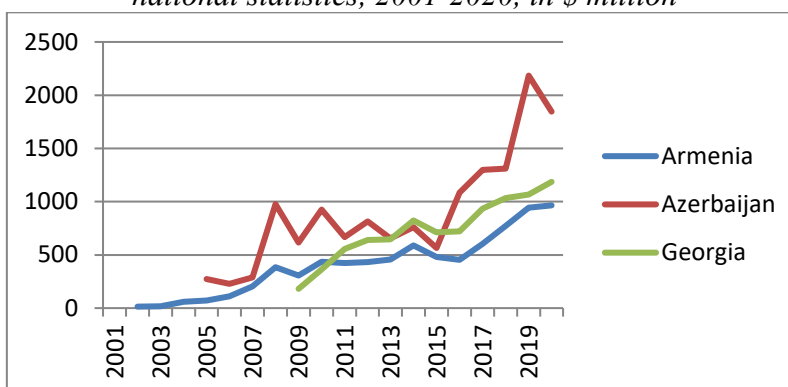
Source: General administration of customs, PRC // <http://english.customs.gov.cn/>

График 2. Торговля Китая со странами Южного Кавказа, на основе данных национальной статистики стран Южного Кавказа, 2001–2020 гг., в млн долл.

Источник: национальная статистика стран Южного Кавказа.

Diagram 2. China's trade with South Caucasus countries, based on South Caucasus countries' national statistics, 2001-2020, in \$ million

Source: South Caucasus countries' national statistics.

Таблица 1. Торговля стран Южного Кавказа с крупнейшими торговыми партнерами, 2020 г.

	Россия		ЕС27		Китай		Турция		всего, € млн
	€ млн	%	€ млн	%	€ млн	%	€ млн	%	
Армения	1 887	30.3%	1 117	18%	844	13.6%	203	3.3%	6 219
Азербайджан	2 339	10.9%	7 787	36.3%	1 616	7.5%	3 643	17%	21 438
Грузия	1 163	11.7%	2 230	22.4%	1 038	10.4%	1 399	14.1%	9 957
Южный Кавказ	5 389	14.3%	11 134	29.6%	3 498	9.3%	5 245	13.9%	37 614

Источник: European Commission Statistics¹

Table 1. South Caucasus' trade with its largest trading partners, 2020

	Russia		EU27		China		Turkey		total, mln
	€ mln	%	€ mln	%	€ mln	%	€ mln	%	
Armenia	1 887	30.3%	1 117	18%	844	13.6%	203	3.3%	6 219
Azerbaijan	2 339	10.9%	7 787	36.3%	1 616	7.5%	3 643	17%	21 438
Georgia	1 163	11.7%	2 230	22.4%	1 038	10.4%	1 399	14.1%	9 957
South Caucasus	5 389	14.3%	11 134	29.6%	3 498	9.3%	5 245	13.9%	37 614

¹ Статистика Европейской Комиссии основывается на национальной статистике стран Южного Кавказа.

Source: European Commission Statistics

Как это характерно для торговли Китая с развивающимися странами мира, в импорте Китая из стран Южного Кавказа преобладает сырье (руды и нефть), а в экспорте – машины и оборудование. С Южного Кавказа Китай преимущественно импортирует руды и нефть, тогда как импорт других товаров крайне незначителен: в 2020 г. более 97% импорта Китая из Армении составили медные и молибденовые руды/концентраты (фактически почти треть экспортируемой Арменией медной руды и 85% молибденовой руды приходится на Китай), 94% всего импорта Китая из Грузии – медь и руды/концентраты драгоценных металлов (более половины грузинского экспорта этих товаров идет в Китай), 89% импорта Китая из Азербайджана – нефть и нефтепродукты¹. Сырьевая направленность экспорта стран Южного Кавказа в Китай ярко выражена и даже может считаться чрезмерной.

Все страны Южного Кавказа в торговле с Китаем испытывают проблему дефицита торгового баланса. Как следует из национальной статистики стран Южного Кавказа, в 2020 г. импорт Армении из Китая превышал экспорт в Китай в 2,3 раза (674 против 290 млн долл²), Грузии – в 1,5 раза (709 против 477 млн долл.), Азербайджана – 3,3 раза (1414 против 477 млн долл³).

Интенсификации торговли Китая со странами Южного Кавказа может в перспективе способствовать, по меньшей мере, два фактора. Во-первых, это подписанное в 2017 г. и действующее с 1 января 2018 г. соглашение между Китаем и Грузией о свободной торговле, упраздняющее тарифы на 96,5% китайского экспорта в Грузию и 93,9% грузинского экспорта в Китай. Во-вторых, это открытие в 2017 г. железнодорожной линии Баку — Тбилиси-Карс, представляющей сегмент

одного из возможных маршрутов наземных грузоперевозок между Китаем и Европой через Южный Кавказ и потенциально способной привести к росту не только китайского транзита из/в Европу, но и грузовых перевозок между Китаем и странами Южного Кавказа.

Китайские инвестиции в регионе

Достигнув определенного прогресса во встречной торговле, Китай и страны Южного Кавказа за прошедшие два десятилетия мало продвинулись в инвестиционном сотрудничестве. Инвестиционная активность Китая в регионе крайне низка. Согласно официальной статистике Китая, за период с 2014 по 2019 гг. накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая в странах Южного Кавказа ежегодно не превышали 700 млн долл. (см. Таблицу 2). Китайские инвестиции в Армению и Азербайджан – если отталкиваться от официальной статистики (как китайской, так и национальной статистики этих двух кавказских государств) – крайне незначительны (см. Таблицы 2 и 4).

Инвестиции Китая в Азербайджан в основном сосредоточены в нефтяной сфере и были сделаны в начале этого века. В частности, китайская компания «CNPC» присутствует в Азербайджане с 2002 г. В 2002 г., действуя через свои дочерние компании, «CNPC» приобрела 30% акций нефтяного месторождения «Кюрсанги–Гарабаглы» в Азербайджане за 52 млн долл. и 50% акций «Salyan Oil Ltd». В 2003 г. «CNPC» выкупила 31,41% в проекте разработки месторождения «Гобустан» [Cohen 2017]. Вместе с тем, по сравнению с инвестициями других зарубежных государств, китайские инвестиции в азербайджанскую нефтяную отрасль незначительны. Китайские компании также инвестируют в Азербайджане не только в нефтяной сектор: согласно китайской официальной статистике, в торговлю, поддержку экспорта или послепродажное обслуживание было инвестировано более 30 млн долл. В Азербайджане действуют также различные китайские мелкие частные предприятия и

¹ Рассчитано по: ITC. ITC Trade Map Statistics // <https://www.trademap.org/>

² Statistical Committee of the Republic of Armenia. Socio- Economic Situation of RA, January 2020. Yerevan, 2020 // https://armstat.am/file/article/sv_12_20r_411.pdf

³ The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. The Foreign Trade of Azerbaijan // <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=en>

индивидуальные торговцы, в том числе они содержат рестораны, магазины, предприятия по хранению и переработке товаров и пр.

В апреле 2019 г. на полях состоявшегося в Пекине второго Форума международного

сотрудничества «Пояс и путь» китайские и азербайджанские компании подписали 10 инвестиционных соглашений на общую сумму 821 млн долл. Среди прочих были подписаны соглашения о строительстве

Таблица 2. Китайские накопленные инвестиции на Южном Кавказе, 2007–2019 гг., млн долл.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	1.3	1.3	1.3	1.3	1.3	1.3	7.5	7.5	7.5	7.5	30	49.6	12.9
Азербайджан	10.2	9.5	12	12.4	30.1	31.7	38.3	55.2	63.7	28.4	28	9.3	7.8
Грузия	42.9	65.9	75.3	130	109	178	331	546	534	550	568	640	671
Южный Кавказ	54.4	76.7	88.6	143.7	140.4	211	376.8	608.7	605.2	585.9	626	698.9	691.7

Источник: Ministry of Commerce of the PRC.

Table 2. China's FDI stock in South Caucasus countries in 2007-2019, US\$ million

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Armenia	1.3	1.3	1.3	1.3	1.3	1.3	7.5	7.5	7.5	7.5	30	49.6	12.9
Azerbaijan	10.2	9.5	12	12.4	30.1	31.7	38.3	55.2	63.7	28.4	28	9.3	7.8
Georgia	42.9	65.9	75.3	130	109	178	331	546	534	550	568	640	671
South Caucasus	54.4	76.7	88.6	143.7	140.4	211	376.8	608.7	605.2	585.9	626	698.9	691.7

Source: Ministry of Commerce of the PRC.

Таблица 3. Поток китайских ПИИ в страны Южного Кавказа, 2007–2019 гг., млн долл.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Armenia	N/A	N/A	N/A	N/A	–	–	–	–	–	–	4	19.6	–
Azerbaijan	-1.2	-0.7	1.7	0.4	17.7	0.3	-4.4	16.8	1.4	-24.7	-0.2	-1.1	0.9
Georgia	8.2	10	7.8	40.6	0.8	68.7	109.6	224.4	44	20.8	38.5	80.2	56.9

Источник: Ministry of Commerce of the PRC. (N/A – данных нет)

Table 3. China's FDI flows in South Caucasus countries in 2007-2019, US\$ million

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Armenia	N/A	N/A	N/A	N/A	–	–	–	–	–	–	4	19.6	–
Azerbaijan	-1.2	-0.7	1.7	0.4	17.7	0.3	-4.4	16.8	1.4	-24.7	-0.2	-1.1	0.9
Georgia	8.2	10	7.8	40.6	0.8	68.7	109.6	224.4	44	20.8	38.5	80.2	56.9

Source: Ministry of Commerce of the PRC.

Таблица 4. Поток китайских ПИИ на Южный Кавказ, 2007–2020 гг., млн долл.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	–	–	–	-0.015	N/A
Азербайджан	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	12.1	7.7
	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	0.3%	0.2%

шинного завода в Сумгайытском химико-промышленном парке (предполагалось, что Китайская национальная электротехническая компания «СНЕЕС» приобретет 90-процентную долю в этом проекте общей стоимостью 300 млн долл.) (см. Таблицу 6), тепличного комплекса в Кюрдамирском районе, агропромышленных парков в Губинском, Гейчайском и Хачмазском районах Азербайджана. Кроме того, стороны подписали соглашение о создании Азиатско-Европейского телекоммуникационного коридора в рамках инициативы Азербайджанского цифрового хаба с целью организации ежегодного транзита 2,5 тыс. контейнеров по территории Азербайджана, следующих по Транскаспийскому международному транспортному коридору¹. Вместе с тем, важно заметить, что не обязательно все из 10 подписанных соглашений найдут свое отражение в реализованных проектах, поскольку уже имели место многочисленные случаи объявленных, но так и не реализованных китайских инвестиций и проектов (не обязательно по вине китайской стороны).

Основной поток китайских инвестиций на Южном Кавказе идет в Грузию, но даже там объем ПИИ незначителен, если сравнивать с китайскими инвестициями в другие развивающиеся страны. Так, например, в 2019 г. в Грузию было направлено 671 млн долл., т.е. примерно столько же, сколько поступило в такие малопривлекательные для Китая в инвестиционном плане страны, как Беларусь, Филиппины, Чад, Уганду или Тринидад и Тобаго. Такие бедные страны Центральной Азии, как Киргизия и Таджикистан, привлекают больше китайского капитала, чем Грузия: в 2019 г. накопленные китайские ПИИ в Киргизии составили 1,55 млрд долл., в Таджикистане – 1,9 млрд долл. (в Грузии – всего лишь 0,671 млрд долл.).

По данным Министерства коммерции Китая (см. Таблицы 2 и 3), с 2014 г. приток китайского капитала на Южный Кавказ не ускорился (как предвосхищали некоторые эксперты, основывая свои ожидания на запуске китайской инициативы «Пояс и путь» в 2013 г.), а, наоборот, в некоторых случаях даже сократился. В Азербайджане несколько лет подряд (2016–2018 гг.) наблюдался отток китайского капитала. Потоки китайских ПИИ в Грузию достигли своего пика в 2014 г., составив 224 млн долл. благодаря крупным разовым инвестициям, а затем резко упали до 44 и 21 млн долл. в 2015 и 2016 гг. соответственно (см. Таблицу 3). Многие обещанные Пекином инвестиции, в том числе связанные с реализацией инициативы «Пояс и путь», так и не поступили в регион, многие заявленные совместные проекты так и остаются на стадии планирования. Например, Лю Бо, советник по экономическим и коммерческим вопросам посольства КНР в Грузии, еще в 2012 г. выразил уверенность в том, что в ближайшие пять лет в Грузию поступят китайские инвестиции в размере 1,7 млрд долл.², что, как можно судить по статистике, так и не стало реальностью.

В 2014 г., когда потоки китайских ПИИ достигли пика в Грузии, Китай был 3-м по величине инвестором в эту страну с долей 12% (см. Таблицу 4) после Нидерландов (420,5 млн долл.) и Азербайджана (340,5 млн долл.). Однако уже в 2019 г. на Китай приходилось всего 3,3% притока ПИИ в Грузию, а в 2020 г. и вовсе произошел отток китайских ПИИ из страны.

¹ Azerbaijani and Chinese companies in Beijing sign contract worth \$821 million // Azerbaijani Vision, April 24, 2019 // [https://en.azvision.az/news/104388/azerbaijani-and-chinese-companies-in-beijing-sign-contract-worth-\\$-821-million.html](https://en.azvision.az/news/104388/azerbaijani-and-chinese-companies-in-beijing-sign-contract-worth-$-821-million.html)

² Chinese will Invest up to 1.7 Billion USD in Georgia in Next 5 Years // The Financial, April 9, 2012 // <https://finchannel.com/chinese-will-invest-up-to-1-7-billion-usd-in-georgia-in-next-5-years/>

«The China Global Investment tracker» – созданная и регулярно обновляемая «American Enterprise Institute» специализированная база данных по китайским зарубежным инвестициям и подрядам на строительство, учитывающая инвестиции и подрядные контракты Китая на сумму более 100 млн долл., – регистрирует только 3 китайских инвестиционных проекта в Грузии в период с 2005 по 2020 гг. с китайской группой «Hualing Group» в качестве инвестора (см.

Таблица 5. Крупные инвестиционные проекты и подрядные работы Китая в Грузии, 2005–2020 гг., млн долл.

Год	Инвестор или подрядчик	Сумма инвестиций/ подрядного контракта	Форма участия
2020	China Railway Engineering	310	подряд
2019	China Railway Construction	390	подряд
2019	China State Construction Engineering	120	подряд
2017	Dongfang Electric Corporation	250	подряд
2016	China National Chemical Engineering	160	подряд
2015	Power Construction Corp. (PowerChina)	100	подряд
2012	Hualing (строительство «Hualing Tbilisi Sea New City»)	170	инвестиции
2012	Power Construction Corp. (PowerChina)	130	подряд
2012	Hualing	100	инвестиции
2011	China Railway Construction	340	подряд
2010	Hualing Group & Boda Group (создание и управление СИЗ «Хуалинг Кутаиси»)	100	инвестиции
2008	MCC	200	подряд
2020	China Railway Engineering	310	подряд

Источник: China Global Investment Tracker // <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>; также иные источники.

Table 5. China's major investment and construction projects in Georgia, 2005-2020, US\$ million

year	investor or builder	amount	type
2020	China Railway Engineering	310	Construction
2019	China Railway Construction	390	Construction
2019	China State Construction Engineering	120	Construction
2017	Dongfang Electric Corporation	250	Construction
2016	China National Chemical Engineering	160	Construction
2015	Power Construction Corp. (PowerChina)	100	Construction
2012	Hualing (construction of Hualing Tbilisi Sea New City)	170	Investment
2012	Power Construction Corp. (PowerChina)	130	Construction
2012	Hualing	100	Investment
2011	China Railway Construction	340	Construction
2010	Hualing Group & Boda Group (establishment and operation of Kutaisi Hualing Free Industrial Zone)	100	Investment

Таблицу 5). «Hualing Group», которая занимается строительством торговых центров и оптовых магазинов, арендой и управлением, внешней торговлей, строительством и управлением сетью отелей, разработкой природных ресурсов, реализует животноводческие проекты и пр. и пр., является крупнейшим китайским инвестором в Грузии. «Hualing Group» начала инвестировать в Грузию в 2007 г. и на сегодняшний день реализовала 8 проектов: «Hualing Tbilisi Sea New City» (новый микрорайон в Тбилиси), «Hualing Tbilisi Sea Plaza», Юношеская олимпийская деревня, Свободная индустриальная зона «Hualing» в Кутаиси, «Hualing Hotels & Preference Tbilisi», «Hualing Fund Hotel», «Hualing Hotel» в Кутаиси и «Hualing Wood Development» (мебельная фабрика в Кутаиси)¹. В частности, «Hualing Group» занимается добычей полезных ископаемых (добыча мрамора и золота) и заготовкой леса. В 2012 г. «Hualing Group» приобрела 90% акций грузинского «Basisbank» (основанный в 1993 г. «Basisbank» занимал 11-е место среди 19 существующих коммерческих банков Грузии по совокупным активам), став, таким образом, первым китайским частным предприятием, приобретшим коммерческий банк за границей².

«Hualing Group» присоединилась к «Shanghai Voda Group», чтобы инвестировать не менее 100 млн долл. и управлять свободной индустриальной зоной (СИЗ) в Кутаиси, городе, который хорошо связан с железнодорожной и автомобильной сетью страны и находится в пределах 100 км от крупного черноморского порта Поти. В настоящее время в СИЗ «Хуалинг Кутаиси» действуют пять предприятий: деревообрабатывающее, мебельное, камнеобрабатывающее, металлоконструкций и производство матрацев. Грузинские СИЗ привлекают китайских инвесторов, поскольку они предоставляют ряд институциональных,

логистических преимуществ, освобождение от налогов, а производимые там товары подпадают под режимы свободной торговли, который Грузия имеет со многими странами. СИЗ могут быть особенно интересны Китаю для транспортировки промышленных товаров на рынки ЕС, поскольку товары освобождены от всех налогов, кроме личного дохода. В 2017 г. другая китайская группа – «China Energy Company Limited» – приобрела 75% акций СИЗ в Поти. Китайская компания обязалась инвестировать туда не менее 150 млн долл. в течение трех лет.

Важными факторами, способствующими притоку китайских ПИИ в Грузию, являются выгодное географическое положение страны на берегу Черного моря, ее либеральный инвестиционный режим и вхождение в различные преференциальные таможенные зоны. В Грузии самая либеральная торговая политика из всех стран Южного Кавказа и в целом один из самых либеральных торговых режимов в мире. Грузия подписала Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС (подписано в 2014 г. и действует с 2016 г.), двусторонние ЗСТ с Китаем (подписано в 2017 г. и действует с 2018 г.), Гонконгом и Турцией, со странами СНГ, действует режим свободной торговли с 4 странами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕФТА) (Швейцария, Лихтенштейн, Исландия, Норвегия) и преференциальная торговля ВСП с США, Канадой и Японией.

«Пояс и путь», роль Китая в развитии инфраструктуры и китайские кредиты

Появление в 2013 г. китайской инициативы «Пояс и путь», изначально нацеленной на соединение Китая и Европы несколькими транспортными коридорами и маршрутами, вызвало большие ожидания в странах Южного Кавказа, особенно тех, которые претендовали на статус важных транспортных узлов. Так, Грузия, имеющая выход к Черному морю и несколько крупных портов, рассчитывает на статус транспортного и логистического узла всего региона и, в частности, китайской инициативы «Пояс и путь». Азербайджан также рассчитывает занять свою нишу в

¹ Hualing Georgia. About Hualing Georgia // <http://hualing.ge/language/en/hualing-georgia/>

² Chinese firm acquires Georgian commercial bank // China Daily, July 4, 2012 // https://www.chinadaily.com.cn/bizchina/overseascnep/2012-07/04/content_15866377.htm

транспортно-логистической сети, соединяющей Азию и Европу. Несмотря на отсутствие преимущества выхода к морю, у Армении тоже есть планы по интеграции в китайскую систему транспортных коридоров «Пояса и пути». В свое время Китай проявил интерес к Армении в контексте планов создания транспортного коридора Черное море – Персидский залив через территорию Армении. Китайская компания «China Communications Construction Company» даже провела технико-экономическое обоснование проекта строительства железной дороги Южная Армения, которая соединит Черное море и Персидский залив [Kohli, Linn, et al. 2019: 138–139].

В целях интеграции в китайские транспортно-логистические проекты на евразийском пространстве, страны Южного Кавказа поддержали инициативу «Пояс и путь» и в 2015 г. один за другим подписали Меморандумы о взаимопонимании по продвижению сотрудничества в строительстве Экономического пояса Шелкового пути с Китаем. Длительное время транспортная инфраструктура на Южном Кавказе оставалась слаборазвитой, и задачи развития транспортной инфраструктуры, укрепления взаимосвязанности и интеграции в региональные и международные транспортные системы стояли на повестке дня и были одними из приоритетных для стран Южного Кавказа долгое время.

Пекин же рассматривал Транскаспийский транзитный коридор¹ в качестве одного из многочисленных возможных вариантов соединения Китая с

Европой. В 2015 г. Китай осуществил пробный пуск маршрута грузоперевозок между китайским Синьцзяном и грузинским портом Поти через территорию Казахстана и Азербайджана. Позднее Китай провел еще несколько тестовых контейнерных перевозок, призванных изучить эффективность транзитного коридора через Южный Кавказ [Avdaliani 2018].

За последние годы правительство Азербайджана вложило значительные средства в инфраструктурные проекты вдоль Транскаспийского транзитного коридора. Крупные инвестиционные проекты включают новый порт в Аляте, строительство железной дороги Баку-Тбилиси-Карс², реабилитацию дороги Е-60 между Баку и Гянджей и далее до границы с Грузией³.

Помимо железной дороги Баку-Тбилиси-Карс, в развитии транспортных коридоров есть еще один стратегический проект – строительство первого в Грузии глубоководного контейнерного порта Анаклия на восточном побережье Черного моря, способного перерабатывать 100 млн тонн грузов в год и принимать сверхкрупные суда. Проект позиционировался Тбилиси как символ восстановления исторического Шелкового пути и как важная составляющая инициативы «Пояс и путь». Китайские инвесторы вели переговоры с грузинской стороной об участии в этом проекте, однако в 2016 г. контракт на строительство и развитие глубоководного порта Анаклия на сумму 2,5 млрд долл. был передан «Anaklia Development Consortium» («ADC»), совместной американо-грузинской компании. В этой связи сообщалось, что «ADC» предложило более благоприятные условия трудоустройства, чем китайские

¹ Транскаспийский транзитный коридор – сеть автомобильных и железных дорог, морских портов и пр. – предусматривает соединение Китая с Европой через Казахстан по железной дороге (до казахстанского порта Актау), через Каспийское море (паромом, соединяющим казахстанский порт Актау с азербайджанским портом Алят), через Азербайджан, Грузию и Турцию железнодорожным сообщением. В Грузии маршрут разделяется в Самтредиа на две ветви: одна идет в грузинские порты Батуми и Поти, другая – в Карс в Турции и на запад по железной дороге или автомобильным транспортом в различные европейские города [South Caucasus and Central Asia: Belt and Road Initiative Azerbaijan Country Case Study].

² Начало проекту строительства железной дороги Баку-Тбилиси-Карс было дано в 2007 г. с подписанием соглашения между Азербайджаном, Грузией и Турцией, и завершен он был в 2017 г.

³ South Caucasus and Central Asia: Belt and Road Initiative Azerbaijan Country Case Study. The World Bank. June, 2020 // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34329/South-Caucasus-and-Central-Asia-The-Belt-and-Road-Initiative-Azerbaijan-Country-Case-Study.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

инвесторы [Bradly 2018]. Однако в январе 2020 г. после целой серии скандалов и разоблачений правительство Грузии расторгло контракт с «ADC» на развитие порта Анаклия и начало искать новых инвесторов.

В целом Китай до сих пор не участвовал в проектах развития транспортной инфраструктуры Южного Кавказа в качестве крупного инвестора или кредитора, что сильно контрастирует с высокой активностью Китая в сфере развития транспортной инфраструктуры в других развивающихся регионах – Центральной Азии, Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. В Азербайджане, например, большинство инфраструктурных проектов финансировались не Китаем, а правительством Азербайджана¹ или многосторонними банками развития (МБР), такими как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский инвестиционный банк. Азербайджан даже одобрил кредит Грузии в размере 770 млн долл. на строительство участка Ахалкалаки-Карс и реабилитацию существующего маршрута через Грузию в рамках железной дороги Баку-Тбилиси-Карс [Kohli, Linn, et al. 2019: 134-135].

Грузия также вкладывает значительные средства в инфраструктурные проекты на своем участке маршрута Азия – Европа. В частности, тоннели и мосты вдоль железнодорожного сообщения на границе Азербайджана и Тбилиси были восстановлены. Порт Поти был модернизирован при финансовой поддержке ЕС. В 2019 г. Корпорация зарубежных частных инвестиций США подписала с грузино-американской транспортной компанией «РАСЕ Group» кредитное соглашение на сумму 50 млн долл. на проектирование, строительство и эксплуатацию нового многофункционального морского терминала в порту Поти. При финансовой поддержке со стороны Всемирного банка, Азиатского банка развития, Азиатского банка

инфраструктурного развития и других МБР Грузия приступила к расширению шоссейной дороги Восток–Запад [Avdaliani 2018]. В настоящее время в Грузии и других странах Южного Кавказа реализуется целый ряд проектов по развитию транспортной инфраструктуры, некоторые из которых способствуют транспортной взаимосвязанности Китая и Европы, и в большинстве случаев они финансируются правительствами стран Южного Кавказа или за счет кредитов различных МБР.

До сих пор при реализации национальных и региональных инфраструктурных проектов страны Южного Кавказа проявляли осторожность в вопросах финансовых заимствований у Китая. В отличие от многих развивающихся стран и особенно некоторых стран Центральной Азии, имеющих огромную закредитованность перед Китаем [Лексютина 2020: 308], задолженность стран Южного Кавказа перед Китаем незначительна. По состоянию на 31 декабря 2021 г. долг Грузии перед Китаем составлял всего лишь 0,471 млн долл., в то время как долг перед Германией и Францией – 677 млн и 699 млн долл. соответственно (см. Таблицу 6). Доля китайского Эксимбанка во внешнем государственном долге Армении составляла всего 0,5% (или 22,4 млн долл.), а крупнейшими странами-кредиторами были Россия и Германия с долями 8 и 6% соответственно (см. Таблицу 7). В основном Грузия и Армения берут кредиты у многосторонних банков развития (см. График 3 и Таблицу 7). Более того, в исторической ретроспективе с 2012 г. Грузия значительно сократила свой долг Китаю: с 4,8 до 0,9 млн долл., согласно данным Всемирного банка (см. Таблицу 8). Долг Армении Китаю остается практически неизменным с 2016 г. (см. Таблицу 8).

¹ Например, связанный с инициативой «Пояс и путь» порт Алят в Азербайджане финансировался правительством Азербайджана.

Таблица 6. Внешний госдолг Грузии (на двусторонней основе) по состоянию на 31 декабря 2021 г., млн долл.

Германия	677,331	Кувейт	11,274	Китай	0,471
Франция	699,432	Турция	8,152		
Япония	187,320	Казахстан	4,554		
Россия	28,616	Азербайджан	4,187		
Австрия	16,378	Армения	3,693		
США	13,149	Иран	3,054		

Источник: Ministry of Finance of Georgia.

Table 6. Georgia's external public debt distribution on a bilateral basis, as of December 31, 2021, in \$ thousand

Germany	677,331	Kuwait	11,274	China	471
France	699,432	Turkey	8,152		
Japan	187,320	Kazakhstan	4,554		
Russia	28,616	Azerbaijan	4,187		
Austria	16,378	Armenia	3,693		
U.S.	13,149	Iran	3,054		

Source: Ministry of Finance of Georgia.

Таблица 7. Структура внешнего долга Армении по кредиторам по состоянию на 31 декабря 2021 г., в %

Россия	8,0	США	0,3	Эксимбанк Китая	0,5
Германия	5,9	Япония	4,3	Коммерческие банки	0,4
Франция	3,2	Фонд развития Абу-Даби	0,1	Международные организации	77,4

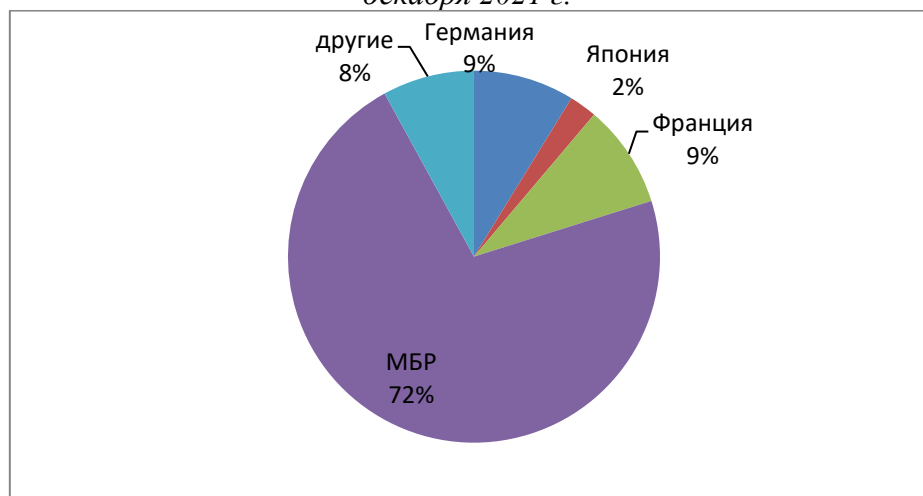
Источник: Министерство финансов Республики Армения.

Table 7. Armenia's external government debt by creditors, as of December 31, 2021, in %

Russia	8.0	U.S.	0.3	EximBank of China	0.5
Germany	5.9	Japan	4.6	Commercial banks	0.4
France	3.2	Abu-Dabi Fund	0.1	Multilateral creditors	77.4

Source: Ministry of Finance of Armenia.

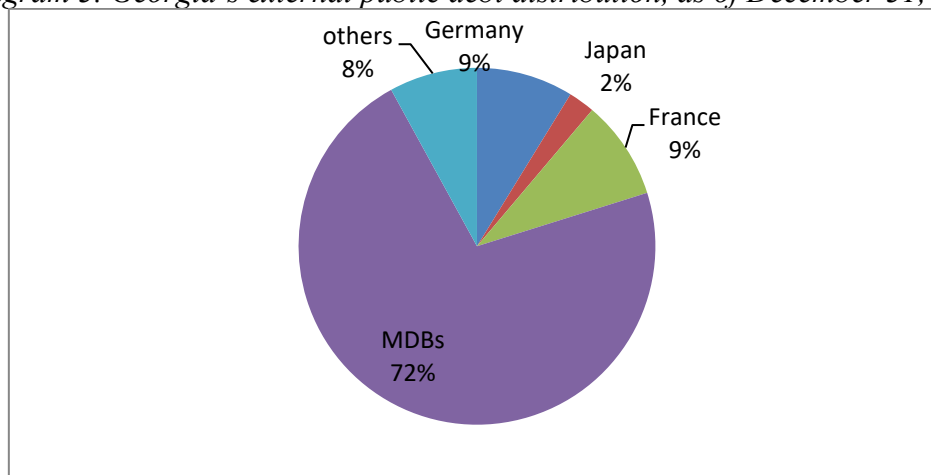
График 3. Распределение внешнего государственного долга Грузии по состоянию на 31 декабря 2021 г.¹

¹ Внешний государственный долг Грузии на 31 декабря 2021 г. составил 7737 млн долл.

Источник: Ministry of Finance of Georgia.

Diagram 3. Georgia's external public debt distribution, as of December 31, 2021

Source: Ministry of Finance of Georgia.

Таблица 8. Внешний долг Армении и Грузии перед Китаем и перед миром, млн долл.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	20.4	22.4	23.9	22.7	22.2	N/A
Грузия	4.5	4.8	4.8	4.4	3.9	3.2	2.6	2.3	1.8	1.3	0.9

Источник: The World Bank's International Debt Statistics.

Table 8. Armenia and Georgia's external debt stocks to China and to the world, \$ million

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Armenia	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A	20.4	22.4	23.9	22.7	22.2	N/A
Georgia	4.5	4.8	4.8	4.4	3.9	3.2	2.6	2.3	1.8	1.3	0.9

Source: The World Bank's International Debt Statistics.

Осторожный подход стран Южного Кавказа к заимствованиям у Китая является одной из причин низкого уровня участия Китая в развитии инфраструктуры региона. Другая причина состоит в том, что для Пекина Транскаспийский транзитный коридор не входит в число основных или приоритетных транзитных путей, и играет второстепенную роль в системе транзитных коридоров и маршрутов, соединяющих Китай с Европой. Его следует рассматривать как дополнительный, а не альтернативный коридор Новому евразийскому сухопутному мосту или коридору Китай–Монголия–Россия. Российский эксперт К.И. Тасиц объясняет низкие объемы китайского кредитования в регионе слабой активностью именно китайских кредитно-финансовых структур и институтов развития, предпочитающих не брать на себя никаких финансовых обязательств [Тасиц 2019: 94].

Вместе с тем, китайские строительные и инженерные компании проявили интерес к получению подрядов на реализацию инфраструктурных проектов на Южном Кавказе. В отличие от широко применяемой Китаем практики совмещения в одном проекте функций кредитора и подрядчика (такое совмещение функций предпочтительно для Китая, поскольку, как правило, позволяет китайской стороне диктовать свои условия реализации проекта), на Южном Кавказе китайские компании в основном выступают только в качестве подрядчиков (для проектов, в основном финансируемых различными многосторонними банками развития). Китайские компании получили контракты на строительство или модернизацию автомобильных и железных дорог в Грузии и Армении. Например, в Армении китайские компании осуществляют часть строительства дорожного коридора Север–Юг. Согласно данным Министерства

коммерции Китая, в 2019 г. китайские компании подписали 11 новых подрядных контрактов в Грузии на общую сумму 498 млн долл. Подписанные крупномасштабные подрядные проекты включали строительство участков F1 и F4 автомагистрали E-60 Восток–Запад в Грузии и новой дороги Квешети-Коби протяженностью 13 км. В Азербайджане в 2019 г. китайские компании подписали 13 новых контрактов на сумму 124 млн долл. Китайские компании также участвуют на Южном Кавказе в качестве подрядчиков в ряде проектов в области ИКТ [Тасиц 2019: 87], строительства или реконструкции электростанций, ТЭС, ГЭС [Жильцов, Алексанян и др. 2019] и пр.

Заключение

За последние два десятилетия масштабы экономического присутствия Китая и китайских компаний в странах Южного Кавказа увеличились, в целом соответствуя общим трендам расширения китайского экономического присутствия по всему миру. Как это характерно для большинства развивающихся стран, торговля с Китаем у стран Южного Кавказа растет, равно как и углубляется проблема дефицита в торговле с Китаем, Китай импортирует из стран Южного Кавказа преимущественно природные ресурсы (доля иных товарных групп крайне невелика), также китайские компании достаточно активны в продвижении на Южном Кавказе своих услуг – как поставщиков оборудования, создания различной инфраструктуры и пр. За прошедшие два десятилетия наибольший прогресс был достигнут в торговле между Китаем и регионом и в выходе китайских компаний на рынки Южного Кавказа в качестве крупных подрядчиков. Однако сопоставление масштабов экономического присутствия Китая с другими экономическими акторами на Южном Кавказе или с масштабом присутствия Китая в других странах и регионах рельефно проявляет ограниченность вовлеченности Китая и китайских компаний в экономики стран Южного Кавказа. Китайские инвестиции в Южном Кавказе – минимальны, кредитование стран Южного Кавказа со стороны Китая – минимально.

Даже в системе торговых связей стран Южного Кавказа Китай не занимает ведущих позиций.

Китай ведет себя сдержанно в экономических делах региона. На высшем уровне Китай поддерживает дружеские и очень хорошие рабочие отношения со всеми странами Южного Кавказа, но в экономическом плане регион не является приоритетным для Пекина. На современном этапе интерес Китая к Южному Кавказу — это желание сохранить какое-то, минимально допустимое экономическое присутствие в регионе. Отсутствуют специализированные многосторонние механизмы сотрудничества Китая с регионом, наподобие таких, как платформа 17+1 для сотрудничества Пекина с Центральной и Восточной Европой, или ШОС, или Китай+5 для сотрудничества с Центральной Азией, или Форум китайско-африканского сотрудничества, Форум Китай–СЕЛАК для взаимодействия с латиноамериканскими и карибскими государствами и т.д. Пекин до сих пор не выпустил специализированного концептуального документа – Белой книги – по развитию контактов с Южным Кавказом, в то время как подобные документы есть применительно к другим регионам.

Большие ожидания в странах Южного Кавказа возлагались на то, что обнародованная Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» привнесет новую динамику в экономическое взаимодействие Китая и региона, а Южный Кавказ станет ключевым транспортно-логистическим узлом, связывающим Китай и Европу. Пока эти ожидания не оправдались. Скромное экономическое присутствие Китая и ограниченный приток капитала на Южный Кавказ можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, Китай не имеет общих границ с регионом, Южный Кавказ довольно удален от Китая и до сих пор присутствуют проблемы в транспортном сообщении между Китаем и регионом. Существуют проблемы, связанные не только с физической транспортной инфраструктурой, но и с таможенным оформлением и длительностью прохождения таможенных процедур. Для

Китай Транскаспийский транспортный коридор не является приоритетным; более простыми опциями сухопутного транзита грузов из Китая в Европу являются транзит через территорию России или Казахстан и Россию. Во-вторых, потребительские рынки стран Южного Кавказа недостаточно велики, чтобы Пекин рассматривал Южный Кавказ в качестве приоритетного региона для экономической экспансии. Общая численность населения Армении, Азербайджана и Грузии составляет всего лишь 17 млн человек. Как правило, китайские компании ориентируются на большие и густонаселенные страны, которые представляют собой крупные потребительские рынки для китайских промышленных товаров. В-третьих, на Южном Кавказе Китай сталкивается с очень сильной конкуренцией с другими экономическими акторами, такими как ЕС, Россия, Турция, США или Иран. В сфере предоставления кредитования, в том числе инфраструктурного, сильными конкурентами Пекина являются многосторонние банки развития. Пытаясь выйти и утвердиться на рынках региона, китайские компании вынуждены конкурировать с другими иностранными

компаниями. Например, в 2010 г. китайская «Sinopet» не смогла выкупить долю американской «Devon Energy» (в размере 5,6%) в международном консорциуме, управляющем гигантским нефтегазовым проектом «Азери-Чираг-Гюнешли», доля была продана компании «British Petroleum». В 2016 г. контракт на строительство и управление стратегически важным глубоководным портом Анаклия в Грузии был подписан не с китайскими инвесторами, а с американо-грузинской компанией. В-четвертых, в целом при зарубежном инвестировании Китай ориентируется на сделки слияний и поглощений в технологическом секторе или на покупку долей в известных международных брендах. На Южном Кавказе имеется небольшое количество инновационных высокотехнологичных компаний или международных брендов, которые могли бы заинтересовать китайских инвесторов. В-пятых, проблемы региональной безопасности, политические установки и особенности экономической политики стран Южного Кавказа также сдерживают экономическую экспансию Китая в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жильцов С., Алексанян Л., Гаврилова С., Маркова Е.* Южный Кавказ во внешней политике Китайской Народной Республики // Центральная Азия и Кавказ. 2019. №3. Т.22. С. 7–25.
- Лексютина Я.В.* Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2020. Т.25. №25. С.305–320. DOI: 10.24411/26186888202010018.
- Лексютина Я.В.* Экономическая дипломатия Китая в XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. №2. С. 24–37.
- Тасиц К.И.* Развитие отношений Китая с республиками Южного Кавказа в контексте инициативы «Пояс и путь» // Проблемы национальной стратегии. 2019. №5(56). С.80–96.
- Avdaliani E.* Growing Chinese Interests in Georgia // The Central Asia - Caucasus Analyst. March 15, 2018 // <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13503-growing-chinese-interests-in-georgia.html>
- Bradly J.* With Port Project, Georgia Seeks Place on China's Belt and Road // Eurasianet, February 21, 2018 // <https://eurasianet.org/with-port-project-georgia-seeks-place-on-chinas-belt-and-road>
- Cohen A.* Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift. Routledge, 2017.
- Kohli H., Linn J., et al.* China's Belt and Road Initiative: Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Sage Publications Pvt. Ltd, 2019.

REFERENCES

- Zhil'tsov S., Aleksanyan L., Gavrilova S., Markova E.* Yuzhnyi Kavkaz vo vneshnei politike Kitaiskoi Narodnoi Respubliki // Central Asia and Caucasus. 2019. No.3. Vol.22. P. 7–25.

- Leksyutina Ya.V.* Kontury ekonomicheskogo prisutstviya Kitaya v Tsentral'noi Azii // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost' / Ed. by *E.I. Safronova*. Moscow: IFES RAS, 2020. Vol.25. No.25. P.305–320. DOI: 10.24411/26186888202010018. (in Russian)
- Leksyutina Ya.V.* Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v XXI v. // Far Eastern Studies. 2015. No.2. P. 24–37. (in Russian)
- Tasits K.I.* Razvitie otnoshenii Kitaya s respublikami Yuzhnogo Kavkaza v kontekste initsiativy «Poyas i put'» // Problemy natsional'noi strategii. 2019. No.5(56). P.80–96. (in Russian)
- Avdaliani E.* Growing Chinese Interests in Georgia // The Central Asia - Caucasus Analyst. March 15, 2018 // <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13503-growing-chinese-interests-in-georgia.html>
- Bradly J.* With Port Project, Georgia Seeks Place on China's Belt and Road // Eurasianet, February 21, 2018 // <https://eurasianet.org/with-port-project-georgia-seeks-place-on-chinas-belt-and-road>
- Cohen A.* Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift. Routledge, 2017.
- Kohli H., Linn J., et al.* China's Belt and Road Initiative: Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Sage Publications Pvt. Ltd, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: lexyana@yandex.ru).
Yana V. Leksyutina, Doctor of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (e-mail: lexyana@yandex.ru).

Инициатива «Один пояс – один путь» как новый импульс развития региона Центральной Азии

Д. Б. Абубакирова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: abubakirovaa.di@gmail.com*

Аннотация. В предлагаемой статье изучается китайский экономико-логистический мегапроект «Один пояс – один путь». Это долгосрочный проект, нацеленный на содействие экономической интеграции огромного евразийского региона. Предложенная КНР концепция хорошо вписывается во внеблоковый характер внешнеполитических отношений Китая, не ставя целью создание какого-либо альянса против одной или группы стран. Напротив, с точки зрения экономического взаимодействия проект обеспечивает прозрачность и открытость. Китай демонстрирует готовность совмещать эту инициативу со стратегией развития других сторон и координировать ее с имеющимися региональными механизмами сотрудничества. Структурная составляющая китайского проекта – применение такого формата сотрудничества, при котором выиграют все участники. При экономическом анализе концепции становится очевидно, что, страны, расположенные в регионе «пояса и пути», обладают уникальными ресурсами, их экономические базы дополняют друг друга, и у подобного сотрудничества есть огромный потенциал и пространство для развития. Необходимо также учитывать, какие из стран получают наибольшую пользу от подобного взаимодействия. Если говорить о России, то ей участие в проекте принесет развитие инфраструктуры, дальнейшую диверсификацию направлений поставок энергоносителей и укрепление инвестиционного сотрудничества с КНР. Страны Центральной Азии обладают большим транзитным потенциалом. Казахстан за счет своего географического расположения в центре Евразии может стать оптимальным наземным транспортным звеном в цепочке Европа – Россия – Китай. Узбекистан получает возможность стать крупным логистическим центром для грузопотоков из Туркмении, Афганистана, Ирана и получать доходы от транзита грузоперевозок. Пекин же сможет усилить свои позиции в Центральной Азии и замкнуть на себе грузопоток из Юго-Восточной Азии на Европу. Его дополнительное преимущество – значительные финансовые ресурсы. В рамках исследования автор постарался выявить ключевые экономические алгоритмы и политические закономерности, характерные для глобального проекта «Один пояс – один путь», спустя семь лет с момента его прокламации. В работе использовались методы экономического анализа, политического анализа, исторического анализа и статистический метод.

Ключевые слова: КНР, Центральная Азия, Европа, экономика, логистика, сотрудничество, интеграция.

Для цитирования: Абубакирова Д. Б. Инициатива «Один пояс – один путь» как новый импульс развития региона Центральной Азии. Постсоветские исследования. 2022;1(5):73-89.

The Belt and Road initiative as a new impetus for the development of the Central Asian region

Diana B. Abubakirova

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: abubakirovaa.di@gmail.com*

Abstract. The proposed article studies the Chinese economic and logistics megaproject "One Belt – One Road". This is a long-term project aimed at promoting the economic integration of the vast Eurasian region. The concept proposed by the PRC fits well into the non-aligned nature of China's foreign policy relations, without aiming to create any alliance against one or a group of

countries. On the contrary, from the point of view of economic interaction, the project provides transparency and openness. China demonstrates its readiness to combine this initiative with the development strategy of other parties and coordinate it with existing regional cooperation mechanisms. The structural component of the Chinese project is the application of such a format of cooperation in which all participants will benefit. When analyzing the concept economically, it becomes obvious that the countries located in the Belt and Road region have unique resources, their economic bases complement each other, and such cooperation has a huge potential and space for development. It is also necessary to consider which of the countries will benefit the most from such interaction. If we talk about Russia, its participation in the project will bring infrastructure development, further diversification of energy supply routes and strengthening investment cooperation with China. The Central Asian countries have great transit potential. Due to its geographical location in the center of Eurasia, Kazakhstan can become the optimal land transport link in the Europe-Russia-China chain. Uzbekistan gets the opportunity to become a major logistics center for cargo flows from Turkmenistan, Afghanistan, Iran and receive income from the transit of cargo transportation. Beijing will be able to strengthen its position in Central Asia and close the cargo flow from Southeast Asia to Europe. Its additional advantage is significant financial resources. In the research the author tried to identify the key economic algorithms and political patterns characteristic of the global project "One Belt– One Road", seven years after its proclamation. The methods of economic analysis, political analysis, historical analysis and statistical method were used in the work.

Keywords: China, Central Asia, Europe, economy, logistics, cooperation, integration.

For citation: Diana B. Abubakirova The Belt and Road initiative as a new impetus for the development of the Central Asian region. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):73-89. (In Russ.)

Преимущества, получаемые странами Центральной Азии от участия в инициативе ОПОП.

Инициатива «Один пояс-Один путь» (далее – ОПОП, прим. авт.), выдвинутая Китаем и нацеленная на получение выгод всеми странами участницами, фактически, в большинстве своем отвечает национальным интересам Китая, но в тоже время, учитывая то, что большинство государств-участников, в том числе и страны Центральной Азии являются слаборазвитыми, от осуществляемых проектов инициативы направленных на развитие Китая, значительную выгоду получают и страны на территории которых реализуются эти проекты или каким-то образом к ним причастные. В данной статье будут рассматриваться преимущества и получаемые положительные аспекты от реализации ОПОП, именно Центрально-азиатским регионом.

Такой глобальный проект как инициатива пояса и пути, и участие в ней непременно играет значительную роль для государств Центральной Азии, которые географически расположены наиболее

близко к ее основателю-Китаю. Основываясь на особенном геополитическом расположении региона и его активном участии в предшественнике данной инициативы, Великом Шелковом пути, государства стремятся достичь выгод в решении своих внутренних проблем и попытаться пролоббировать национальные проекты, направленные на развитие региона в список важнейших глобальных проектов, осуществляемых в рамках инициативы.

В целом с момента начала деятельности ОПОП, еще сильнее укрепились дружественные отношения между Китаем и странами Центральной Азии, что повлекло за собой и широкомасштабное сотрудничество в рамках данной инициативы, как в двустороннем, так и в многостороннем формате, а также увеличение политического взаимодействия, что благоприятно сказывается на возможностях развития государств Центральной Азии, которые в нем действительно нуждались. То есть, можно сказать, что в принципе, основные цели и приоритеты деятельности инициативы пояса и пути соприкасаются с теми интересами, которые были бы выгодны

и странам Центральной Азии, которые в основном нуждаются только в получении иностранных инвестиций и кредитов.

Фокусируясь преимущественно именно на экономической области и происходит текущее сотрудничество между инициативой «Один пояс-Один путь», что оказывает благоприятное воздействие на развитие экономики всего региона, усиление интеграционных процессов между государствами региона, наращивание потенциала региона, кроме того стимулирует общее развитие всех отраслей их процветание и укрепляет многостороннее взаимное доверие между государствами региона и Китаем. В этом контексте, также не маловажную роль играет и историческая связь Китая с Центральной Азией, и некоторая схожесть их интересов. Таким образом, глобальная задача - достижение экономической стабильности в регионе и в то же время - получение максимальной экономической и политической независимости от глобальной политической конъюнктуры [Мартыненко, Пархитыко 2019: 845].

Помимо экономических выгод, получаемых от участия региона в инициативе, государства ЦА, многие из которых не имеют выхода к морю, заинтересованы в возможности преодоления такого рода географической изоляции, через открытие новых путей Морского Шелкового Пути, интеграции с прибрежными странами и развитием инфраструктуры региона [Виноградов 2015].

Именно в области инфраструктуры, осуществлялись первые проекты «Одного пояса - Одного пути», которые максимально переплетались с интересами региона и служили им на пользу. К таким проектам относятся строительство железных дорог, шоссейных путей, водных и воздушных магистралей, а также трубопроводов, которые объединялись в единую инфраструктурную сеть между всеми государствами региона и Китаем, и

позволяющая транспортировать различные товары между ними.

Преимущества получаемые Кыргызской Республикой, которая находится на верхних строчках в рейтинге по проникновению Китая в национальные экономики, заключаются в значительном ее улучшении, посредством заполнения своего рынка китайской продукцией, которая хвалится низкой стоимостью, а также с помощью масштабного реэкспорта этих товаров уже по более высоким ценам в другие государства, преимущественно в Узбекистан, другие страны ЦА и в Россию. Такой вид деятельности способен принести государству примерно до 250 млн долл. за год¹. А в рамках инициативы ОПОП, поставки китайской продукции на рынки государства могут производиться на еще более облегченных условиях.

Также практически сразу с момента объявления о создании инициативы ОПОП и ЭПШП, одними из первых были реализованы проекты по строительству и развитию инфраструктурных объектов в Кыргызстане, еще более укрепляя тем самым сотрудничество между Китаем и Кыргызстаном. В число таких проектов входило строительство, отвечающих современным стандартам, дороги между Севером и Югом страны, линий электропередач «Датка-Кемин», а также реконструкция и обновление ТЭЦ города Бишкек. Реализация данных проектов, способна повысить имеющийся потенциал страны в инфраструктурной и логистической области региона, где Кыргызстан выступает в качестве транзитной зоны, и в целом способствует улучшению всей транспортной инфраструктуры страны.

Помимо этого, несомненным преимуществом для Кыргызской Республики, является ее статус соучредителя Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, что позволяет говорить о возможности получения еще больших инвестиционных вложений и кредитования

¹ Парамонов В. Экономическое присутствие Китая в Кыргызстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский [Электронный ресурс] // Время Востока – Центральная Азия, Средний Восток, Дальний

Восток. (Режим доступа): <<http://www.easttime.ru/analitic/3/8/664.html>>. (Дата обращения: 22.03.2021)

на льготных условиях для строительства современных инфраструктурных объектов¹.

В целом, для такого достаточно маленького и слаборазвитого государства как Кыргызская Республика, которая не имеет огромных запасов минеральных ресурсов, но имеет большой внешний долг, инициатива «Один пояс - Один путь» и сотрудничество в ее рамках, является неким новым витком для стимулирования своего развития. При правильном расставлении приоритетов своей деятельности и активном участии в инициативе, государство получит много новых перспектив для усовершенствования многих областей, в том числе экономики, культуры, политики и усилении взаимодействия и интеграции с другими участниками инициативы².

Но наиболее значительными возможностями для получения выгод и достижения своих интересов, обладает конечно же, Республика Казахстан, как наиболее развитое государство региона и как один из важнейших стратегических партнеров Китая. Об этом может свидетельствовать сопряжение составной части ОПОП, Экономического пояса шелкового пути с национальной программой Казахстана «Нурлы Жол», которое заключалось в развитии транзитной цепочки объединяющей Китай и Европу через Казахстан, что в свою очередь позволяло Казахстану привлекать и распространять часть грузов транспортируемых по этой цепочке. Данное взаимодействие даже отмечалось как один из самых значимых реализованных проектов ОПОП.

Другим важным аспектом для Казахстана во взаимодействии с Китаем и его инициативой, являются кредиты, инвестиции и другого рода капиталовложения Китая, преимущественно в сферу разработки и месторождений, и добычи минеральных

ресурсов, а также на строительство промышленных заводов и предприятий и инфраструктуры.

Кроме этого, Казахстан и его первый президент Н. Назарбаев, в частности, выдвигал идеи о сопряжении двух схожих проектов Экономического Пояса Шелкового Пути и Евразийского Экономического Союза, с целью наибольшей продуктивности и появляющейся возможности у ЭПШП, в рамках такого сопряжения, к выгодному объединению таких организаций, как ШОС, ЕАЭС и ЕС в целостную территорию регионального сотрудничества и процветания³.

Данную идею поддержал и президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев, так как Узбекистан также является одним из активных участников инициативы ОПОП. В этом контексте, говоря о преимуществах, получаемых Узбекистаном, следует отметить строительство железной дороги, объединяющей Китай-Кыргызстан-Узбекистан, которая сулит выгоду всем трем сторонам, при этом получения нового толчка к развитию и активизации международной торговли, образованию большого числа рабочих мест для местного населения, увеличения прибыли и массового привлечения туристов.

Последний аспект, также является приоритетным направлением внутреннего развития для Узбекистана. Так, Ш. Мирзиёевым даже была выдвинута идея о создании «Международной ассоциации туризма Шелкового Пути» и учредить ежегодное проведение туристических форумов стран «Одного пояса-Одного пути», что действительно позволило бы достичь хороших результатов в развитии туристической области, как стран

¹ Посольство КНР в Кыргызской Республике. [Электронный ресурс], (Режим доступа): <http://kg.china-embassy.org/rus/ggwj/t1265229.htm> Дата обращения: 18.02.21)

² Атамбаев А. Кыргызстан выражает готовность к сопряжению концепции «Один пояс – один путь» с «Таза коом». 15.05.2017 [Электронный ресурс] Информационное агентство Кабар, (Режим доступа): <http://kabar.kg/news/kyrgyzstan-vyrazhaet-gotovnost->

ksopriazheniiu-kontceptcii-odin-poiias-odin-put-s-taza-koom-a.atambaev/ (Дата обращения: 25.03.2021).

³ Арина Мордвинова «Страны Центральной Азии – на форуме «Один пояс – один путь» в Пекине». [Электронный ресурс] Российский институт стратегических исследований (РИСИ), (Режим доступа): <https://riss.ru/article/5431/> (Дата обращения: 12.03.21)

Центральной Азии, так и всех участников ОПОП.¹

Помимо этого, Президент Узбекистана предложил создать некую единую систему всеобщего партнерства между странами-участницами ОПОП, в области научной деятельности и инноваций. Так как данная сфера деятельности является достаточно дорогостоящей, и у многих развивающихся стран не хватает средств для ее активного развития, инициатива пояса и пути могла бы предоставить значительные возможности и условия, в первую очередь для финансирования деятельности в этой сфере, а также для объединения имеющихся возможностей государств инициативы в ускорении и развитии научно-технического прогресса. В реализации этой области уже были сделаны первые шаги в виде создания в Узбекистане совместно с Китаем, промышленного парка высоких технологий «Джизак», где производятся солнечные коллекторы, мобильные телефоны, швейные машинки, а также некоторые строительные материалы. По совместительству данный парк является и зоной свободной торговли².

Немаловажным аспектом взаимодействия Узбекистана с инициативой ОПОП, является их глубокое сотрудничество в нефтегазовой сфере. В этой области между сторонами подписаны многочисленные соглашения и выделяются огромные суммы на их реализацию. Так, Узбекистан имеет перманентного и надежного покупателя своего природного газа и постоянное финансирование строительства новых заводов и месторождений.

Говоря о Таджикистане, можно также сказать о значительных выгодах, получаемых именно в сфере

инфраструктурного развития в рамках инициативы ОПОП. Посредством получения и использования китайских инвестиций, Таджикистан производит строительство дорог Кульма-Хорог-Куляб-Душанбе и Душанбе-Худжанд-Чанак, которые также связывают его с Китаем. Помимо этого, была построена новая ТЭЦ «Душанбе 2», обеспечивающая часть города теплом и светом, и модернизация линий электропередач по направлению Юг-Север. Но говоря о возможностях Таджикистана как транзитного хаба, в этом смысле Китай отдает предпочтение Казахстану и Кыргызстану, так как в Таджикистане намного хуже развита вся система инфраструктуры и логистики, слабое экономическое развитие, довольно высокая стоимость строительных материалов, а также сложное географическое расположение и наличие общих границ с нестабильными государствами. В этих условиях была даже приостановлена реализация некоторых запланированных проектов, которые проходят через территории Таджикистана, например, строительство четвертой по счету газопроводной нити Туркменистан - Китай³. Но при этом Таджикистан наиболее заинтересован в том, чтобы Китай не прекращал свое инвестирование, в связи со сложностями пересечения границ таджикскими мигрантами в карантинные периоды и усиливающийся кризис, в связи с чем в государственную казну не поступают отчисления мигрантов и государство испытывает нехватку средств⁴. При этом Таджикистан находит своей стратегической целью – к 2030 г. стать индустриально-аграрным государством, для достижения этой цели РТ нуждается в стороннем

¹ Элдор Арипов «Один пояс, один путь»: мегавозможности — мегапроект». [Электронный ресурс] Институт стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан. ИСМИ, (Режим доступа): <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/odin-poas-odin-put-megavozmoznosti-megaproekt>. (Дата обращения 14.02.21.)

² Арина Мордвинова «Страны Центральной Азии – на форуме «Один пояс – один путь» в Пекине». [Электронный ресурс] Российский институт стратегических исследований (РИСИ), (Режим

доступа): <https://riss.ru/article/5431/> (Дата обращения: 12.03.21)

³ Таджикиско-китайский роман: чем все закончится? [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://mirperemen.net/2017/09/tadzhikskokitajskij-roman-chem-vse-zakonchitsya> (Дата обращения: 23.03.2021)

⁴ Проект «Один пояс – один путь» – выгоден всем странам-участницам [Электронный ресурс], (Режим доступа): \URL: <http://avesta.tj/2017/05/17/proekt-odinpoas-odin-put-vygoden-vsem-stranamuchastnitsam-eksperty/> (Дата обращения: 26.03.2021)

финансировании, желающих к которому кроме Китая и его инициативы, не наблюдается.

В целом реализация проектов «Одного пояса-Одного пути», оказывает значительное содействие развитию Таджикистана во многих областях, но наибольшее воздействие, проекты оказывают на улучшение жизни простого населения страны. Например, построенная дорога Душанбе – Джиргаталь – Сары-Таш позволила наладить и улучшить торговые взаимоотношения Таджикистана с Кыргызстаном, проведенные линии электропередач обеспечили столицу страны, Душанбе бесперебойной электроэнергией, осуществляемые проекты по строительству дорог создают тысячи рабочих мест, что действительно играет значительную роль в повышении уровня и условий жизни населения Таджикистана¹.

Говоря о Туркменистане, который является самой отдаленной страной от Китая, но тем не менее принимает довольно активное участие в инициативе «Один пояс-Один путь», при этом также как и все остальные страны ЦА, получая от нее некоторые преимущества. Также как и Таджикистан, Туркменистан находит в лице Китая стабильного и практически единственного покупателя туркменских энергоресурсов, преимущественно газа. Китай и Туркменистан с каждым годом стремятся к увеличению объемов газовых поставок до 65 млрд куб м, в связи с чем Китай в рамках инициативы ОПОП старается оказывать постоянную поддержку в строительстве и разработке новых месторождений газа, а также в обустройстве и оптимизации деятельности уже имеющихся. Помимо этого, в рамках инициативы ОПОП, был осуществлен проект по строительству трех веток газопровода,

которые беспрепятственно доставляют газ из Туркмениции напрямик в Китай.

Строительство железной дороги, объединяющей Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран, позволило дать новый, довольно значительный толчок к развитию многосторонней торговли, движущейся по направлению с востока на запад и обратно, помимо этого данная железная дорога является частью системы одного из транспортных коридоров ОПОП, соединяющих Север-Юг, что в свою очередь дает возможность Казахстану и Туркменистану на доступ к теплым морям, что является важным аспектом для дальнейшего углубленного развития торговли этих стран².

Туркменистан, как и другие страны региона нуждается в постоянных иностранных инвестициях и усовершенствовании своей инфраструктурной области, что, в свою очередь, без труда, а наоборот с приобретением своей выгоды, может предоставить Китай, посредством деятельности инициативы пояса и пути. Но что имеет особенное значение для участия Туркменистана в инициативе, так это то, что Туркменистан уже на протяжении многих лет придерживается политики соблюдения нейтралитета со всеми странами, что затрудняло его интеграцию в регион и сотрудничество с соседями, а посредством участия в инициативе ОПОП и активного взаимодействия со странами в его рамках, Туркменистан получает возможность больше и эффективнее развивать сотрудничество в различных областях со своими соседями, целым регионом ЦА и конечно же, с Китаем.

В целом регион Центральной Азии получает значительное количество преимуществ от деятельности китайской

¹ Таджикско-китайский роман: чем все закончится? [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://mirperemen.net/2017/09/tadzhijskokitajskij-roman-chem-vse-zakonchitsya> (Дата обращения: 23.03.2021)

² Prof. Dr. Mehmet Seyfettin EROL «Политика Туркменистана “Новый Шелковый путь”». [Электронный ресурс] Анкарский центр исследований кризисных ситуаций и политики

(АНКАСАМ), (Режим доступа) : <https://www.ankasam.org/ru/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D1%88%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE/> (Дата обращения 9.02.21)

инициативы, к ним относятся и строительство Второго Евразийского континентального моста, который способен связать всевозможные транспортные пути и может способствовать в создании в ЦА, инфраструктурного международного центра¹, который имеет потенциал стать регионом, максимально удобным для проведения различных международных форумов, собраний и расположений различного рода организаций, что в свою очередь несет множественные преимущества для экономического развития региона, так как вдоль всех транспортных путей и центров всегда появляются новые, необходимые производства и логистические, образовательные центры, что в последующем создает новые рабочие места так необходимые этому региону².

Также, необходимо отметить, что страны региона имеют не всегда стабильные отношения между друг другом, причиной которым являются периодически возникающие межэтнические столкновения и социальная нестабильность между государствами, в этой связи, инициатива «Один пояс-Один путь» и сотрудничество региона в ее рамках, имеет значительное влияние на стабилизацию таких ситуаций и снижение личных амбиций каждого государства в пользу всецелого развития региона. Таким образом, можно сказать, что взаимный интерес всех стран ЦА и Китая в плане всеобщего, масштабного развития в различных сферах ведет за собой и их ответственное сотрудничество, которое на данный момент наиболее эффективно осуществляется в рамках инициативы ОПОП.

Первые достижения в ходе реализации инициативы «Один пояс-Один путь».

Китайский мегапроект «Один пояс- Один путь», постепенно доказывает свою результативность, большим количеством

уже завершенных и еще осуществляемых проектов практически по всему миру. Это доказывается, увеличивающимся с каждым годом количеством присоединившихся к инициативе участников, к 2017 г., число которых уже перевалило за сотню. В число участников входят как государства всех регионов мира, так и различные международные организации. Другим значимым доказательством результативности инициативы, могут послужить договоры и меморандумы о дружбе и взаимопонимании более чем с половиной всех стран и организаций-участниц ОПОП. Также инициатива стала одной из составных частей документа такой высокой значимости в Китае как, «Устав коммунистической партии Китая», что говорит о максимальной серьезности и ответственности Китая по отношению к данному проекту и его долговременном характере. Помимо этого, инициатива изначально стремилась к соответствию и не нарушению основных положений Устава ООН. Все это повышает доверие государств и всего мирового сообщества к данной инициативе и к Китаю, в частности, и обо все большем стремлении к сотрудничеству с ним. Дополнительно повышает это доверие и значительные финансовые возможности Китая, которые он может использовать в помощь государствам в рамках инициативы ОПОП.

За последние годы деятельности, совместными усилиями Китая и стран, находящихся на пути следования инициативы «Один пояс, один путь», она превратилась из концепции в реальность, и сотрудничество значительно продвинулось вперед. Особенный прогресс был достигнут в областях транспортной инфраструктуры, торговли и инвестиций, энергетики и ресурсов, финансовой безопасности,

¹ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века // [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. (Режим доступа): <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>. (Дата обращения: 11.02.21)

² Бейшеналы кызы Гульмира «Один пояс - один путь» вновь в фокусе экспертов стран ЦА» [Электронный ресурс]: Siluxgc Новое наблюдение Шелкового пути. (Режим доступа): <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201910/4902591166980368.shtml> (Дата обращения: 12.03.21)

двустороннего и регионального сотрудничества.

Говоря подробнее, можно отметить, что в политическом, экономическом и гуманитарном русле сотрудничества, имеющиеся результаты деятельности инициативы достаточно внушительные. В рамках инициативы Китай наладил стратегическое сотрудничество с различными странами по многочисленным вопросам. Приоритетными государствами для Китая являются Россия, страны Центральной Азии, страны Европейского Союза и некоторые страны Африки.

Говоря о России, необходимо упомянуть достаточно важное для обеих сторон, подписание договора о совместном сопряжении «Одного пояса-Одного пути» и Евразийского экономического союза [Макаров, Соколова 2016]. А вслед за ним случилось такое же сопряжение и казахской национальной идеи развития «Нурлы жол» и Экономического пояса Шелкового пути¹.

Также, в 2016 г., главами трех государств, Китая, Монголии и России было подписано соглашение о строительстве нового экономического коридора, объединяющего и развивающего эти страны, добиться этого удалось в рамках проекта ОПОП по созданию многосторонних экономических коридоров. Данное соглашение способствует и уже приносит первые плоды по увеличению взаимной торговли между государствами, наращиванием объемов сбыта своих товаров и получении новых и развитием экономической отрасли в целом.

Другим важным проектом, осуществленным в рамках ОПОП и затрагивающем Российскую Федерацию, стал проект по созданию еще одного транспортного коридора «Западная Европа-Западный Китай», проходящий через Казахстан и призванный объединить три крупные столицы евразийского региона и

укрепить экономическое и культурное сотрудничеству между Азией и Европой.

Помимо этого, в рамках Морского Шелкового Пути был создан проект разработки и развития двух морских транспортных коридоров «Приморье», которые объединяют российские порты в Приморье и порты Китая в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь. А также создание нефтегазового трубопровода в Арктике под названием «Ледяной Шелковой Путь»².

За то, относительно непродолжительное время существования китайского проекта «Один пояс-Один путь», самым крупным реализованным проектом стало, совместное российско-китайское строительство масштабного завода по разработке сжиженного газа, который расположен за Полярным кругом и носит название «Ямал СПГ». Этот проект был успешно реализован и закончен еще в 2017 г., и с того времени, бесперебойно приносит выгоду обоим сторонам. Не менее значимым двусторонним проектом, является проект в области высоких технологий по разработке нового, инновационного пассажирского самолета широкофюзеляжной комплектации. Для успешной реализации такого амбициозного проекта, даже была создана специальная международная авиастроительная компания, находящаяся на коммерческом счету [Лексютина 2018: 1333]. Создание такого борта, позволит осуществлять перевозки многочисленного количества пассажиров на особо дальние расстояния.

Такое заострение внимания на сотрудничестве Китая, в рамках инициативы ОПОП, именно с Российской Федерацией обусловлено высокой заинтересованностью Китайской стороны в налаживании сотрудничества и связи инфраструктурных транспортных путей с РФ, так как именно через территории Росси, Китай имеет практически прямой и беспрепятственный выход на европейские рынки, на которые он

¹ Сухарева О. Шелковый путь: безальтернативность северного маршрута. [Электронный ресурс] Ритм Евразии. 30.06.2016. (Режим доступа): <https://www.ritm Eurasia.org/news2016-06-30-shelkovy-put-bezalternativnost-severnogo-marshruta-24422> (Дата обращения 12.02.2021)

² Александр Ломанов. «Ледяной Шёлковый путь: программа взаимной стыковки». [Электронный ресурс] Аналитика международного дискуссионного клуба Валдай. 06.02.2018. (Режим доступа): <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ledyanoy-shyelkovyuy-put/> (Дата обращения 28.02.21)

так стремится. А также многочисленное упоминание России в данном пункте обусловлено реализацией на ее территории самых крупных проектов осуществляемых инициативой ОПОП.

Говоря об общих успехах инициативы, можно отметить, что, хоть реализация проектов не всегда проходит гладко и равномерно по всем участкам ее деятельности и существуют трудности различного характера, но масштабы инвестиций китайских компаний поступающих на реализацию проектов, говорят сами за себя. Только за первую половину 2018 г. в рамках инициативы ОПОП были подписаны договоры на планирование около 4200 контрактов, преимущественно в области инфраструктурного развития, общая сумма которых составляет более 74 млрд долл.¹ Одна из наиболее высоких экономических активностей Китая наблюдается в Пакистане при строительстве общего экономического коридора (КПЭК-Китайско-пакистанский экономический коридор), который в последующем может дать Китаю такое значительное преимущество в виде выхода к Аравийскому морю, арабским странам, а затем и к Африке. На сегодняшний момент, на развитие данного коридора было выделено более 60 млрд долл. Помимо этого, к завершенным проектам в этом и близлежащих регионах, относятся завершение строительства сквозной автомобильной дороги, проходящий через территории всего Пакистана до Китая. Также еще в 2016 г., был закончен и сдан в эксплуатацию проект по строительству первых железнодорожных путей, объединяющих Китай и Иран через территории Центральной Азии, преимущественно Таджикистан и Кыргызстан, а также Афганистан². Данное

железнодорожное сообщение позволит Китаю выйти через территории Ирана на Турцию и таким же образом объединить и их совместные транспортные коммуникации, что позволит полностью закончить строительство экономического коридора, объединяющего Китай-Центральную Азию и Западную Азию, так как Турецкая Республика является его конечным пунктом.

Помимо этого, в рамках инициативы ОПОП, были достроены и запущены в эксплуатацию железнодорожные пути, ставшие центром инфраструктурной сети Эфиопии «Аддис-Абеба-Джибути», завершена реконструкция железных дорог в Конго и Анголе, открыт мост дружбы между Китаем и Мальтой и завершено строительство морских портов в Объединенных Арабских Эмиратах и Малайзии³. Одна из основных нефтяных компаний «Китайская национальная нефтегазовая корпорация» (КННК) успешно реализовала более 53 проектов в области сотрудничества в нефтегазовом секторе более чем в 20 странах участницах инициативы. Вдобавок ко всему, в рамках реализации инициативы, различными государствами при поддержке Китая, были основаны около 80 международных зон экономического сотрудничества, что в свою очередь открывает все новые пространства для сотрудничества и движения китайских инвестиций.

Более того, по пути следования инициативы «Один пояс-Один путь», с заметной постоянностью появляются все новые зоны свободной торговли, что уже вылилось в наличие общей сети таких зон, отличающихся высокими международными стандартами, и более активным способствованием всеобщему экономическому прогрессу, социальному процветанию и международной

¹ Investment and Cooperation Statistics about Countries along "Belt and Road" in January-September of 2018. [Электронный ресурс] Ministry of Commerce People's Republic of China 2018, (Режим доступа): URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntrade_cooperation/201611/201611_101748684.shtml (Дата обращения: 08.02.2021).

² People's Daily. Chinese built Tajikistan railway starts operation. [Электронный ресурс] People's Daily. 2016. (Режим доступа): [https://socialfeed.info/chinesebuilt-](https://socialfeed.info/chinesebuilt-tajikistan-railway-startsoperation-3242935)

[tajikistan-railway-startsoperation-3242935](https://socialfeed.info/chinesebuilt-tajikistan-railway-startsoperation-3242935) (дата обращения 08.02.2021).

³ «Результаты реализации инициативы «Один пояс, один путь» в цифрах примерно за шесть лет с момента ее выдвижения». Russian.China.org.cn. [Электронный ресурс] Russian.China.org.cn., (Режим доступа): http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-04/16/content_74686539.htm (Дата обращения 12.02.21)

безопасности государств-участников инициативы.

Примечательным является и то, что в одной только Центральной Азии осуществляется 261 проект в различных сферах сотрудничества с инициативой пояса и пути, но преимущественно в транспортной и энергетической областях [BRI in Central Asia]. Об успешности этих проектов может говорить количество их финансирования со стороны Китая, которое достигает 80–90%.

Так же значительное развитие получили такие отрасли, как туризм и образование, что является выгодным для всех стран-участниц инициативы.

Широкомасштабное развитие туризма стало возможно благодаря таким многосторонним мерам принимаемым в рамках инициативы ОПОП, как: упрощение процесса получения визовых документов, увеличение количества международных рейсов, исследование и открытие новых туристических маршрутов. Так, в Российской Федерации даже была создана программа для улучшения качества оказания туристических услуг именно для туристов из Китая, под названием «China friendly» [Лексютина 2018: 1335].

В целом все основные итоги деятельности за первые этапы реализации инициативы, излагаются на международных форумах и саммитах ОПОП, куда приглашаются все страны-участницы и заинтересованные страны, и излагается проделанная работа, обсуждается и планируется реализация новых проектов с конкретными государствами, а также проводятся экспертные встречи по основным аспектам Экономического и Морского Шелкового пути. Первый форум такого формата был проведен в стране-инициаторе, в Пекине в 2017 году, и собрал около 1500 тысяч участников из различных стран, также главными участниками выступили глава Международного валютного фонда К. Лагард и Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш¹. Проведение саммитов такого уровня, показывает довольно серьезный

настрой Китая, подтверждает и закрепляет его новые позиции на международной арене, а также увеличивает заинтересованность и доверие других государств к инициативе пояса и пути.

Но если объективно оценивать все имеющиеся результаты деятельности инициативы, как в области инфраструктурного строительства, так и во всех остальных, то очевидно, что данные результаты не всегда соответствуют обещанным. Так, многие запланированные проекты в части транзитного строительства еще далеки от завершения, в особенности это касается транзитных дорог призванных объединить Китай со странами Европейского Союза через российскую территорию. Периодически либо Китай, либо Россия затормаживают строительство на своих территориях. Также иногда происходит и вовсе кардинальная смена запланированных ранее направлений развития транспортных коридоров.

Таким образом, в некоторых экспертных и даже общественных кругах, увеличивается некая разочарованность в деятельности инициативы ОПОП из-за невыполнения Китайской стороной слишком красноречивых обещаний и преувеличенных планов, а это, следовательно, порождает и множество неоправданных ожиданий [Лексютина 2018: 1341].

Исходя из вышесказанного, для достижения максимально эффективных и выгодных для всех стран результатов деятельности в рамках реализации инициативы пояса и пути, государствам необходимо пройти долгий и сложный путь в поисках действительно результативного вектора сотрудничества, который позволил бы претворить все имеющиеся на бумаге и обсуждающиеся проекты в действительность, причем взаимовыгодную.

Но несмотря на это, все же следует подчеркнуть уже имеющиеся положительные результаты деятельности инициативы, такие как активное

¹ В Пекине открылся форум высокого уровня «Один пояс - один путь». [Электронный ресурс] РИА Новости. 14.05.2017., (Режим доступа):

<https://ria.ru/world/20170514/1494250680.html> (Дата обращения: 19.02.2021)

расторжение международного экономического и политического сотрудничества практически по всему миру, что также придало импульс развитию и многих других областей межгосударственного сотрудничества. Дальнейшее развитие, устранение имеющихся проблем и поддержка странами инициативы «Один пояс-Один путь», позволит и дальше, но уже намного эффективнее и быстрее развивать многостороннее сотрудничество государств мира в различных областях.

Без сомнений остается тот факт, что в настоящее время инициатива «Один пояс-Один путь» является крупнейшей и единственной платформой такого масштаба и уровня, нацеленной на налаживание международного сотрудничества. Мировое значение и влияние данного проекта очевидны. Несмотря на временную заморозку реализации проектов инициативы в связи с пандемией коронавируса, инициатива уже сумела достичь значительного прогресса в реализации своих целей и помощи в этом другим, менее развитым странам, путем приложения не малых совместных усилий и использования новаторских моделей регионального сотрудничества.

Проблемы и сложности в реализации инициативы «Один пояс - один путь».

Глобальный проект Китая «Один пояс-Один путь», несмотря на широкое признание, общее взаимодействие стран и уже заметные позитивные результаты, все же не обходится без некоторых проблем и рисков при реализации своих проектов, с которыми придется либо бороться, либо смириться.

В данной статье будут рассматриваться существующие проблемы и сложности в осуществлении проектов в рамках пояса и пути, преимущественно в Центрально-азиатском регионе. Так как большинство имеющихся маршрутов пояса и пути, а если быть точнее четыре из шести, проходят через территории всех государств Центральной Азии. Выбор Китая, перевозить товары и

осуществлять деятельность инициативы преимущественно по этим маршрутам, которые требуют пересечения границ и таможенного контроля всех государств региона, что соответственно увеличивает стоимость и длительности доставки, обусловлен наиболее удобным географическим положением. А также Пекин осознает и успешно пользуется тем фактом, что государства ЦА являются слабыми, как в политическом, так и в экономическом плане, что позволит беспрепятственно осуществлять задуманные проекты, без противоречий сильных лидеров, которых стоило бы прислушиваться. Другим не менее важным фактором, является относительная безопасность региона по сравнению с соседним Ближним Востоком, через который осуществлять транзитные перевозки товаров было бы дешевле.

Переходя непосредственно к сложностям реализации, следует начать с первой и самой значимой проблемы, которая кроется в экономической области инициативы. Так как с растущим напряжением между Китаем и другими глобальными державами, например как США и их разрастающаяся торговая война, уменьшается возможность огромных денежных вливаний в проект пояса и пути, а так как Китай является основным его инвестором, это значительно сказывается на инвестициях в запланированные проекты, что в свою очередь затормаживает их реализацию.

Также значительные риски для инициативы в области экономики, несут и сами ее участницы- страны Центральной Азии, а точнее их довольно слабые национальные экономики. Надежным в этом плане всегда был и остается лишь Казахстан. Остальные же страны, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан отличаются довольно высокими государственными долгами, периодической инфляцией, дефицитом платежного баланса, а также высокой коррумпированностью¹. В Республиках Узбекистан и Кыргызстан, внешний долг и вовсе превышает половину государственного ВВП. Таким образом,

¹ Sam Bhutia. Turkmenistan is suffering an economic crisis of its own making. 6.09.2019 [Электронный ресурс] Eurasianet. Режим доступа: URL:

<https://eurasianet.org/turkmenistan-is-suffering-an-economic-crisis-of-its-own-making> (Дата обращения: 26.03.21)

почти все государства Центральной Азии, кроме Казахстана, находятся в нескольких шагах от губительного для них экономического кризиса, что в свою очередь порождает максимальное увеличение безработицы. Все это в купе делают инвестиции ОПОП в страны Центральной Азии довольно рискованными и малорентабельными, в то время как государства Центральной Азии считают Китай своим главным инвестором и чрезвычайно в нем нуждаются¹. Экспортно-импортный банк Китая является основным кредитором стран региона, так практически половина всех внешних долгов Кыргызстана и Таджикистана приходится именно на него. Такая высокая неплатежеспособность, главного инфраструктурного объекта инициативы ОПОП, может принести ей значительный вред, дополнительно к тенденции, итак, замедляющегося экономического развития Китая.

Отдельно следует упомянуть и высокий уровень коррупции в странах Центральной Азии. Так, три из пяти стран региона, занимают лидирующие позиции в мировых рейтингах коррумпированности². Это подтверждают факты воровства высокопоставленными лицами выделенных средств на реализацию проектов ОПОП. В качестве примера может послужить модернизация ТЭЦ города Бишкек в Кыргызстане, на которую ЭКСИМ банком было выделено 386 млн долл., в рамках инициативы ОПОП. В последствии оказалось, что значительная часть этих средств не была использована по назначению, а ушла в руки чиновников, что в последствии привело к масштабной аварии на ТЭЦ, оставившей практически весь город без тепла и горячей воды на неделю³. Схожие

факты, в различных масштабах, устанавливаются повсеместно при реализации проектов пояса и пути на постсоветском пространстве.

Китай, в качестве предводителя инициативы ОПОП, старается принимать некоторые меры в борьбе с коррупцией. Одним из методов борьбы стало создание Национальной Надзорной Комиссии, задачами которой являются: повсеместная борьба с коррупцией и тщательным аудитом всех, выданных в рамках ОПОП, средств и кредитов. Что делает необходимым для всех стран-получателей денежных средств от Китая, производить постоянный отчет о каждом потраченном юане [Гасанов 2020]. Также происходили многочисленные намеки китайских послов в странах Центральной Азии по поводу того, что полученные кредиты необходимо отдавать вовремя. Все это, говорит о том, что высокая коррумпированность стран, несет значительные риски для эффективной реализации инициативы ОПОП.

Кроме экономических проблем в реализации инициативы в Центрально-азиатском регионе, к ним можно добавить и некоторые политические сложности, которые заключаются сразу в нескольких факторах:

1. Общая и нестабильная граница одного из государств Центральной Азии, Туркменистана с Афганистаном, которая грозит подрывом в сфере безопасности не только всего региона, но и самого Китая. Усложняет данную проблему еще и недавно переместившаяся в Афганистан террористическая группировка ИГИЛ.

2. Нестабильность внутреннего состояния самих государств. Например, периодически повторяющиеся

¹ Maria Levina. Can Central Asia countries pay their external debts? 17.03.2019. [Электронный ресурс] The Times of Central Asia. (Режим доступа): <https://www.timesca.com/index.php/news/26-opinion-head/20949-can-central-asia-countries-pay-their-external-debts> (Дата обращения 02.04.2021)

² Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. [Электронный ресурс] Гуманитарный портал. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index> (Дата обращения 18.03.21)

³ «Верховный суд отказал в пересмотре дела о коррупции при модернизации ТЭЦ Бишкека по вновь открывшимся обстоятельствам.» [Электронный ресурс] Радио Азаттык, (Режим доступа): <https://rus.azattyk.org/a/verhovnyy-sud-otkazal-v-peresmotre-dela-o-korrupsii-pri-modernizatsii-tets-bishkeka-po-vnov-otkryvshimsya-obstoyatelstvam/31129774.html> (Дата обращения 5.04.21)

государственные перевороты и митинги в Кыргызской Республике, которые влекут за собой смену правительства, а значит и налаживание всех контактов и соглашений заново. А также отсутствие стабильных, а самое главное демократических институтов и слабость имеющихся режимов в других государствах, в связи с несменяемостью государственной власти. Что говорит о некоей противоположности проблематики в регионе.

3. Нарастающее недовольство местного населения государств ЦА, в увеличении китайского присутствия в государствах и значительном количестве китайских рабочих, которые занимают рабочие места местных жителей. А также возможное влияние такого глобального инвестора как Китай на суверенитет страны и контроль над ее природными ресурсами. Небольшие антикитайские митинги уже прошли в Казахстане, в городе Алматы на фоне сообщений о том, что правительство готовится продать сельскохозяйственные земли китайским компаниям. Доля нефтегазового сектора, принадлежащего китайским компаниям, — это область особых споров в государствах региона. По сравнению со своими центрально-азиатскими соседями, Казахстан был относительно открыт для иностранных инвестиций. Однако, если масштабы народного протеста возрастут, власти могут принять более националистическую повестку дня, чтобы отвлечь народный гнев. Для решения данной проблемы, иностранные фирмы, преимущественно китайские, должны принимать меры, где это возможно, чтобы предать гласности вклад, который они вносят в местную и национальную экономику, а также рассмотреть вопрос о найме казахстанских граждан на предприятия¹.

4. Наличие множества этнических и приграничных конфликтов между государствами и народами. В их число входят периодические конфликты между узбеками и кыргызами в Кыргызстане, а

также территориальные споры последнего с Республикой Таджикистан, из-за до сих пор не законченной делимитации общей границы. Из-за значительных проблем Таджикистана с соседями Китай даже ограничил действие инициативы в этом государстве, путем обхождения его территорий в своих транспортных путях. В этом аспекте, даже наиболее стабильный Казахстан, не может обойтись без заминок. Так, в начале 2020 г. произошло столкновение между двумя народами, проживающими на одной территории, казахами и дунганями [Гасанов 2020]. Что позволяет делать вывод о высоких рисках конфликтности и напряженности региона, в свою очередь несущие сложности в реализации проектов ОПОП.

Еще одним аспектом, значительно влияющим на дружественную ситуацию в регионе, являются конфликты по поводу водных ресурсов Центральной Азии. Несмотря на значительные запасы воды в регионе, страны не могут договориться о своевременном и правильном их использовании. Так, Кыргызстан и Таджикистан, государства находящиеся в верховьях двух основных рек Амударьи и Сырдарьи, сбрасывают воду из водохранилищ и ГЭС в зимнее время года, так как используют ее для обеспечения городов теплом, в то время как страны низовья, Казахстан и Узбекистан, нуждаются в данном сбросе воды именно в летнее время года, для орошения своих полей. По сей день государства не могут договориться в решении данного вопроса, как и создать общий свод правил эффективного водопользования.

Таким образом, некая слабость государств Центральной Азии, на первый взгляд кажущаяся огромным преимуществом, на практике показывает и множество недостатков. Существующие экономические и политические проблемы в регионе, могут таить значительные сложности, прямо или косвенно влияющие на реализацию инициативы «Один пояс-

¹ «Prospects and challenges on China's 'one belt, one road': a risk assessment report» [Электронный ресурс] The Economist Intelligence Unit Limited 2015.(Режим доступа):

<https://static1.squarespace.com/static/529fcf02e4b0aa09f5b7ff67/t/554c49cee4b06fc215162cb4/1431062990726/One+Belt%2C+One+Road.pdf> (Дата обращения 06.02.21)

Один путь». В действительности существует оправданный риск несостоятельности центрально-азиатских экономик и вероятные сложности в плане выплаты долгов, в то время, как и сам Китай испытывает финансовые трудности на фоне торговой войны с США¹. Поэтому Китаю следует тщательно продумывать и контролировать каждое движение в направлении дальнейшего развития сотрудничества с данным регионом.

Также необходимо затронуть общие проблемы возникающие при реализации инициативы ОПОП, не фокусируясь на конкретных регионах. Такие проблемы, касающиеся всех стран-участниц ОПОП и самого Китая, в частности, конечно же имеют место быть. Проекты такого масштаба и с таким огромным количеством участников не могут проходить совершенно гладко. К таким общим проблемам относятся:

- Не имение четкого стратегического документа, содержащего конкретные планы и необходимые действия по реализации инициативы и регулирующего обязанности стран участниц, а также регламентирующего правила отбора или отсева того или иного проекта.

- Стремительное расширение географических рамок инициативы, приводит к значительным сложностям для Китая в плане осуществления и финансирования такого огромного количества проектов практически на всех континентах мира.

- Увеличивающиеся опасения стран-участниц, на чьих территориях осуществляются инфраструктурные проекты, по поводу желания Китая иметь некую долю владения в данных проектах, что в последствии может привести эти страны к значительным долгам перед Китаем. Такие опасения значительно затормаживают реализацию проектов, а соответственно и поступление инвестиций.

- Слишком долговременное осуществление проектов, также приносит свои сложности, в виде рисков в непредсказуемо меняющейся мировой и экономической обстановке. Также такие проекты, как правило, требуют достаточно продолжительного времени на свою окупаемость.

- Страны Европейского Союза активно приветствуют китайское финансирование в ключевых отраслях, но в последнее время все чаще возникают вопросы относительно способности китайских компаний соответствовать европейским трудовым и экологическим стандартам. Точно так же европейские лидеры все больше опасаются, что налаживание торговых связей с Китаем может углубить торговый дисбаланс, который и без того сильно перекосялся в Европе².

Помимо всего этого, проблемы приносящие сложности в реализации инициативы ОПОП, существуют и внутри самого Китая. Так как Китай производит значительные инвестиции и кредитование большинства стран с не высокими доходами, значит и получение прибыли от такого сотрудничества тоже будет медленным. В связи с этим, китайские граждане начинают сомневаться и задаются вопросом, кто оплачивает все эти расходы, и если Китай субсидирует проекты развития в этих странах, почему правительство не делает этого в Китае. Высокий экономический бум Китая в конце 1980-х - начале 2000-х гг. привел к огромному неравенству, и многие провинции все еще живут за чертой бедности. Социальные волнения и протесты во внутреннем Китае участились, и их недовольство будет усугубляться, если китайцы не увидят, что они действительно

¹ Laura Zhou. «Chinese private investment in belt and road projects may be losing steam». [Электронный ресурс] South China Morning Post. 15.11.2018 (Режим доступа): <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2173467/chinese-private-investment-belt-and-road-projects-may-be-losing>. (Дата обращения 10.03.2021)

² Fang Jin «The Belt and Road Initiative: Progress, Problems and Prospects». [Электронный ресурс] Center for strategic and international studies. (Режим доступа): <https://www.csis.org/belt-and-road-initiative-progress-problems-and-prospects> (Дата обращения 19.03.2021)

получают выгоду от зарубежных проектов, осуществляемых в рамках ОПОП¹.

Но наиболее сложной проблемой для Пекина, в настоящее время, является, правильно донести свои намерения и свое видение "Пояса и пути", поскольку возрастают опасения других региональных и глобальных держав, таких как Россия, Индия, Япония и США, по поводу возможного посягательства «Пояса и Пути» на их сферы влияния, стимулирующее конкуренцию, а не сотрудничество. А создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, увеличило беспокойство по поводу стремления Китая изменить глобальные правила и нормы и стать региональной и глобальной державой².

Таким образом, можно прийти к выводу, что несмотря на значительные успехи в реализации инициативы, Китай имеет и значительные сложности, и риски при ее реализации практически со всех сторон, как со стороны основных участников, глобальных держав и партнеров так и внутри самого Китая. Что делает необходимым для Китая некий пересмотр и четкая стандартизация своей деятельности для решения хотя бы некоторых основных проблем для продолжения успешной реализации инициативы «Один пояс-Один путь».

В данной статье, были рассмотрены преимущества государств Центральной Азии, получаемые от участия в инициативе ОПОП, первые результаты ее деятельности, а также некоторые проблемы и сложности при ее реализации.

Говоря о преимуществах, следует отметить, что несмотря на направленность Китая в приобретении своих собственных выгод, реализация проектов выгодных для Китая, так или иначе приносит выгоды и развивающимся странам Центральной Азии. Так как КНР реализует свои проекты в ЦА в таких много затратных отраслях как энергетика, добывающая сфера и

инфраструктура, на которые у самих государств региона не всегда хватает государственного бюджета. В связи с этим, основные преимущества, получаемые государствами ЦА от инициативы пояса и пути, заключаются преимущественно в налаживании энергосистемы, строительстве дамб, ГЭС, ЛЭП, ресурсодобывающих компаний и конечно же инфраструктурных объектов и дорог, что в свою очередь ведет и к улучшению национальных экономик государств, увеличению числа рабочих мест и в целом улучшению условий жизни.

Основные результаты деятельности инициативы, также заключаются в завершении строительства многих инфраструктурных объектов, что делает более доступным движение товаров и людей между многочисленными государствами-участниками инициативы. Также следует отметить, открытие и строительство многочисленных зон свободной торговли, транспортных коридоров, газовых трубопроводов и так далее, что действительно оказывает положительное влияние на развитие всех участников инициативы пояса и пути.

Однако, при всем масштабе и первых успехах в деятельности инициативы, не обходится и без проблем, и без некоторой критики. Основными проблемами были выделены следующие аспекты:

1. Не бесконечные финансовые возможности Китая. КНР и ее финансовые институт не всегда смогут выделять многомиллионные суммы на реализацию проектов ОПОП самостоятельно.

2. Слабость национальных экономик некоторых государств-участников, Центральной Азии в том числе. Также высокий уровень коррумпированности, что ставит под угрозу успешную реализацию проектов и возможность своевременной выплаты долгов.

3. Угрозы безопасности и нестабильность государств Центральной

¹ Qingzhen Chen «Three domestic challenges of China's One Belt, One Road initiative». [Электронный ресурс] Global Risk Insights.19.07.17 (Режим доступа): <https://globalriskinsights.com/2017/06/three-domestic-challenges-chinas-one-belt-one-road-initiative/> (Дата обращения: 12.02.21)

² Michal Meidan, Luke Patey «China's new global investment strategy the challenges facing china's belt and road initiative». [Электронный ресурс] Danish institute for international studies. (Режим доступа): https://www.files.ethz.ch/isn/196030/PB_Belt_and_Road_WEB.pdf (Дата обращения: 26.03.21)

Азии. В этом контексте имеются в виду государственные перевороты, этнические и приграничные конфликты, способные нести угрозу и другим участникам ОПОП.

4. Несоответствие китайских проектов мировым экологическим требованиям. Эта проблема наиболее ярко выражена в Европейских странах.

5. Растущее недовольство местного населения государств, от постоянного и увеличивающегося присутствия Китая и китайских рабочих.

6. Существующая критика со стороны не участвующих в инициативе акторов, по поводу вероятности попадания участниками в так называемые «долговые ловушки» Китая. Однако на данный момент отсутствуют какие-либо факты, подтверждающие данную критику, со стороны самих участников инициативы.

Но несмотря на все перечисленные проблемы и критику - инициатива по праву является одним из самых крупных и выгодных проектов, как для Китая, так и для остальных участниц и уже сейчас оказывает огромную помощь многим развивающимся государствам в плане улучшения и развития инфраструктуры, преодоления зависимости от кредитований и выхода на новые мировые рынки [Rolland 2017: 208].

При возможности и дальнейшего развития и реализации проектов инициативы ОПОП, данный мега проект может стать одним из основных участников формирования и изменения международных отношений и мирового порядка в целом, приоритетом которых станет сотрудничество и получении выгод всеми участниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- BRI in Central Asia: Overview of Chinese Projects. Central Asia Regional Data Review, 20 (2019) 1-5.
- Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Washington: The National Bureau of Asian Research; 2017. 208 p.
- Мартыненко С.Е., Пархитыко Н.П. Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь». История и экономические перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 845.
- Виноградов А. О. Новый тип отношений и новый Шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20.
- Курылев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта "один пояс, один путь". Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Курылев К.П., Серикбаева А.Г. Дипломатия великого шелкового пути: Казахстан – Япония // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 1 (40). С. 132-140.
- Курылев К.П., Станис Д.В., Ин В. Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР // Диалог: политика, право, экономика. 2016. № 3. С. 83-92.
- Макаров И.А. Соколова А. К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. №2.
- Лексютин Я.В. «Оценка первых результатов Российско-Китайского сотрудничества в русле реализации китайской инициативы «Пояс И Путь». National Interests: Priorities and Security, 2018, vol. 14, iss. 7, pp. 1333–1347.
- Гасанов К.Н. оглы «Проблемы обеспечения безопасности маршрута «нового шелкового пути» через центральноазиатский регион». Постсоветские исследования. Т.3. № 2 (2020).

References

- Vinogradov A.O.* Novyj tip otnoshenij i novyj Shelkovyj put'. K voprosu o vneshnepoliticheskikh innovacijah Kitaja // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. 2015. T. 20. № 20
- Gasanov K.N.* *ogly* Problemy obespechenija bezopasnosti marshruta «novogo shelkovogo puti» cherez central'noaziatskij region. Postsovetskie issledovanija. T.3. № 2 (2020).
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta "odin pojas, odin put". Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Kurylev K.P., Serikbaeva A.G.* Diplomatija velikogo shelkovogo puti: Kazahstan – YAponiya // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2018. T. 8. № 1 (40). S. 132-140.
- Kurylev K.P., Stanis D.V., In V.* Ekonomicheskij pojas Shelkovogo puti kak geoeconomicheskij projekt KNR // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2016. № 3. S. 83-92.
- Leksjutina. Ja.V.* «Ocenka pervyh rezul'tatov Rossijsko-Kitajskogo sotrudnichestva v rusle realizacii kitajskoj iniciativy «Pojas I Put'»». National Interests: Priorities and Security, 2018, vol. 14, iss. 7, pp. 1333–1347.
- Makarov I.A. Sokolova A.K.* Soprzjazhenie evrazijskoj integracii i Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlja Rossii // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2016. T. 11. №2.
- Martynenko S.E., Parkhitko N.P.* Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of 'Belt and Road Initiative: Historical retrospective and economic prospects. RUDN Journal of Russian History 18, no. 4 (November 2019): 845-864.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абубакирова Диана Бакытжановна, Diana B. Abubakirova, Master of
магистр в области международных International Relations of the RUDN University
отношений РУДН (abubakirovaa.di@gmail.com)
(abubakirovaa.di@gmail.com)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

EURASIAN INTEGRATION

Научная статья / Research article

Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ

Д. Ф. Ахмеджанова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: abubakirovaa.di@gmail.com

Аннотация. На протяжении тридцати лет, прошедших с момента развала СССР и образования СНГ, в рамках данного объединения протекали крайне неоднородные процессы. С одной стороны, при создании СНГ и в первое десятилетие его функционирования юридическую основу СНГ составили документы, свойственные организациям, имеющим существенный интеграционный потенциал. С другой стороны, значительная часть этих документов и договоров, заключенных странами-участницами уже в рамках Содружества, не работает в полном объеме. По существу, они имеют рекомендательный характер и содержат признаки формализма. В то же время, ни одна страна, кроме Грузии не вышла из СНГ, сохраняя для себя эту важную консультативную площадку. С политологической точки зрения сегодняшнее СНГ не располагает широким инструментарием политико-экономического взаимодействия, что позволяло бы воспринимать Содружество в качестве эффективного экономического или политического союза. Тем не менее, по прошествии трех десятилетий с момента создания этой структуры можно констатировать, что, именно СНГ является ключевой платформой для взаимодействия постсоветских стран в контексте выстраивания интеграционных векторов. Во многом благодаря процессам регионализации внутри СНГ сформировался ЕАЭС, который является сегодня ключевым интеграционным центром на постсоветском пространстве. Таким образом, хотя в рамках СНГ не удалось полностью преодолеть центробежные тенденции, доминировавшие в постсоветских государствах в 1990-е гг., новые интеграционные механизмы и союзы, такие как Таможенный Союз и ЕАЭС выросли именно на базе СНГ. В рамках данного исследования рассмотрим основные алгоритмы, лежащие в основе региональной интеграции на пространстве СНГ как в исторической ретроспективе, так и на текущем этапе международных отношений. В статье применяется метод исторического анализа, метод политанализа и метод сравнения.

Ключевые слова: СНГ, интеграция, наднациональность, экономика, политика, ЕАЭС.

Для цитирования: Ахмеджанова Д. Ф. Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ. Постсоветские исследования. 2022;1(5):90-108.

Problems of development of regional integration in the CIS space

Dilnoza F. Akhmedzhanova

RUDN University, Moscow, Russia
e-mail: abubakirovaa.di@gmail.com

Abstract. During the thirty years that have passed since the collapse of the USSR and the formation of the CIS, extremely heterogeneous processes have taken place within this association. On the one hand, when the CIS was created and in the first decade of its functioning, the legal basis of the Commonwealth was made up of documents peculiar to organizations with significant integration potential. On the other hand, a significant part of these documents and agreements concluded by the participating countries already within the framework of the Commonwealth does not work in full. In essence, they are advisory in nature and contain signs of formalism. At the same time, no country, except Georgia, has withdrawn from the CIS, retaining this important consultative platform for itself. From a political point of view, today's CIS does not have a wide range of tools for

political and economic cooperation, which would make it possible to perceive the Commonwealth as an effective economic or political union. Nevertheless, three decades after the establishment of this structure, it can be stated that the CIS is the key platform for interaction between post-Soviet countries in the context of integration vectors. Largely due to the processes of regionalization within the CIS, the Eurasian Economic Union was formed, which is today a key integration center in the post-Soviet space. Thus, although within the framework of the Commonwealth it was not possible to completely overcome the centrifugal tendencies that dominated the post-Soviet states in the 90s, new integration mechanisms and unions, such as the Customs Union and the EAEU, have grown precisely on the basis of the CIS. Within the framework of this study, we will consider the main algorithms underlying regional integration in the CIS space both in historical retrospect and at the current stage of international relations. The article uses the method of historical analysis, the method of political analysis and the method of comparison.

Keywords: CIS, integration, overnationality, economy, politics, EAEU.

For citation: Dilnoza F. Akhmedzhanova Problems of development of regional integration in the CIS space. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):90-108. (In Russ.)

Проблемы наднациональности в принятии решений

В 2021 г. исполнилось тридцать лет с момента распада СССР и образования Содружества Независимых Государств, по сей день являющегося крупнейшей международной организацией на постсоветском пространстве. Несмотря на многочисленные проблемы, возникавшие в процессе ее становления, данная структура проявила стойкую жизнеспособность.

Экономический кризис, вызванный пандемией Covid-19, стал проверкой на прочность связей между странами и регионами мира. Постепенный выход государств, в том числе и России, из режима изоляции поставил вопрос о необходимости ускоренного восстановления национальных хозяйств, и одним из катализаторов могут послужить скоординированные усилия в рамках региональных интеграционных объединений на пространстве СНГ, эффективность и дальнейшие перспективы которых в данном контексте выходят на передний план.

За время функционирования СНГ наблюдалось сохранение существенных диспропорций экономик стран-членов, а также различие во взглядах на пути к их преодолению, что ставило вопрос о необходимости дальнейшей модернизации архитектуры управляющих органов интеграционного объединения.

Все основополагающие решения целиком зависели от воли и желания лидеров стран-членов. Это было обусловлено

пониманием того, что суверенные постсоветские государства не были готовы передавать свои широкие полномочия на наднациональный уровень.

Оценка эффективности деятельности СНГ, как и любой другой международной организации, должна базироваться на степени реализации поставленных целей. Основными целями СНГ были: создание условий для повышения жизненного уровня населения; формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Содружества; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Для проведения контроля за выполнением государствами-членами Содружества тех или иных решений целесообразно было бы наделить руководящие органы организации наднациональностью. Феномен наднациональности в интеграционных объединениях проявляется в следующих формах [Кашкин, Четвериков 2014: 91-103].

1. Руководящие органы международной организации имеют право принимать обязательные для государств-членов решения, не требующие ратификации, т.е. дальнейшего подтверждения со стороны национальных правительств;
2. Руководящие органы международной организации имеют право принимать решения и законы, напрямую касающиеся граждан государств-членов;

3. Руководящие органы устанавливают порядок принятия обязательных для государств-членов решений большинством голосов, а не консенсусом (то есть единогласно) [Шпакович 2012: 25-36];
4. В руководящие органы должны входить независимые должностные лица, которые принимают решения в интересах всей организации, а не отдельных государств;
5. Руководящие органы избираются путем голосования государств-членов данной международной организации.

Как видим, ни одна из форм наднациональности не прослеживается в полной мере в СНГ. Порядок принятия решений в уставных и отраслевых органах регламентируется Уставом СНГ, Правилами процедуры СГТ и СГП от 1996 г. и различными положениями органов Содружества. Все решения, кроме процедурных, принимаются на основе консенсуса. Каждое государство в праве самостоятельно решать в каких органах или интеграционных проектах участвовать.

Указанные характеристики (принципы) наднационального регулирования позволяют интеграционному объединению не просто приобрести статус отдельного (от государств) субъекта международного права (таким свойством обладает любая международная организация), но начать формирование отдельного правового порядка (в рамках данного объединения), исходя из цели, поставленной перед данной организацией в целом (в отрыве от отдельных интересов участников). С учётом того, что процесс международной экономической интеграции (в любом виде и на любом уровне) требует согласования воли государств-членов по ряду направлений (что также влечёт за собой процессы по сближению и/или унификации законодательного регулирования), его успешность напрямую зависит от эффективности руководящих органов, которые должны действовать солидарно. В этой связи представляется очевидным, что чем больше государственных компетенций будет передано на наднациональный уровень в той или иной сфере (например, в таможенной при создании таможенных

союзов), чем более чётко будут регламентированы права и обязанности сторон в учредительных договорах, тем меньше будет возникать непреодолимых препятствий и разногласий (которые неизбежно будут появляться, исходя из различий в национальных интересах суверенных государств).

Например, автономность наднациональных органов управления и их компетенции в принятии обязательных для членов объединения актов во многом стала залогом успеха развития и поступательного углубления интеграционных процессов в Евросоюзе. Так, уже на заре евроинтеграции в ст. 9 Парижского договора 1951 г. (учредившего Европейское объединение угля и стали) было закреплено: «Члены Верховного органа полностью независимы при осуществлении своих функций в интересах объединения... и не руководствуются указаниями какого-либо правительства или органа. Каждое государство-член обязуется уважать наднациональный характер их функций».

Таким образом, по замечанию профессора Коннектикутского университета П. Линдсета, именно степень автономности органов власти выступает ключевым отличием наднациональной структуры от классической международной организации. При такой конфигурации властных полномочий наднациональность выступает в качестве своеобразного фундамента интеграции путём установления определённых гарантий и «свободы манёвра» для деятельности организации и её органов. Важной является выработка наднациональными органами обязательных для участников норм, что ведёт к формированию единого регулятивного пространства международного объединения в конкретных сферах.

Некоторые исследователи отмечают, что сам факт создания наднационального парламента не снимает всех проблемных вопросов как правовой интеграции в рамках объединения, так и придания решениям органов такой организации «демократической легитимности». Так, например, опыт функционирования Европарламента продемонстрировал, что

данный орган, который в перспективе мыслился выразителем воли европейских избирателей (вне зависимости от национальных интересов конкретных государств-членов) по поводу дальнейшего развития европейской интеграции, в реальности превратился в ещё один бюрократический институт, не обладающий высоким доверием со стороны граждан государств ЕС. В этом контексте в Евросоюзе в рамках принятия Лиссабонского договора была усилена роль национальных законодательных органов, которые, согласно так называемому субсидиарному контрольному механизму, получили право участия в процессе принятия нормативных актов ЕС. В связи с этим некоторые говорят о целесообразности рассмотрения возможности усиления роли именно национальных парламентов в процессе выработки и принятия решений на уровне СНГ: их участие в реализации некоторых регулирующих прерогатив придало бы решениям наднационального органа большую легитимность в странах-членах, что положительно сказалось бы на исполнении решений, а значит, и на достижении общих целей интеграции.

С момента своего образования и по настоящее время СНГ является полноценной международной организацией. Важным фактором является признание ее в этом качестве Организацией Объединенных Наций. В частности, Устав СНГ зарегистрирован в Секретариате ООН в соответствии со ст. 102 этой организации.

Высшим органом СНГ с момента его образования является Совет глав государств (СГГ), что закреплено в 21 статье Устава СНГ, который может рассматривать любые вопросы деятельности и развития Содружества, а к сфере исключительной компетенции СГГ относятся внесение изменений в Устав СНГ, создание новых и упразднение старых органов Содружества (если возникнет такая необходимость),

повсеместное совершенствование деятельности этих органов и др.

В состав Совета входят главы государств - президенты стран СНГ. Исключение составляет только Армения, представленная в настоящее время в СГГ премьер-министром, что объясняется установившейся там несколько лет назад парламентской республикой, исходя из мировой практики, основные вопросы там решаются не президентом, а премьер-министром.

В течение года проводится обычно два заседания СГГ – официальное и неофициальное (так называемая «встреча без галстуков»), хотя и на них часто принимаются важные для СНГ решения. За 30 лет существования в СГГ сложилось четкое правило принятия решений, согласно которому главы государств исходят из принципа «консенсуса» – общего согласия. Предполагается, что, если хотя бы одно государство выступит против того или иного предложения, оно не принимается. Исключением из данного правила является заявление государства о его незаинтересованности в данной проблеме, и тогда это не является нарушением «правила консенсуса» [Мальшев 2010].

Председательство в СГГ осуществляется в порядке русского алфавита – с 1 января по 31 декабря текущего года. Государство, которому предстоит председательствовать, может отказаться от своего права, и в таком случае председателем становится глава следующего по алфавиту государства. Этим правом, например, пользовались Украина и Молдова¹. Хотя президент Украины формально числится в составе СГГ, эта страна членом СНГ юридически не является, так как высший законодательный орган Украины – Верховная Рада – не ратифицировал Устав СНГ. Более того, Украина с 2014 г. практически полностью приостановила свое участие во всех структурах Содружества, включая СГГ².

Координацию высших органов исполнительной власти в СНГ осуществляет

¹ Положение о председательстве в Содружестве Независимых Государств (утверждено Решением Совета глав государств СНГ, г. Бишкек 10 октября 2008 года). Режим доступа:

<http://www.cis.minsk.by/page.php?id=1820> (дата обращения 24.01.2021).

² Украина забыла выйти из СНГ. Режим доступа: <https://newizv.ru/news/politics/11-09-2019/ukraina-zabyla-vyyti-iz-sng> (дата обращения 25.01.2021).

Совет глав правительств (СГП). Его основные полномочия и направления деятельности определяются 22 статьей Устава СНГ. В состав СГП входят главы правительств (премьер-министры) государств СНГ. Исключением является Армения, представленная в Совете не премьер-министром, который, как было сказано выше, входит в СГГ, а вице-премьером, и Туркменистан, президент которого одновременно возглавляет правительство и потому участвует в заседаниях СГП.

СГП проводит заседания в соответствии с Уставом СНГ не реже четырех раз в год, и там тоже действует «принцип консенсуса». Исключение из этого правила такое же, как и в СГГ. Председательство в данном органе осуществляет глава правительства государства, которое в текущем календарном году председательствует в СНГ. СГП на практике реализует поручения Совета глав государств; способствует полноценному функционированию Зоны свободной торговли СНГ; разрабатывает и принимает программы развития промышленности, сельского хозяйства, различных отраслей экономики; обеспечивает их финансирование и финансирование деятельности всех органов СНГ.

Согласно Статье 27 Устава СНГ, общую координацию внешнеполитической деятельности органов Содружества осуществляет Совет министров иностранных дел (СМИД) СНГ³. Из-за разногласий по поводу осуществления общей внешнеполитической линии в рамках Содружества эта структура появилась не сразу после создания СНГ в начале 1990-х гг., а была учреждена 24 сентября 1993 г. Основные направления деятельности СМИД СНГ связаны с реализацией решений СГГ и СГП, взаимодействием дипломатических служб государств Содружества,

гуманитарным и правовым сотрудничеством между странами СНГ, мирным урегулированием конфликтных ситуаций, обеспечением безопасности и т.д. Председателем СМИД становится соответственно министр иностранных дел государства, председательствующего в СНГ⁴.

После распада СССР и образования СНГ большое значение в рамках этой организации приобрела деятельность органов и структур обороны и безопасности. 14 февраля 1992 г. был образован Совет министров обороны (СМО) государств – участников СНГ⁵. Секретариат СМО находится в Москве, председателем СМО СНГ по традиции является министр обороны РФ. С 11 декабря 2012 г. эту должность занимает министр обороны РФ, генерал армии С. Шойгу, а секретарем СМО является генерал-майор Ю. Дашкин.

В состав СМО входят министры обороны Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. Наблюдателем является министр обороны Туркменистана. Деятельность СМО определяется статьями 30 и 31 Устава Содружества, в соответствии с которыми его основной функцией является решение вопросов военной политики и военного строительства.

Обеспечению безопасности и противодействию террористической угрозе на территории государств – участников СНГ посвящена деятельность Антитеррористического центра (АТЦ)⁶. АТЦ был создан 21 июня 2000 г., и с 2006 г. его возглавляет генерал-полковник А. Новиков.

Исполнительные и координирующие функции в рамках СНГ осуществляет Исполнительный комитет СНГ. Он был образован 2 апреля 1999 г. и по настоящее время является постоянно действующим органом Содружества. Возглавляет

³ Устав Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения 21.01.2021).

⁴ Общая информация о Совете министров иностранных дел СНГ. Режим доступа: <https://e-cis.info/page/3376/79410/> (дата обращения 26.01.2021)

⁵ Совет министров обороны Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <http://mil.ru/smosng/about/history.htm> (дата обращения 27.01.2021).

⁶ Антитеррористический центр государств – участников СНГ. Режим доступа: <http://www.cisatc.org/132/167> (дата обращения 27.01.2021).

Исполком Исполнительный секретарь СНГ; эту должность с 2007 г. занимает С. Лебедев.

Реалиями деятельности современных международных организаций является обязательное наличие в рамках их структур парламентского компонента. В СНГ таким компонентом стала Межпарламентская Ассамблея (МПА) СНГ⁷. Эта структура была образована 27 марта 1992 г. в Алма-Ате (Алматы), а местом нахождения МПА является Таврический дворец в Санкт-Петербурге. Возглавляет эту структуру по традиции председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ. С 2011 г. эту должность занимает В. Матвиенко⁸.

Основным предназначением МПА является гармонизация законодательств государств – участников СНГ. Для этого вырабатываются модельные нормативно-правовые акты, которые создают фундамент единого и непротиворечивого законодательства в рамках Содружества. Одним из аспектов деятельности МПА является миротворческая деятельность.

В частности, при непосредственном участии МПА в мае 1994 г. было подписано Бишкекское соглашение, которое на тот момент положило конец активной фазе военного развития конфликта в Нагорном Карабахе. МПА СНГ, как и другие подобные международно-парламентские структуры, осуществляет мониторинг выборов в государствах Содружества, следит за соблюдением законности процедуры их осуществления. Так, в 2020 г. наблюдатели от СНГ присутствовали на президентских выборах в Белоруссии и Таджикистане.

Одним из важных направлений деятельности СНГ является экономическая интеграция стран-участниц. В последние годы появилась структура, главное назначение которой – социально-экономическая интеграция государств Содружества в Евразийский экономический

союз (ЕАЭС). Однако в него входят не все страны СНГ.

Для реализации целей экономической интеграции и для проведения консультаций по этому вопросу в апреле 1999 г. был создан Экономический совет, который стал правопреемником Межгосударственного экономического совета Экономического союза (все попытки создания которого в 1990-е гг. по типу ЕС провалились)⁹. Основными целями деятельности Экономического совета являются: внесение на рассмотрение СГГ и СГП предложений и проектов документов по вопросам социально-экономического характера; проведение взаимовыгодных консультаций по вопросам экономической и социальной политики; обмен опытом и информацией в данных сферах; координация деятельности органов СНГ, отвечающих за решение вопросов социально-экономического характера.

В состав Экономического совета входят заместители председателей правительств государств СНГ, а в его заседаниях с правом совещательного голоса участвует Исполнительный секретарь СНГ. При Экономическом совете на постоянной основе действует Комиссия по экономическим вопросам, в которую включены полномочные представители государств СНГ при Экономическом совете. Заседания Совета проводятся не реже одного раза в квартал, а Комиссии – раз в месяц.

Во взаимоотношениях государств СНГ могут возникать споры и разногласия. В международной практике сложилось правило создания наднациональных судебных органов для разрешения подобных споров. В СНГ эти функции исполняет Экономический суд¹⁰. 15 мая 1992 г. в Ташкенте было принято решение о создании Хозяйственного суда Содружества (так первоначально назывался Экономический суд). 6 июля 1992 г. на заседании СГГ в

⁷ Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. Режим доступа: <http://iacis.ru/about/index.php> (дата обращения 27.01.2021).

⁸ История МПА СНГ. Режим доступа: https://iacis.ru/ob_organizacii/istoriya (дата обращения 27.01.2021).

⁹ Экономический совет СНГ. Режим доступа: <https://cis.minsk.by/category/body?id=4> (дата обращения 27.01.2021).

¹⁰ Экономический Суд СНГ. Режим доступа: <http://sudsng.org> (дата обращения 28.01.2021).

Москве было подписано Соглашение о статусе Экономического суда. Местом нахождения Экономического суда является столица Республики Беларусь Минск. В 2011 г. председателем Экономического суда была избрана судья от Белоруссии Л. Каменкова.

В компетенцию Экономического суда входит разрешение межгосударственных экономических споров, возникающих при исполнении экономических обязательств. Кроме того, суд осуществляет толкование нормативно-правовых актов, принятых в рамках СНГ, разъясняет порядок их применения¹¹. Одновременно с этим Экономический Суд СНГ осуществляет экспертно-аналитическую деятельность, проводя, в частности, обзор судебной практики по подсудным ему делам.

При рассмотрении первоначальных деклараций возникает вопрос, было ли СНГ задумано как постоянный институт или просто временная мера, направленная на снижение издержек распада СССР. Например, Беловежское соглашение требовало координации внешней политики, единого экономического пространства и сотрудничества в таможенной политике, транспортно-коммуникационной политике, миграционной политике, вопросах организованной преступности и всеобъемлющей системе экологической безопасности. Последующая декларация об экономической политике включала требования координации налога на добавленную стоимость, координации таможенной политики и свободного транзита. То есть в чистом виде регионализм с очевидным акцентом на экономические вопросы. Однако в то же время несколько целей, поставленных в соглашениях, гораздо больше соответствовали временному решению: например, координация экономических реформ и введение национальных валют с учетом интересов партнеров (декларация об экономической политике). В Алма-Атинской и Ашхабадской декларациях в основном подчеркивается суверенитет бывших союзных государств, а также их отказ от применения или

возможности применения военной угрозы, признание границ. То есть, в них больше говорится об ограничениях взаимного вмешательства во внутреннюю политику, чем о сотрудничестве.

Рассмотрим проблемные аспекты. Первая проблема, которую необходимо было решить, это международно-правовой статус СНГ. Статья 1 Устава СНГ гласит, что «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями». Если бы это было государство, оно стало бы государством-преемником СССР [Beemelmans 1997: 7]. Излишне говорить, что нет и гражданства Содружества, нет постоянных совместных вооруженных сил и общей валюты [Sakvva, Webber 1999: 379].

Само собой разумеется, что это также не федеративное государство, поскольку Устав СНГ не может быть истолкован как федеральная конституция. Как будет сказано ниже, это не модель конфедерации в классическом смысле, можно признать, что это структура *sui generis* (единственное в своем роде), которую нелегко сравнить с существующими политическими образованиями. Ниже приведены аргументы, подтверждающие, почему нельзя проводить точные аналогии с существующими государственными образованиями или межгосударственными союзами. Традиционно СНГ отвечает всем основным формальным критериям межправительственной организации, каковыми являются:

- создание на основе международного соглашения в соответствии с международным правом;
- членство суверенных государств;
- постоянно функционирующая административная структура;
- по крайней мере один орган с собственной волей, учрежденный в соответствии с международным правом;
- единая цель координации сотрудничества государств-членов в конкретных областях [Voitovich 1993: 148].

¹¹ Компетенция Экономического Суда СНГ. Режим доступа: <http://sudsng.org/competence/sng/> (дата обращения 29.01.2021).

Согласно статье 1 Устава 1993 года, в которой говорится, что СНГ не является государством и не обладает наднациональными полномочиями, нет четких положений о компетенции Содружества заключать договоры. Это указывает на намерение России и 11 государств-членов создать низкопрофильную структуру, подобную ОБСЕ. Например, Украина проводила политику, направленную на сохранение общего пространства в качестве слабой конфедерации, отвергая попытки создания постоянных координационных структур СНГ и блокируя усилия по созданию центральной бюрократии СНГ. Лидеры Центральной Азии также требовали, чтобы Москва создала «неформальную группировку» из бывших советских республик.

В декабре 1993 г. главы правительств СНГ поручили председателю Совета министров иностранных дел СНГ обратиться к Организации Объединенных Наций с просьбой предоставить СНГ статус наблюдателя в Генеральной ассамблее. Проект резолюции был принят 24 марта 1994 г. без голосования. Резолюция была согласована на том основании, что Устав СНГ от 22 января 1993 года обеспечивал правовую основу организации, а СНГ имел постоянный исполнительный орган и более 30 основных и вспомогательных органов. Также утверждалось, что, помимо экономического аспекта, имелись аспекты внешней политики и прав человека. На основании этого можно было утверждать, что СНГ является региональной организацией, подпадающей под действие главы VIII Устава ООН¹².

В самом начале Устав СНГ был задуман как нечто похожее на Римский договор (1957 г.). То есть планировалось создать наднациональные органы для контроля и регулирования интеграции по целому ряду вопросов [Kubicek 2016: 15-24]. Если сравнить СНГ и ЕС, то СНГ – пример межправительственного и консенсуального подхода, а ЕС является наднациональной

системой. Институциональная структура ЕС является антиподом модели СНГ. Каждое государство-член Содружества решило в одностороннем порядке определять свои обязательства и выбирать уровень приверженности, наилучшим образом соответствующий его национальным интересам. Государства-члены обладают односторонними дискреционными полномочиями при определении как уровня своего участия в той или иной проблемной области, так и степени, в которой они обязуются согласовывать результаты многосторонней политики. Области переговоров и потенциальной совместной деятельности охватывают экономические (в том числе институциональные/структурные вопросы), социальные (например, здравоохранение и окружающая среда) области, системы связи и транспорта, а также вопросы внешней политики и безопасности.

Проблема наднациональности в СНГ в принятии решений заключается в том, что функционирующие органы являются межправительственными или межгосударственными, но не надгосударственными, как в ЕС. То есть власть органов СНГ не распространяется напрямую на территории государств-участников Содружества. Система принятия решений была разработана очень слабо. Государства-участники, которые либо не заинтересованы в конкретном вопросе, либо не хотели участвовать в его урегулировании в праве были не выполнять решения Совета. Если государство-член было заинтересовано в вопросе, оно принимало право вето на неприемлемое решение. Если государство-член заявляло, что оно не заинтересовано в рассматриваемом вопросе, это не было препятствием в принятии решения в целом. Иными словами, суть консенсуализма заключалась в том, что воздержание одного или нескольких государств-участников не аннулировало решение в целом.

Например, Устав СНГ был принят семью из десяти государств-участников.

Однако консенсусное правило вряд ли может работать при условии принятия

¹² Foreign Policy Document No: 258, The Commonwealth of Independent States: International Status, Russia/FSU Section (UK), September 1994, p. 1.

решения в отношении государства-члена в случаях урегулирования споров или применения санкций. Несмотря на то, что было заключено около 4000 соглашений по экономическим, военным, экологическим, социальным и другим вопросам, их количество не соответствовало ожидаемому качеству. Многие решения, принятые в рамках СНГ, не были реализованы из-за растущих разногласий между членами, что, в свою очередь, способствовало взаимному недоверию. Последствием этого стала многовекторная политика государств-участников СНГ.

Таким образом, на пороге своего тридцатилетнего юбилея СНГ демонстрирует достаточно высокую степень жизнеспособности – в рамках Содружества действует более восьмидесяти органов, более шестидесяти структур и органов отраслевого сотрудничества. С другой стороны, если бы основателям СНГ удалось разработать наднациональный процесс принятия решений, сегодня СНГ было бы намного успешней. Однако для бывших союзных государств наделение органов СНГ наднациональностью приравнивается к ослаблению власти национальных элит и к автоматической зависимости от более сильного и успешного соседа.

Интересы национальных элит

После того, как бывшие советские республики обрели независимость, под влиянием целого ряда центробежных тенденций сформировались их внешнеполитические курсы, которые в ряде случаев совпадали с позицией РФ, а порой существенно расходились. Особенностью интеграционных процессов на пространстве СНГ является сочетание центристских и центробежных тенденций. Данные тенденции, с одной стороны, приводили к прогрессу интеграции, а с другой стороны, к деструктивным процессам. Причиной сочетания данных тенденций и влияния внешних факторов являются, в основном, национальные интересы, причем не только отдельных государств, но и региональных элит [Курьлев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018: 134-156].

Почти 30-летний период независимости позволяет проанализировать ключевые тенденции в развитии стран постсоветского пространства, выделить основные проблемы, с которыми они столкнулись. Политические события в ряде государств по времени совпали с экономическими проблемами в мировой экономике, кардинальными изменениями на нефтяном рынке, пандемией коронавируса, что не могло не отразиться на экономике. Обострился ряд социально-экономических проблем, таких, как рост внешней задолженности, падение ВВП, сокращение инвестиций, что еще более усилило социально-политическую напряженность.

Большое влияние на политическую ситуацию на постсоветском пространстве оказывали западные страны. Несмотря на пандемию и свои проблемы, США и ЕС проводили политику, направленную на усиление собственных позиций: активно поддерживали антироссийские силы, оказывали информационно-дипломатическое давление на руководство, вмешивались в ход избирательных кампаний, что привело к дестабилизации ситуации в ряде стран бывшего СССР. В целом усилия Запада были направлены на изменение внешней политики государств, сохранивших с Россией тесные торгово-экономические связи и развивавших политические отношения. В экономическом плане СНГ является для западных стран рынком сбыта продукции, выгодным производителем энергоносителей и транзитёром сырья и энергоресурсов.

Естественно, что политика России направлена на отстаивание собственных интересов. В качестве фундамента, который позволит усилить позиции России, выступает Евразийский экономический союз, с развитием которого российская сторона связывает сохранение своего влияния в странах Содружества, изначально входивших в зону ее влияния и интересов. Таким образом, на постсоветском пространстве по-прежнему сталкиваются геополитические интересы России и Запада, последовательно нарастающего усилия по ослаблению российского влияния [Жильцов 2021: 186-211].

Можно разделить национальные интересы России на пространстве СНГ на экономические и политические. К экономическим интересам относится увеличение ресурсного потенциала России, которое происходит благодаря доступу к минерально-сырьевым запасам государств-членов ЕАЭС. Россия также заинтересована в человеческих ресурсах ЕАЭС, так как данный союз с его 186 миллионным населением¹³ и высоким индексом развития человеческого капитала (кроме Киргизии) имеет большой потенциал экономического роста. Россия заинтересована в использовании транзитного коридора ЕАЭС и СНГ, а также в налаживании контактов с третьими странами через данные объединения [Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов 2016 : 75-86].

Политические интересы обусловлены желанием России закрепить за собой роль евразийской державы, тем самым максимально обезопасить свои границы. Ведь чем больше влияние России в регионе, тем меньше угроз со стороны США, НАТО, ЕС и т.д.

В последнее десятилетие четко обозначились основные тенденции развития постсоветского пространства. Часть стран готова была сохранить экономические отношения с Россией, одновременно развивая сотрудничество с внерегиональными государствами. Другие страны реализовывали курс на расширение политических и экономических связей с внерегиональными странами и дистанцирование от России. Запад использовал данную ситуацию для усиления своего влияния. Ключевой задачей США и ЕС является ограничение российского влияния на постсоветском пространстве. Для реализации этого курса США и ЕС поддерживают политических субъектов в странах постсоветского пространства, стоящих на антироссийских позициях.

Несовпадение интересов России и Запада привело к новому витку соперничества за

сферы влияния. В 2020 г. политическая ситуация в ряде стран бывшего СССР развивалась стремительно. В этом контексте показательны события в Белоруссии, долгое время считавшейся островком стабильности. После выборов президента, которые прошли в августе 2020 г., ситуация в стране обострилась. Проиграв на выборах, оппозиция начала акции протеста, направленные против действующего президента. Оппозицию активно поддерживали западные страны, оказывая ей информационно-политическую поддержку и одновременно осуществляя давление на А. Лукашенко. Вмешательство в выборы с последующим оспариванием их итогов через организацию антиправительственных выступлений вписывались в общий тренд политики ЕС и США. Для Запада ключевыми задачами были смещение президента и полное изменение внешнеполитического курса с евразийской интеграции на евроинтеграцию. Это предполагало отказ от интеграционных проектов, реализуемых в рамках постсоветского пространства (Евразийский экономический союз, Союзное государство, Организация Договора о коллективной безопасности). Такой сценарий должен был привести к ослаблению позиций России на постсоветском пространстве.

Для осуществления своей политики в отношении Белоруссии Запад использовал различные инструменты, такие как инициатива «Восточное партнерство», для которой был специально открыт европейский рынок. Развивалось сотрудничество с МВФ и европейскими странами в сфере образования. В свою очередь, снижение доходов и трудности в экономике усиливали заинтересованность Белоруссии в поиске пути расширения объемов поставок своей продукции на европейский рынок. Кроме того, Белоруссия активно искала возможности получения кредитов МВФ. Внешний долг Белоруссии на начало 2020 г. достигал 17,1 млрд долл.¹⁴

¹³ Апокин А.Ю. Евразийский экономический союз // Большая российская энциклопедия. Электронная версия 2021. Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/5868052> (дата обращения: 24.05.2021)

¹⁴ Государственный долг на 1 января 2020 г. / Министерство финансов Белоруссии. — URL: http://minfin.gov.by/public_debt/pressreleases/4c6b30d611354542.html

Несмотря на попытки Белоруссии расширить сотрудничество с Западом, одним из приоритетных направлений внешней политики оставалась Россия. В середине второго десятилетия XXI в. более половины внешнеторгового оборота Белоруссии обеспечивалась Россией, 1/4 часть банковских активов контролировалась российскими финансовыми группами и более половины внешнего долга приходилось на Россию [Кузьмина 2015: 26-33]. Соответственно, ориентация Белоруссии на интеграцию со странами постсоветского пространства была обусловлена сильной зависимостью белорусской экономики от восточного соседа. К 2020 году ситуация не претерпела изменений, что сохранило у Белоруссии повышенный интерес к интеграционным проектам.

К концу 2020 г. ситуация в Белоруссии стабилизировалась. Однако события в стране оставили вопросы относительно ее будущего развития и российско-белорусских отношений. Сохранение сложной политической ситуации в Белоруссии и давление Запада будут направлены на ослабление российско-белорусских отношений, тем более что Запад не отказался от планов по смене политического режима в Белоруссии.

Явно превращается в серьезную проблему для нормального функционирования СНГ Молдова, где в результате состоявшихся 1 и 15 ноября 2020 г. двух туров президентских выборов новым главой государства стала М. Санду, представляющая политические силы, ориентированные на европейскую интеграцию и занявшая сразу после своего вступления в должность откровенно антироссийскую, прозападную (прорумынскую) позицию и выступившая против интеграции в СНГ. В отличие от бывшего президента И. Додона, она ставит своей целью изменение внешнеполитического курса страны.

Национальными интересами Киргизии, как и других центрально-азиатских стран, является сохранение независимости, обеспечение безопасности границ, развитие экономики и улучшение условий жизни граждан. Несмотря на внутренние и внешние

проблемы, Киргизия все же остается зоной интересов России, Запада и Востока благодаря своему географическому положению. Так, например, будучи еще членом ДКБ, Киргизия разместила на своей территории американскую военную базу в Манасе, что соответствовало национальным интересам США, но не России. Кроме того, размещение американской военной базы могло создать ряд экономических, социальных и политических проблем Китаю, который остерегался дестабилизации ситуации в Синьцзян-Уйгурском районе, а также могло вызвать торможение прокладки нефтепроводов из Казахстана в Китай [Зайцева 2018: 770-775]. Несмотря на то, что Киргизия всегда была нестабильным государством, Россия все же поддержала (в отличие от Белоруссии) ее вступление в ЕАЭС в 2015 г. На это было несколько причин: Россия хотела показать жизнеспособность ЕАЭС за счет его расширения; Россия оказывала противодействие экономической экспансии Китая в Киргизию и сохраняла свое влияние там; Россия руководствовалась и экономическими и геополитическими интересами [Васильева 2015: 99].

Парламентские выборы в Киргизии, которые прошли в октябре 2020 г., привели к очередному политическому обострению. Разразился серьезный кризис власти, который, в отличие от Белоруссии, привел к отставке действующего президента Жээнбекова, к проведению досрочных президентских выборов и приходу к власти С. Жапарова. Пока что властям удается поддерживать хрупкое равновесие и удерживать страну от очередного всплеска насилия и беспорядков. События в Киргизии в меньшей степени затрагивают внешнюю политику страны и подходы ее к развитию сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и СНГ.

На евразийском пространстве Таджикистан входит во все организации (СНГ, ШОС, ТС, ОДКБ, ЕврАзЭС-до 2015 г.), кроме ЕАЭС. Таджикистан так же, как и Киргизия, является зоной интересов России, Китая и Запада из-за своего географического положения и минерально-сырьевых ресурсов [Li Lifan, and Ding Shiwu 2004: 1-8].

Политика Таджикистана направлена на углубление евразийской интеграции, что соответствует ее национальным интересам, в числе которых:

- обеспечение безопасности и территориальной целостности;
- сохранение и укрепление суверенитета;
- сохранение добрососедства и приобретение новых контактов для сотрудничества;
- развитие национальной экономики путем экономического взаимодействия со странами СНГ, ШОС и т.д.;
- привлечение иностранного капитала в республику;
- решение проблемы распределения водных ресурсов;

Китай на пространстве СНГ преследует следующие интересы [Feng Yujin 2019: 23-39]:

- решение пограничного вопроса со странами Центральной Азии и обеспечение безопасности своих границ, поскольку из постсоветских стран он граничит с Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Киргизией. В 1960–1970 гг. между Китаем и СССР произошла серия пограничных конфликтов. Пограничные споры утихли в 1980-х гг., и обе стороны приступили к переговорам. Но в 1991 г. СССР распался и никаких конкретных результатов по северо-западной границе Китая к этому времени достичь не удалось. В 1990-е гг. произошла серия терактов в южной части Центральной Азии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, где в основном проживает население, исповедующее ислам: уйгуры, киргизы, казахи, таджики (сарыкольцы, ваханцы) и т.д. Для Китая важно осуществлять трансграничное сотрудничество со странами СНГ для предотвращения потенциальных конфликтов и споров. Стоит отметить, что Китай добился компромиссов по пограничным вопросам. В 1995 г. Китай дал обещание не использовать ядерное оружие против стран Центральной Азии. В 1996 г. Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан подписали Соглашение об укреплении военного доверия в приграничных районах. Эти же страны в 1997 г. подписали Соглашение о взаимном

сокращении вооруженных сил в приграничных районах. Начиная с 2002 г. Китай стал постепенно заключать со странами СНГ следующие соглашения [Feng Yujin 2019: 26-28]:

- Развитие экономического сотрудничества со странами СНГ (ЕАЭС-Китай, Один пояс-Один путь). Для большинства стран СНГ Китай является крупнейшим партнером и источником инвестиций (в основном для стран Центральной Азии) [Feng Yujin 2019: 31-32].

- Энергетическое сотрудничество. Несмотря на развитость экономики, Китай зависим от иностранной энергетики. Для реализации энергетических интересов Китаю необходим доступ к энергетическим ресурсам стран СНГ (нефтепровод Китай-Казахстан, нефтепровод Китай-Центральная Азия). Китай стремится к тесному сотрудничеству со странами СНГ, т.к. не хочет, чтобы энергетику этих стран контролировали или монополизировали третьи страны. При получении доступа к энергетическим ресурсам некоторых стран СНГ (в основном Центральной Азии), Китай инвестирует в хозяйственные и технологические отрасли этих стран [Feng Yujin 2019: 32-35].

- Китай, конечно же, заинтересован в поддержании суверенитета стран СНГ. Обусловлено это тем, что после распада СССР национальная безопасность Китая значительно улучшилась. Китай подписал со всеми странами ЦА и с Россией соглашения о добрососедстве и стратегическом партнерстве и оказывает официальную экономическую и гуманитарную помощь странам ЦА, надеясь на эффективное осуществление некоторых проектов.

- Геополитические интересы Китая заключаются в недопущении создания и развития военно-политических блоков в регионе (с НАТО), направленных против него, а также в поддержании баланса сил на пространстве СНГ (деятельность и сотрудничество со странами СНГ в рамках ШОС) [Feng Yujin 2019: 25].

Казахстан является еще одной центрально-азиатской страной, стремящейся к евразийской интеграции, состоит в СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ТС-ЕЭП. Национальные

интересы Казахстана в рамках интеграции можно разделить на две группы:

- Экономические интересы заключаются в легком транзите из Китая в Европу, недорогом доступе к российским трубопроводам, выгоде от единой энергетической системы с Россией, сбыте сельскохозяйственной продукции в Россию и быстрой модернизации экономики [Гусев 2015: 93-104].

- Геополитические интересы обусловлены в основном национальной территориальной безопасностью Казахстана, безопасностью поставок казахской нефти и газа в Европу¹⁵ (экспортируются по российским трубопроводам) [Laguette, Roуse, Beyssembayev 2019: 211-243]. К тому же Казахстан беспокоит риск обострения напряженности в северных регионах, где этнические русские составляют значительную часть населения.

Изначально ЕАЭС задумывался не только как экономический союз, но и в дальнейшем как масштабный единый Евразийский союз. Однако впоследствии Казахстан стал вести активную политику многовекторности и после 2014 г. (из-за событий на Украине) [Roberts 2015: 1-6] отказался от идеи какой-либо интеграции, кроме экономической. Совместными усилиями Казахстана и Белоруссии в 2014 г. были исключены все политические аспекты интеграции в рамках ЕАЭС. Казахстан даже стал рассматривать китайский проект Экономического пояса Шелкового пути, американский проект Нового Шелкового пути и ассоциацию с ЕС как альтернативу Евразийской интеграции¹⁶. После 2014 г. по настоящее время Казахстан ведет политику многовекторности [Isaacs 2020: 2-5], не принимает участие в противостоянии России и Запада и не желает быть сателлитом ни России, ни западных стран.

В 2020 г. председательство в СНГ осуществляла Республика Узбекистан. По словам президента Ш. Мирзиёева, «СНГ для

Узбекистана – это не просто «площадка» для диалога, обмена мнениями и «сверки часов», это – важнейший институт практического взаимодействия в приоритетных сферах, а страны-участницы СНГ – наши естественные партнеры, соседи и друзья». Председательство Узбекистана в СНГ имело особую значимость, учитывая специфику внешней политики этой республики и ее особую позицию по многим вопросам, затрагивающим Содружество, в отличие от времен президентства И. Каримова. Тогда республика часто уклонялась от участия в делах СНГ, что во многом делало ее похожей на самоизолировавшийся Туркменистан, придерживающийся официально признанного внешнеполитического нейтралитета [Ахмедов 2019: 854-865].

Политика Узбекистана при новом руководстве резко изменилась, причем эти перемены затронули не только взаимоотношения Узбекистана с его соседями, с которыми были урегулированы многие спорные проблемы, но и позицию в отношении Содружества и интеграционных процессов в нем (в частности, Узбекистан стал государством – наблюдателем в ЕАЭС) [Зиядуллаев, Зиядуллаев 2018: 1731-1744]. Узбекистан никогда не выступал против евразийской интеграции, но при этом с особым вниманием относится к своим национальным интересам. Кроме стандартных национальных интересов, таких как сохранение территориальной целостности, безопасности, укрепление суверенитета и улучшение качества жизни граждан, можно выделить несколько национальных интересов в рамках региональной интеграции:

- создание самостоятельной политики на международной арене;
- создание благоприятных условий для иностранных инвестиций;
- самостоятельный выбор возможных путей развития национальной культуры и экономики;

¹⁵ Clarke, M., 2015. Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power "Pivots"? The ASAN Forum, 9 April [online]. Available at: <http://www.theasanforum.org/kazakhstan-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/>

¹⁶ Указ Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 годы» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31498994#pos=3;-106

• дистанцирование от влияния и давления со стороны крупных мировых центров (отказ участвовать в военно-политическом блоке).

Значимость председательства Узбекистана в СНГ состояла в том, что республика в 2020 г. заняла эту позицию впервые со времен образования Содружества. Под председательством Узбекистана в 2020 г. было проведено более ста различных мероприятий, рассмотрено более тысячи вопросов, принято более семидесяти документов. Помимо этого, в 2020 г. Узбекистан присоединился к трем отраслевым органам СНГ – Совету по делам молодежи, Консультативному совету по труду, занятости и социальной защите населения, Консультативному совету по защите прав потребителей. Наиболее значимыми мероприятиями, проведенными в рамках СНГ в 2020 г. под председательством Узбекистана, стали заседания Совета министров иностранных дел СНГ 12 мая и 10 декабря, Совета глав правительств 29 мая и 6 ноября и Совета глав государств СНГ 18 декабря. В этот же период были утверждены обновленная Концепция дальнейшего развития СНГ, Концепция военного сотрудничества государств-участников СНГ до 2025 года, Стратегия экономического развития СНГ до 2030 года и ряд других документов.

18 декабря 2020 г. в онлайн-формате состоялось заседание Совета глав государств СНГ, в котором приняли участие главы всех государств Содружества за исключением Армении и Украины. Было подписано два важных совместных заявления – по случаю 75-й годовщины создания ООН и о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Также была утверждена Программа сотрудничества государств СНГ в укреплении безопасности на внешних границах Содружества на 2021–2025 годы¹⁷. Кроме того, участники саммита назвали 2020 г. одним из самых тяжелых в минувшем десятилетии. В основном эта оценка была

связана с распространением пандемии коронавируса. Но и не только.

Армения после распада СССР следовала стратегии взаимодополняемой политики (комплементаризм). Причиной выбора такой стратегии были напряженные отношения с Азербайджаном и наличие трех крупных диаспор в России, США и Европе, каждая из которых пыталась помочь в построении независимого государства, лоббируя интересы Армении через политические институты США, России и Европы. Примером может служить то, как Армения получала деньги от американцев, оружие и военную технику от России и гуманитарную помощь из Европы. Будучи нацеленной на сотрудничество с НАТО, Армения все же подписала Договор о коллективной безопасности, который гарантировал безопасность Армении в случае конфликта в Нагорном-Карабахе. В 1994 году Армения стала участником программы НАТО «Партнерство ради мира» на фоне угасающего конфликта с Азербайджаном. В 2001 г. Армения стала членом Европейского Совета и, несмотря на это, в 2002 г. Армения вместе с другими членами ДКБ вошла в ОДКБ. В 2012 г. планировалось, что Армения подпишет соглашение о зоне свободной торговли с ЕС в рамках «Восточного партнерства», но вместо этого в 2013 г. Армения вступила в Таможенный Союз и заявила об участии в формировании ЕАЭС [Шанявский 2015: 757-762]. Первой причиной такого поворота стало предложение России инвестировать в развитие армянской железной дороги 15 млрд рублей. Так как железнодорожная проблема беспокоила правительство Армении, данное предложение было весьма привлекательным. Тот факт, что Россия являлась гарантом национальной безопасности Армении тоже сыграл свою роль. Стоит отметить экономический и энергетический фактор. ЕС предлагал пути развития экономики, но ничего не говорил о решении энергетической проблемы. Россия же снизила цену на газ с 270 до 189 долларов за тысячу кубометров и обещала ускорить

¹⁷ Об итогах заседания Совета глав государств СНГ 18 декабря 2020. Режим доступа: <https://e->

cis.info/page/3769/89856/ (дата обращения 01.02.2021).

строительство АЭС. Таким образом, Армения, исходя исключительно из своих национальных интересов, решила идти по пути евразийской интеграции и стала полноправным членом ЕАЭС в 2015 г. [Шанявский 2015: 757-762].

Азербайджан, в отличие от Армении, не настроен на углубленную евразийскую интеграцию в рамках СНГ. На постсоветском пространстве Азербайджан является полноценным членом СНГ, но не состоит ни в ЕАЭС, ни в ТС-ЕЭП, ни в ОДКБ. Азербайджан объясняет свое неучастие в интеграционных проектах отсутствием экономической заинтересованности. Но в действительности Азербайджан исходит и из своих политических интересов. Еще одной причиной нежелания Азербайджана участвовать в интеграционных проектах на пространстве СНГ является то, что Азербайджан, Россия и Казахстан (члены ЕАЭС) – естественные конкуренты на нефтегазовом рынке. На пространстве СНГ Азербайджан является также членом ГУАМ, в которую входят исключительно прозападные страны. В национальные интересы Азербайджана входит больше европейская интеграция, нежели евразийская. В основном связано это с тем, что самый близкий партнер и гарант безопасности Азербайджана – Турция, тоже нацелена на евроинтеграцию [Юматов К. В., Сивина 2020: 963-971].

Настоящей «болевой точкой» постсоветского пространства остается Украина, где продолжают действовать деструктивные по отношению к России и СНГ силы, включающие высшее руководство страны (президента В. Зеленского, премьер-министра Д. Шмыгаля, министра иностранных дел Д. Кулебу). Признаком изменения ситуации к лучшему в сегодняшней украинской политической действительности пока не просматривается. Снижение популярности президента В. Зеленского и его окружения, которое проиграло на выборах в местные органы власти в 2020 г., не сказалось на российско-украинских отношениях.

Украинские власти продолжают курс на расширение сотрудничества с Западом. Эта позиция нашла отражение в Основном законе Украины, в который в феврале 2019 г. были внесены положения, закрепившие курс на вхождение в ЕС и членство в НАТО. В свою очередь, Запад активно поддерживает украинские власти в проведении антироссийской политики. Украина приступила к строительству двух военно-морских баз: на Черном и Азовском морях. Средства для этого выделила Великобритания в рамках подписанного меморандума¹⁸. Проводится работа по закреплению за Украиной статуса неофициального члена НАТО, тем более что она всячески инициирует этот процесс и в начале 2020 г. официально подала заявку на участие в программе партнерства расширенных возможностей.

На нынешнем этапе СНГ в целом сохранило основные черты и направления деятельности, которые были характерны для этой организации в предшествующие десятилетия. Практически неизменной остается как структура Содружества, о которой речь шла выше, так и основные нормативно-правовые акты и, в частности, Устав СНГ, в которые были внесены лишь незначительные изменения.

Безусловно, было бы не совсем оправданно считать, что данная международная организация на современном этапе не испытывает сложности и проблемы, связанные, в частности, с преемственностью власти в отдельных странах. В качестве примера можно привести Республику Беларусь, где 9 августа 2020 г. состоялись шестые президентские выборы. На них в очередной раз победу одержал действующий президент А. Лукашенко, набравший по официальным данным 80,1% голосов. Недовольство такими результатами выборов вылилось в массовые протесты, в ходе которых произошло даже выдвижение «альтернативного» президента С. Тихановской, однако в итоге протесты сошли на нет, и А. Лукашенко не только сохранил

¹⁸ Британия выделит почти 1,4 млрд евро на Военно-морской флот Украины. 07.10.2020 // РБК. Режим доступа:

<https://news.rbc.ua/rus/politics/britaniyavydelit-1—4-mlrd-evro-voenno-morskoy-1602066851.html>

за собой пост и полномочия президента, но в какой-то мере даже упрочил свою власть.

В России в январе 2021 г., после ареста вернувшегося из ФРГ оппозиционного блогера А. Навального, по стране прокатилась волна антиправительственных выступлений. В итоге митингующим и организаторам акций протеста не удалось добиться поставленных целей и расшатать обстановку в стране. Однако все эти факты свидетельствуют о том, что на пространстве СНГ существует ряд очень сложных проблем, которые необходимо решать в ближайшее время, причем как силами отдельных стран, так и Содружества в целом.

В сентябре – октябре 2020 г. произошло беспрецедентное обострение конфликта в Нагорном Карабахе. К началу саммита ситуацию там фактически удалось разрешить во многом благодаря дипломатическим усилиям России, которая добилась того, что в рамках трехсторонних переговоров между лидерами Азербайджана, Армении и России, состоявшихся в Москве, было подписано заявление президента Азербайджана, премьер-министра Армении и президента России, в соответствии с которым были прекращены военные действия, и в зону карабахского конфликта, по согласованию с его сторонами, вошли российские миротворческие силы.

Еще одной проблемой, на которую указали участники саммита, стали беспрецедентные по своему характеру попытки вмешательства извне во внутренние дела некоторых государств СНГ. По словам белорусского президента А. Лукашенко, справиться с этим как раз и поможет дальнейшее укрепление СНГ, что для входящих в него стран является неизбежной необходимостью¹⁹.

В Белоруссии, где к началу 2021 г. ситуация несколько стабилизировалась, спокойствия удалось достичь достаточно дорогой ценой. Митинги и выступления, которые проходили в республике с 9 августа 2020 г. (с момента проведения президентских выборов), прекратились, но не факт, что они

снова не возобновятся по какому-то другому поводу.

На Южном Кавказе сохраняется хрупкое равновесие в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, однако, как показывает мировая практика, такого рода конфликты в любой момент могут вспыхнуть вновь. Нельзя исключить и появления новых баз или других военных объектов США/НАТО на территории Грузии.

Относительно спокойно в целом в центральноазиатском регионе СНГ. Но и там отдельные страны проводят в рамках политики «многовекторности» курс на развитие партнерских отношений с американскими, европейскими, турецкими структурами, противодействующими экономической и политической интеграции в СНГ, ОДКБ, АТЦ и др. Тревожной остается ситуация в перманентно нестабильной Киргизии, фактически пережившей сравнительно недавно очередной государственный переворот. Хотя в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане видимость стабильности сохраняется, при неблагоприятном развитии событий она может быть нарушена из-за внешних или внутренних факторов, обусловленных близостью к Афганистану, внутренним расколом элит и т. д.

Как для всего мира, так и для государств СНГ серьезным испытанием явилось распространение пандемии коронавируса COVID-19. Введенные многочисленных ограничений стали в 2020–2021 гг. первоочередными проблемами для всех без исключения стран. Многие государства СНГ коронавирус буквально накрывал волнами, парализовывая в них нормальную жизнь, особенно в Таджикистане, Киргизии и Молдове. Сложная ситуация сложилась и в государствах – локомотивах СНГ – России, Белоруссии и Казахстане.

Серьезные изменения произошли и на мировой арене в целом, чего не могли не учитывать лидеры государств Содружества. Как отметил Президент ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН академик А.А. Дынкин, «...такая угроза международной

¹⁹ Коллективная борьба с пандемией и укрепление взаимного доверия. Что обсудили лидеры СНГ. Режим

доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10299415> (дата обращения 02.02.2021).

безопасности, как пандемия, вышла на первый план. Эта угроза оказалась гораздо опаснее, чем опасность климатических изменений. На ближайшие десять лет политика национальных правительств и международных организаций будет держать эту тему в фокусе пристального внимания»²⁰. Начиная с осени 2020 г. государства СНГ постепенно преодолевают негативные последствия этой глобальной угрозы. В немалой степени этому способствовало создание в России вакцин от коронавируса, которые поставляются в государства СНГ.

В 2021 г., что символично, учитывая 30-тилетний юбилей СНГ, председательство в СНГ осуществляла Беларусь. Именно на ее территории было подписано «Беловежское соглашение» о создании СНГ, Минск является столицей СНГ, также Белоруссия – официальный депозитарий СНГ.

Таким образом, обострение политической ситуации в странах постсоветского пространства было вызвано рядом причин. Сказывалось отсутствие опыта и традиций в передаче власти. За несколько десятилетий страны не выработали правил мирной передачи власти. Зачастую смена главы государства или изменения в расстановке сил в парламенте вели к кардинальной смене внешней политики. Политическая борьба рассматривалась в качестве единственного пути, который открывал доступ к финансам и власти. Ситуацию дополняла поляризация общества в постсоветских странах по вопросам внешней политики, что в целом лишало новые государства последовательности и предсказуемости развития событий. Вероятность пересмотра направлений внешнеполитического курса повышала вмешательство внешних сил. Мы можем утверждать, что каждое решение или участие стран членов СНГ в интеграционных процессах обусловлено их национальными интересами. Значимость интеграционного объединения определяется возможностью использования особых экономических и политических выгод, в том числе новых

форм и условий для реализации своих национальных интересов, таких как:

- облегчение доступа на рынки соседних государств;
- перемещение рабсилы и капитала;
- минимизация административных затрат на внешнеторговые операции;
- согласование позиций по доступу товаров и услуг других стран в зону интеграционного объединения;
- согласование позиций по военно-политическим вопросам в рамках СНГ и ОДКБ;
- сохранение независимости и обеспечение территориальной целостности (путем обеспечения безопасности);
- проведение политики многовекторности.

Мы видим, что каждое государство-участник СНГ преследует свои национальные интересы практически в ущерб общей интеграции. Центральные-Азиатские страны (при условии политической независимости) заинтересованы в евразийской интеграции из экономических и геополитических побуждений (Россия выступает гарантом их безопасности в регионе). Они также ведут политику многовекторности, заключая двусторонние отношения и с западными, и с восточными странами. Белоруссия и Армения ведут политику комплементаризма, опираясь на свои экономические и геополитические интересы, балансируя между Россией и Западом. Азербайджан, Молдавия и Украина (де-юре не считающаяся членом СНГ и прекратившая де-факто принимать участие в его деятельности с 2014 г.) ведут политику, направленную на углубление евроинтеграции. Интересами России на пространстве СНГ являются экономические выгоды (доступ к сырьевым и человеческим ресурсам стран ЕАЭС, транзитный коридор), геополитические выгоды (обеспечение национальной безопасности, желание сохранить свое влияние на постсоветском пространстве и использовать его в

²⁰ Кравчук М. Академик РАН Александр Дынкин о последствиях коронакризиса. URL: <https://scientificrussia.ru/news/pandemiya-kak-ugroza->

[mezhdunarodnoj-bezopasnosti-vyshla-na-pervyj-plan](https://scientificrussia.ru/news/pandemiya-kak-ugroza-) (дата обращения 20.05.2021).

противовес НАТО и ЕС). Западные и восточные страны заинтересованы в сотрудничестве с постсоветскими странами, т.к. они выгодные производители и транзитеры энергоресурсов.

Подводя итог, можно отметить, что СНГ не является наднациональной организацией.

Что касается национальных интересов региональных элит, большинство стран СНГ следуют британской формуле: у стран нет постоянных друзей, есть лишь постоянные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Beemelmans H.* State Succession in International Law: Remarks on Recent Theory and State Practice. Boston University International Law Journal, Vol. 15, 1997, p. 7
- Feng Yujin.* China's strategy toward Central Asia: interests, principles and policy tools. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 2019, vol. 12, issue 1, pp. 23–39.
- Isaacs R.* Russia–Kazakhstan Relations and the Tokayev–Nazarbayev Tandem. Russian Analytical Digest, 2020. 248, pp.2-5.
- Kubicek P.* End of the Line for the Commonwealth of Independent States// Problems of Post-Communism. 2016. pp. 15–24.
- Laruelle M., Royce D., Beyssembayev S.* Untangling the Puzzle of “Russia’s Influence” in Kazakhstan. Eurasian Geography and Economics, 2019. 60(2), pp.211-243.
- Li Lifan, Ding Shiwu.* Geopolitical interests of Russia, the U. S. and China in Central Asia. Central Asia and the Caucasus, no. 3(27), 2004. P.1-8
- Roberts S.R.,* 2015 The Ukraine Conflict and the Future of Kazakhstan’s Multi-Vector Foreign Policy. PONARS Eurasia Policy Memo, 388, pp.1-6.
- Sakvva R., Webber M.* The Commonwealth of Independent States, 1991-1998//Stagnation and Survival, Europe-Asia Studies, Vol. 51 (3), 1999, p. 379.
- Voitovich S.* An Emerging Institutional Model/ The International Legal Status of the Commonwealth of Independent States // Gosudarstvo i Pravo. 1993. Vol. 2. p. 148.
- Ахмедов Х.Т.* Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. №1. С. 854-865.
- Васильева Н.А.* ЕАЭС: Российские геополитические интересы // Журнал Управленческое консультирование. Номер 11 (83), 2015. С. 99
- Гусев Л.Ю.* Основные направления сотрудничества между Россией и Казахстаном в рамках евразийской интеграции// Международная аналитика. 2015. № 1. 93-104.
- Жильцов С.С.* Постсоветское пространство: итоги развития и интересы России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 186–211.
- Зайцева Е.А.* Национальные интересы Кыргызстана в рамках Евразийского экономического Союза // Постсоветские исследования. 2018. №8. С. 770-775.
- Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С.* Национальные приоритеты Республики Узбекистан в условиях интеграции в мирохозяйственные связи // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. №9 (366). С. 1731-1744.
- Кашкин С.Ю., Четвериков А.О.* Основы интеграционного права: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2014. 224 с. С.91-103.
- Кузьмина Е.М.* Евразийский экономический союз: испытание кризисом // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 1. С. 26-33.
- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №1. С. 134-156.
- Курьлев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х.* Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, №. 1. 2016. С. 75-86.
- Малышев Д.В.* Содружество Независимых Государств: основные аспекты развития. М., 2010.

- Шанявский А.И.* Интеграционная политика Республики Армения: причины и перспективы выбора евразийского вектора развития / А. И. Шанявский. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. № 6 (86). С. 757-762.
- Шпакович О.Н.* Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. № 2. С. 25-36.
- Юматов К.В., Сивина К.Н.* Азербайджано-турецкое взаимодействие в контексте международных отношений на Южном Кавказе (1992-2020) // Вестник КемГУ. 2020. №4 (84). С. 963-971.

REFERENCES

- Ahmedov H.T.* Respublika Uzbekistan v integracionnyh processah na postsovetском prostranstve // Postsovetskie issledovaniya. 2019. №1. S. 854-865.
- Vasil'eva N.A.* EAES: Rossijskie geopoliticheskie interesy // ZHurnal Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Nomer 11 (83), 2015. S. 99
- Gusev L.Yu.* Osnovnye napravleniya sotrudnichestva mezhdru Rossiej i Kazahstanom v ramkah evrazijskoj integracii// Mezhdunarodnaya analitika. 2015. № 1. 93-104.
- Zhil'cov S.S.* Postsovetskoe prostranstvo: itogi razvitiya i interesy Rossii // Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2021. № 1 (27). S. 186–211.
- Zajceva E.A.* Nacional'nye interesy Kyrgyzstana v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo Soyuzа // Postsovetskie issledovaniya. 2018. №8. S. 770-775.
- Ziyadullaev N.S., Ziyadullaev U.S.* Nacional'nye priority Respubliki Uzbekistan v usloviyah integracii v mirohozyajstvennye svyazi // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2018. №9 (366). S. 1731-1744.
- Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O.* Osnovy integracionnogo prava: uchebnoe posobie. — Moskva: Prospekt, 2014. 224 s. S.91-103.
- Kuz'mina E.M.* Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: ispytanie krizisom // Problemy postsovetского prostranstva. 2015. № 1. S. 26-33.
- Kurylev K.P., Degtarev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetского prostranstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2018. №1. S. 134-156.
- Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaya E., Rahimov K.H.* Evrazijskij ekonomicheskij soyuz vo vneshnepoliticheskoy strategii Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, №. 1. 2016. S. 75-86.
- Malyshev D.V.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: osnovnye aspekty razvitiya. M.: URSS, 2010.
- Shanyavskij A.I.* Integracionnaya politika Respubliki Armeniya: prichiny i perspektivy vybora evrazijskogo vektora razvitiya / A. I. SHanyavskij. - Текст : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2015. № 6 (86). S. 757-762.
- Shpakovich O.N.* Nadnacional'nost' v prave mezhdunarodnyh organizacij // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2012. № 2. S. 25-36.
- Yumatov K.V., Sivina K.N.* Azerbajdzhano-tureckoe vzaimodejstvie v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij na YUzhnom Kavkaze (1992-2020) // Vestnik KemGU. 2020. №4 (84). С. 963-971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ахмеджанова Дилноза Фирузовна, Dilnoza F. Akhmedzhanova, Master of
Магистр в области международных International Relations, RUDN University
отношений, РУДН (1032166697@rudn.ru) (1032166697@rudn.ru)

Сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в научно-образовательной и культурной сферах в рамках евразийской интеграции

А. Бактыбаева

*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
baktybayeva.aizhan@mail.ru*

Аннотация. В статье речь идет о взаимодействии России и Казахстана в гуманитарной сфере, включая культуру, науку и образование в условиях развития евразийского интеграционного проекта. Автор выделяет этапы подобного сотрудничества, осуществляет анализ имеющейся политико-правовой базы сотрудничества, выявляет его характер и особенности. Отмечается, что России и Казахстана, нужно было как можно скорее встраиваться в глобальное научно-образовательное пространство для обеспечения будущего развития сотрудничества. В связи с чем необходимо было создавать и реализовывать новую стратегию и политику развития высшего образования и науки. Особое внимание уделяется партнерству стран в рамках консорциумов Сетевого Университета СНГ и Сетевого Университета ШОС. Выделяется особая роль РУДН в реализации программ сетевого сотрудничества в Евразии. Авторы приходят к выводу, что образовательные молодежные обмены играют важную роль, выступая инструментом «мягкой силы», с помощью которого можно транслировать культурные ценности и идеологические принципы народа.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, образование, наука, культура, молодежь, сотрудничество, евразийская интеграция, мягкая сила, сетевые университеты.

Для цитирования: Бактыбаева А. Сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в научно-образовательной и культурной сферах в рамках евразийской интеграции. Постсоветские исследования. 2022;1(5):109-123.

Cooperation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the scientific, educational and cultural spheres within the framework of Eurasian integration

Aizhan Baktybayeva

*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan
baktybayeva.aizhan@mail.ru*

Abstract. The article deals with the interaction of Russia and Kazakhstan in the humanitarian sphere, including culture, science and education in the context of the development of the Eurasian integration project. The author identifies the stages of such cooperation, analyzes the existing political and legal framework of cooperation, identifies its nature and features. It is noted that Russia and Kazakhstan needed to integrate into the global scientific and educational space as soon as possible to ensure the future development of cooperation. Therefore, it was necessary to create and implement a new strategy and policy for the development of higher education and science. Special attention is paid to the partnership of the countries within the consortia of the CIS Network University and the SCO Network University. The special role of the RUDN in the implementation of network cooperation programs in Eurasia is highlighted. The authors come to the conclusion that educational youth exchanges play an important role, acting as a tool of "soft power", with which it is possible to broadcast cultural values and ideological principles of the people.

Keywords: Russia, Kazakhstan, education, science, culture, youth, cooperation, Eurasian integration, soft power, network universities.

For citation: Aizhan Baktybayeva. Cooperation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the scientific, educational and cultural spheres within the framework of Eurasian integration. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;1(5):109-123. (In Russ.)

Образование и наука в отношениях РК и РФ как участников евразийской интеграции

Двустороннее сотрудничество в сфере образования и науки между Республикой Казахстан и Российской Федерации началось еще в 1994 г. На сегодняшний день стороны имеют более 140 договоров как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Возрастающая значимость такого сотрудничества Казахстана и России определяется следующими обстоятельствами: во-первых, Казахстан и Россия являются основоположниками интеграционного процесса на постсоветском пространстве практически во всех сферах сотрудничества, в том числе в области науки и образования. Во-вторых, как показывает опыт западных стран, проблемы в научно-педагогической сфере, к которым следует отнести уровень образования, уменьшение или полное устранение дисбаланса в подготовке специалистов высшей квалификации, повышение эффективности национального рынка образовательных услуг, решаются намного результативнее коллективными усилиями [Филиппов 2017: 32-39].

Страны бывшего СССР с обретением независимости начали выработать собственную научно-образовательную стратегию с применением международного опыта. Что касается России и Казахстана, необходимо было как можно скорее встраиваться в глобальное научно-образовательное пространство, так как это способствовало будущему развитию сотрудничества. Именно поэтому, в первую очередь, нужно было создавать и реализовывать новую стратегию и политику развития высшего образования и науки. Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., Республика Казахстан в 2010 г. Таким образом, эти

страны заложили фундамент новых национальных систем высшего образования, которые соответствовали современным международным стандартам. Присоединение высших учебных заведений Казахстана и Российской Федерации к Болонскому процессу дало новый импульс для многостороннего сотрудничества в культурно - гуманитарной сфере. Прежде всего, данное событие дало возможность для усиления потенциала академической мобильности студентов и преподавателей [Атоян 2018: 65-71].

На современном этапе именно Россия считается инициатором и главным участником различных проектов в рамках евразийской интеграции. В основном все российские вузы, и, в частности, Российский университет дружбы народов, делают акцент на создании единого евразийского научно-образовательного пространства [Смолик, Коваленко 2014: 207-212]. Концепция формирования единого образовательного пространства является концептуальной базой многостороннего сотрудничества в этой области. Данная Концепция была подписана летом 1997 г. и сегодня уже ратифицирована девятью странами-участницами СНГ¹. К числу успешных проектов можно отнести Университет ШОС и Сетевой Университет СНГ, последний инициирован Российским университетом дружбы народов. Также Республика Казахстан вносит свой большой вклад в развитие и продвижение этих программ на постсоветском пространстве путем поддержания многостороннего сотрудничества. Таким образом, можно сказать, что вышеуказанные механизмы многостороннего сотрудничества служат фундаментом евразийской интеграции в области науки и образования.

Соглашение между государствами-участниками СНГ «О сотрудничестве и

¹ Концепция формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств. Утв. Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств

от 17 января 1997 года [Электронный ресурс]. -Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_524/doc524a264x886.htm

формировании единого образовательного пространства», заключённое летом 1997 г.², служит стартом для культурно-гуманитарной интеграции в области науки и образования. Кроме этого, после подписания данного Соглашения на повестке дня перед странами-участницами СНГ встал вопрос о необходимости формирования благоприятных условий для развития совместных программ. Наиболее важным считался тот факт, что в данном Соглашении особое внимание уделялось разработке и освоению совместных механизмов координации между высшими учебными заведениями, для создания которых требовались определенные институты, которые контролировали бы деятельность этих механизмов. Одним из таких институтов является Совет по сотрудничеству в области образования и науки государств-участников СНГ, учрежденный сразу же после подписания вышеуказанного Соглашения и уже 24 года ведущий активную деятельность в данной сфере. Сегодня можно с уверенностью сказать, что первые шаги, сделанные государствами - участниками СНГ для создания единого научно-образовательного пространства, дают положительный результат и служат основой евразийской интеграции в социально-гуманитарной сфере.

Одним из наиболее значимых событий, дающих на сегодняшний день положительный результат, является основание Сетевого Университета СНГ, инициатором которого является Российский университет дружбы народов³. Программа Сетевого Университета СНГ была разработана при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС). На сегодняшний день именно Казахстан и Россия являются главными партнерами и фундаментом, на котором проект СУ СНГ ведет свою активную деятельность. Кроме этого, проект создания Сетевого Университета был одобрен девятью странами-участницами СНГ. В ответ на вопрос, почему именно РК

и РФ являются главными участниками программы, можно привести большое количество вузов-партнеров, выступающих от лица вышеуказанных государств. Со стороны Республики Казахстан в дудипломной программе участвуют следующие вузы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби (КазНУ), Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ), Казахский национальный технический университет им. К.И. Сатпаева, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова (ЮКГУ) и др. Со стороны Российской Федерации - следующие вузы-партнеры: РУДН, МГИМО (У) МИД РФ, СПбГУ, УРФУ им. Б.Н. Ельцина, МФЮА, МГТУ им. Н. Баумана и Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина [Боголюбова, Николаева 2018: 65-74].

Примером сотрудничества в области науки и образования в рамках евразийской интеграции является Межгосударственный Фонд Гуманитарного Сотрудничества (МФГС), основной целью которого является создание благоприятной атмосферы для развития культурно-гуманитарной сферы в странах постсоветского пространства. Данная организация является межправительственной некоммерческой организацией и финансирует проекты культурно-гуманитарного характера при сотрудничестве с ЮНЕСКО и другими международными организациями. Дополнительно Фонд занимается вопросами спорта, туризма, образования и других важных секторов гуманитарного сотрудничества. Благодаря деятельности МФГС было реализовано около 500 крупных проектов в культурно-гуманитарной сфере при содействии более 300 000 человек. Ярким примером этому может послужить межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества», международные телефестивали «ТЭФИ-Содружество», которые создали успешные

² Там же.

³ Соглашение о Консорциуме по созданию Сетевого университета Содружества Независимых Государств

от 9 июня 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/show?id=19157>

туры оркестров, различные конференции, также летние школы по изучению культуры⁴.

Политика Фонда представляет собой аналог международных фондов по учреждению целевых стипендий и льгот. Именно поэтому деятельность МФГС СНГ направлена на укрепление многостороннего сотрудничества и дальнейшего развития научно-образовательной интеграции на евразийском пространстве [Сидорович 2018: 83-90]. Благоприятствует этому главная цель основания программы СУ СНГ: качественная совместная подготовка высококвалифицированных специалистов, так как именно они при реализации прагматичной внешней политики будут расставлять главные приоритеты в экономическом и социально-гуманитарном развитии стран-участниц в рамках евразийской интеграции [Ефремова 2018: 74-81]. В качестве примера можно привести тот факт, что за небольшой промежуток времени, начиная с 2008 г., Сетевой Университет СНГ выпустил свыше 1000 специалистов-магистров в разных областях науки. Надо сказать, что на сегодняшний день многие эксперты дают положительную оценку деятельности Сетевого Университета, как одного из самых результативных и перспективных проектов в рамках евразийской интеграции [Панова 2016: 157-161].

Механизмом действия Сетевого Университета служит Консорциум вузов стран-участниц СУ СНГ. Данное объединение ведет активную работу в соответствии с Уставом Сетевого Университета СНГ, двусторонним соглашениям на государственном и межведомственных уровнях, также актам локального характера и многосторонним договорам. В Уставе Сетевого Университета СНГ прописано, что вышеуказанный орган не считается международным актором, кроме того, в соответствии с Соглашением о Консорциуме по созданию Сетевого Университета СНГ, он открыт для

вступления других вузов из стран, подписавших и ратифицировавших Соглашение [Панова 2016: 157-161].

Согласно Уставу Консорциума вузов-партнеров СУ, основной целью создания данного органа является формирование системы межвузовского сотрудничества, направленной на решение следующих задач:

- достижение прогресса в создании единого образовательного пространства государств - участников СНГ путем реализации совместных образовательных программ, организации «включенного обучения», новых форм межвузовского сотрудничества;

- создание механизмов для развития академической мобильности студентов и преподавателей в рамках СНГ;

- содействие межкультурному диалогу в студенческой среде, сохранению, развитию и взаимообогащению культур, языков, исторических и национальных традиций народов СНГ.

Ссылаясь на данные с официального сайта СНГ, в настоящее время 35 вузов-партнеров из 9 стран являются полноправными членами Консорциума, это Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Украина. По статистическим данным с официального сайта СНГ на 2018 год с момента создания СУ СНГ по совместным образовательным двудипломным программам в России прошло обучение 950 иностранных граждан, из них 326 граждан Казахстана [Панова 2016: 157-161].

Что касается научного сотрудничества в рамках евразийской интеграции, то особо стоит отметить учебное пособие «Внешняя политика стран СНГ» [Внешняя политика стран СНГ 2017], посвященное 25-летию образования Содружества Независимых Государств и не имеющее аналогов в мире. Уникальность данного учебного пособия состоит в том, что его авторами являются более 65 лучших экспертов-аналитиков из

⁴ Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств. Информационный отчет о деятельности в 2012–2014 гг. - Режим доступа:

http://www.mfgs-sng.org/local/images/mfgs/otchet_mfgs_2012-2014_pdf_1452600083.pdf.

девяти стран-участниц Консорциума. Данная научная работа стала одним из ярких примеров формирования общего евразийского научно-образовательного пространства.

Первоначально стороны договорились о финансировании проекта Сетевого Университета квотами, выделяемыми Российской Федерацией и специальными стипендиями МФГС СНГ. Однако спустя время, в целях дальнейшей поддержки проекта, министерства образования и науки каждой страны, или эквивалентные им органы, начали разрабатывать дополнительную стратегию для выделения грантов и стипендий на государственном уровне. Получается, что на сегодняшний день финансирование идет с трех сторон: квоты РФ, гранты направляющей страны (в данном случае Республики Казахстан) и стипендии МФГС. Отметим, что программа Сетевого Университета является единственным в своем роде механизмом академической мобильности, при котором студент получает два диплома по окончании учебы. Поэтому у студентов РК и РФ с 2008 г. появилась возможность обучаться сразу в нескольких престижных университетах на постсоветском пространстве, данное преимущество касается не только студентов, но и обмена опытом между профессорско-преподавательским составом университетов, членов Консорциума вузов СУ СНГ⁵.

Одним из ярких примеров сотрудничества можно назвать программу Университета ШОС. 16 августа 2007 г., в ходе Бишкекского Саммита ШОС, делегация Российской Федерации предложила создать проект университета сетевого формата, что получило поддержку со стороны Казахстана и ряда других государств. Составление соглашения, реализация данного проекта и проведение встреч на межправительственном, межвузовском и межведомственном уровнях в очередной раз

стало примером успешного взаимодействия стран в рамках евразийской интеграции [Рахимов, Курылев 2018].

На сегодняшний день Университет ШОС является одним из наиболее успешных механизмов сотрудничества стран постсоветского пространства и Китая в области науки и образования.

Программа Университета ШОС является аналогом политики Единого Европейского Образовательного Пространства в АТР и Центральной Азии в рамках «Болонской системы трансформации». Создание данного проекта многостороннего сотрудничества позволяет решать одновременно несколько задач, в числе которых укрепление и дальнейшее развитие гуманитарной интеграции, расширение академической мобильности, обмен информацией и опытом между странами региона [Алимов 2017]. После подписания Соглашения и ряда других технических моментов в 2010 г. началась пилотная апробация программ УШОС, главной миссией которой является совместная коллективная подготовка специалистов в разных сферах деятельности. Основной акцент делается на экономическом и социально-политическом направлении. В целом можно сказать, что проект УШОС имеет много схожего с проектом Сетевого Университета СНГ. Официальными языками в проекте УШОС являются русский и китайский.

Нормативно-правовую основу данного проекта составляют следующие документы: Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области образования 2006 г.⁶, Декларации министров образования государств-членов ШОС 2008 г.⁷, Концепции Университета ШОС, разработанные национальными ведомствами по развитию науки и образования и экспертами группы ШОС в 2010 г. Что касается основных целей

⁵ Соглашение о Консорциуме по созданию Сетевого университета Содружества Независимых Государств // Информатизация образования и дистанционное обучение в СНГ. URL: cis.rudn.ru/doc/1685 (дата обращения: 15.03.2021).

⁶ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в

области образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17793>

⁷ Декларации министров образования государств-членов ШОС 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/structure/20190716/565346.html>

создания проекта УШОС, то можно выделить следующие пункты:

1. расширение возможностей студентов путем развития академической мобильности;

2. продвижение процесса гуманитарной интеграции в регионе Евразии, в частности, в научно-образовательной области;

3. укрепление взаимоотношений и дальнейшее развитие сотрудничества между странами-участницами ШОС;

4. придание нового импульса расширению культурно-гуманитарного сотрудничества;

5. поддержание активного сотрудничества между странами-участницами ШОС в таких областях, как политика, экономика и др.⁸

Следует отметить, что, в отличие от проекта СУ СНГ, УШОС имеет многоуровневую структуру деятельности. Так, при Университете ШОС работают несколько органов:

1. Координационный совет, деятельность которого направлена на укрепление сотрудничества между странами - участницами программы УШОС, также на уровне ректоров вузов-партнеров. Координационный совет является главным органом, в нем участвуют делегации из каждого государства, подписавшего Соглашение.

2. Национальный Совет ректоров головных вузов. Данный орган создается индивидуально каждым государством.

3. Международный Совет ректоров, сформированный в 2012 г. и ставящий перед собой задачи по координации, ведению текущей документации и обмену информацией между вузами-партнерами, а также другими органами УШОС, такими как Попечительский совет и Совет ректоров.

4. Попечительский совет. Создан в 2012 г. В его основные задачи входит: продвижение программы на международной арене; обеспечение и дальнейшее развитие положительного имиджа проекта УШОС;

обмен информацией между западными системами двудипломного образования; привлечение иностранных инвестиций путем сотрудничества с представителями бизнеса, политики; содействие трудоустройству выпускников и т.д. В данный орган входят представители бизнеса, общественные деятели, политики, представители сферы образования и науки.

5. Ректорат Университета ШОС, который, в свою очередь, контролирует текущую учебную и административную деятельность УШОС⁹.

По официальным данным за 2021 год с сайта ШОС, в проекте задействованы 82 вуза-партнера, в том числе вузы таких стран, как Китай, Россия, Киргизия, Казахстан и Таджикистан. Такие проекты, как СУ СНГ и УШОС, содействуют не только гуманитарному сотрудничеству, но также помогают активному развитию межкультурных связей, обмену информацией, многостороннему обогащению исторических традиции, языка и культур в рамках евразийской интеграции.

Открытие представительств ведущих университетов РФ на территории Казахстана дало новый импульс двухстороннему сотрудничеству в области образования и науки Казахстана и Российской Федерации.

Особенно хотелось бы отметить открытие в столице Казахстана на базе Евразийского Национального Университета им. Гумилева филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, в создании которого ректор МГУ В.А. Садовничий проявил личную инициативу. Основной акцент в данном учебном заведении делается на развитии таких направлений, как экономика, информационные технологии и математика. Открытие филиала данного вуза является не единственным показателем динамично развивающегося сотрудничества двух стран в образовательной сфере [Савичев 2015: 25-29]. По официальным данным Министерства образования и науки Республики Казахстан, в настоящее время там действуют официальные представительства таких

⁸ Сайт Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectsc.org/>

⁹ Сайт Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectsc.org/>

вузов, как Московская академия труда и социальных отношений, Санкт-Петербургский университет профсоюзов, Московский институт авиации, Московский институт экономики, статистики и информатики и т.д. Кроме того, филиалы российских вузов функционируют в 15 крупных городах РК, в таких как Нур-Султан, Алматы, Байконур, Усть-Каменогорск и др.

Наряду с РУДН, основным вузом-партнером Казахстана является Уральский государственный экономический университет. В частности, данный вуз ведет совместную с Казахским Национальным Университетом им. аль – Фараби и Южно-Казахстанским Государственным Университетом им. М. Ауезова подготовку специалистов. В отличие от западной системы высшего образования, финансирование программ студенческой академической мобильности берет на себя Министерство образования и науки РК. Так, согласно официальной статистике Министерства образования и науки Республики Казахстан, ежегодно 15 тысяч студентов и молодых ученых проходят обучение в РФ [Савичев 2015: 25-29].

В условиях глобализации преимущественным направлением ведения внешней политики является культурно-гуманитарные отношения. В связи с этим, автор считает, что продвижение интеграции путем реализации научно-образовательных проектов является наиболее успешной стратегией.

Нур-Султан и Москва дают другим странам региона хороший пример успешной интеграции в области науки и образования путем двустороннего и многостороннего взаимодействия. Являясь локомотивом евразийской интеграции, эти страны активно развивают множество различных форм кооперации вузов, помогая им взаимодействовать на межвузовском уровне. Кроме этого, многостороннее сотрудничество способствует реализации научно-исследовательских проектов, что дает возможность привлечения инвестиций как из государственного бюджета, так и путем привлечения крупных транснациональных корпораций для

дальнейшего развития сотрудничества, успешно прошедшего проверку временем. За годы реформирования системы образования каждая страна постсоветского пространства приобрела собственный имидж, и нужно было приложить большие совместные усилия для того, чтобы вывести данную сферу на новый уровень с помощью формирования единого евразийского пространства.

Как показывает опыт мирового сообщества, выстраивание образовательной политики должно основываться на глубоком понимании культурно-ментальной специфики народов. При этом нужно принимать во внимание сильные и слабые стороны индивидуальных образовательных систем. И, конечно же, в первую очередь, все инициативы должны учитывать национальные интересы и исторические особенности государств.

Культура как фактор гуманитарной интеграции на евразийском пространстве на примере отношений Казахстана и России

В современной системе международных отношений для ведения активной внешней политики странам недостаточно держать курс на успешную экономику или политику, важную роль также играет культурно-гуманитарное сотрудничество. Те государства, которые осознали его важность в формировании позитивного образа страны, уделяют этому вопросу особое внимание.

Поэтому сегодня в мире, если страна не имеет возможность распространять позитивное представление о своей культуре, то есть большая вероятность, что она столкнется с проблемой подтверждения своей культурной идентичности, поскольку именно культура является наиболее важным и значимым распространителем имиджа государства, даже больше, чем другие составляющие внешней политики. Соответственно, важным предметом научных исследований в этой области становятся межкультурные коммуникации [Россия в пространстве глобального восприятия 2012: 275-290].

По мнению казахстанского политолога Э. Полетаева, можно обозначить такие наиболее важные элементы общей

самоидентификации казахстанцев и россиян, как природные ресурсы, язык, территория, религиозные традиции и обычаи, культурное наследие, гостеприимство, культурное многообразие, вехи истории (в том числе участие в Великой Отечественной Войне). Содержательное наполнение этих элементов, по сути, и формирует образ двух стран», - считает политолог Эдуард Полетаев¹⁰.

Аналогичного мнения придерживается президент ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» Г. Илеуова относительно того, что государству нужно больше инвестировать в развитие межкультурного взаимодействия на различных уровнях, при этом совершенно недостаточно проведение нескольких дней культуры. Казахстан и Российская Федерация являются активными участниками современных международных отношений, и им принадлежит ключевая роль в создании и развитии евразийской интеграции.

Основную нормативно-правовую базу сотрудничества Казахстана и России в области культуры представляют: Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ 2005 г.¹¹, Договор о создании МФГС СНГ 2006 г.¹², Договор о создании ЕАЭС 2014 г.¹³, Декларация о дальнейшие развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС 2018 г.¹⁴ и ряд других документов.

Также основой прочных культурно-гуманитарных связей РК и РФ являются следующие документы: Соглашение между Министерствами культуры Российской Федерации и Казахстана 1994 г.¹⁵, План совместных действий Республики Казахстан и Российской Федерации на 2019-2021 гг.,

подписанный еще в 2018 г.¹⁶, также Программа сотрудничества Министерств культуры России и Казахстана на 2020-2022 гг.¹⁷, кроме этого упомянутыми ведомствами регулярно составляются совместные планы культурных мероприятия на год вперед¹⁸.

Одним из ключевых событий в области культурного сотрудничества является ежегодный Форум научной и творческой интеллигенции, который проводится с участием Межгосударственного Фонда Гуманитарного Сотрудничества на основании Соглашения о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ, подписанного в 2005 г. На форуме обсуждается множество тем касательно развития культурно-гуманитарных связей в рамках евразийской интеграции. Преимущество такого рода событий состоит в том, что они способствуют эффективному многостороннему сотрудничеству в разных направлениях [Курылев, Савичева 2012: 61-72]. На сегодняшний день деятельность упомянутого Форума служит триггером для комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотнесены с экономическими задачами.

История Форума берет начало с 2005 г., когда главы государств стран-участников СНГ подписали Декларацию о гуманитарном сотрудничестве. Д. Полыева, которая являлась специальным представителем Президента Российской Федерации В.В. Путина по гуманитарному сотрудничеству со странами постсоветского пространства, подчеркнула, насколько важна поддержка культурно-гуманитарного сотрудничества. Она отметила в своем выступлении в

¹⁰ Какие образы Казахстан и Россия транслируют через культуру? [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://kzaif.kz/culture/kakie_obrazy_kazahstan_i_rossiya_transliruyut_cherez_kulturu

¹¹ Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств - участников СНГ от 26.08.2005 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.mfsgs-sng.org/sgs/gum_sotr/

¹² Там же.

¹³ Договор о создании ЕАЭС 2014 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31565247

¹⁴ Декларация о дальнейшие развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского Экономического Союза 2018 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38371648

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Россия-Казахстан [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан. - Режим доступа: http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/r_ossiya-kazakhstan.

Москве, что культурное пространство имеет огромное значение, деятели культуры смогли сохранить глубокую духовную связь между народами даже в тяжелый период кризиса, наступивший в результате распада Советского союза.

В Астане в 2007 г. проводился форум под девизом «Культура, наука, образование-будущим поколениям стран СНГ». Обычно на этих форумах создаются отдельные секции по таким тематикам, как «Образование и наука», «Культурное наследие», «Театр, кино, музыка, цирковое искусство», «Роль СМИ в укреплении межкультурного диалога» и т.д. [Курьлев, Савичева 2012: 61-72].

В докладах и выступлениях участников мероприятия отмечалась важность интенсификации культурных связей в рамках евразийской интеграции. Значение такой политики выходит за рамки евразийской интеграции и тем самым способствует процессу сотрудничества в сфере культуры стран постсоветского пространства, и, конечно же, формированию положительного образа их как на пространстве Содружества, так и на международной арене.¹⁹

Благодаря межправительственной кооперации в 2012 г. был создан специальный проект «Культурные столицы Содружества», целью которого было решение следующих задач: интегрирование культурных потенциалов государств-участников СНГ; активизация межкультурного диалога как фундамента доверия и добрососедства; развитие и продвижение положительного имиджа отдельных государств и городов постсоветского пространства. Первой культурной столицей СНГ в 2012 г. стала столица Казахстана - Астана. Выступая на форуме «Евразийская культура в новом мире» глава МФГС П. Бюль-Бюль Оглы отметил, что Астана, став культурной столицей одновременно СНГ и тюркского мира, является примером значительной роли

Республики Казахстан в евразийской интеграции [Чуфрин 2013].

Что касается углубленного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации, осуществляется активное сотрудничество между ведомствами культуры обеих стран, также разрабатывается план мероприятий на два года вперед. Плодотворному развитию культурных связей между двумя странами максимально способствует филиал Россотрудничества в Казахстане - Российский центр науки и культуры, при поддержке которого продвигается множество важнейших проектов и программ межкультурного диалога, таких как «Здравствуй, Россия!», «Новое поколение», «Великая Отечественная Война: взгляд из XXI века», а также другие мероприятия, приуроченные к памятным датам истории двух стран и юбилеям общественных деятелей культуры и искусства. Также значимую часть сотрудничества занимают музеи, архивы, библиотеки и неправительственные организации, деятельность которых направлена на взаимообогащение народов Казахстана и России. Новым толчком в этом направлении стал меморандум между ведущими театрами Республики Казахстан «Астана Балет» и «Астана Опера» и Государственным академическим Большим театром Российской Федерации, кроме этого, в 2019 г. был подписан меморандум о глубоком сотрудничестве между «Астана Опера» и Санкт-Петербургским домом музыки, в результате которого творческие коллективы двух стран регулярно гастролируют друг у друга.²⁰

Одно из главных культурных мероприятий Казахстана и России – ежегодные дни культуры, которые проводятся с участием творческих коллективов, знаменитостей в сфере музыки, театра и кино. На торжественных церемониях открытия и закрытия дней культуры присутствуют официальные лица и

¹⁹ Владимир Путин поприветствовал участников X Форума творческой и научной интеллигенции стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/125309>

²⁰ Россия-Казахстан [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан. – Режим доступа: http://www.rfembassy.kz/lm/dvustoronnie_otnosheniya/r_ossiya-kazakhstan.

делегации Республики Казахстан и Российской Федерации. Также 2006 год был объявлен годом Абая и Пушкина в России и Казахстане соответственно. В день независимости Казахстана, 16 декабря 2006 г., были открыты памятники Абаю и Пушкину в центре Петропавловска в Северном Казахстане, как символы вечной дружбы двух народов [Чуфрин 2010].

С закрытием границ в связи с пандемией COVID-19 в 2020 г. динамика казахстанско-российских отношений в области культуры несколько ослабла. До марта 2020 г. с огромным успехом прошли гастроли Российского Государственного академического театра им. Е. Вахтангова в городе Нур-Султан. Также Российский центр науки и культуры провел множества выставок, посвященных Холокосту и окончанию блокады Ленинграда в регионах Казахстана. После запрета на проведение массовых мероприятия представительства двух стран проводили ряд культурных мероприятий на онлайн платформах. Всего в 2020 г. было проведено более 50 мероприятий, из которых наиболее масштабными были – трёхмесячный марафон для глубокого изучения русской культуры среди молодежи «Познай Россию», онлайн концерт в честь 180-летия П.И. Чайковского. Кроме того, прошла конференция в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и был создан одноименный вебсайт, на котором проводилась выставка из фондов волгоградского музея-заповедника «Сталинградская битва», «Казахстанцы в Сталинградской битве».

Молодежная политика Республики Казахстан и Российской Федерации в рамках евразийской интеграции

С развитием интеграционных процессов возникла проблема формирования молодежной политики как в рамках ЕАЭС и СНГ, так и на национальном уровне отдельных государств, и вовлечения в эти процессы молодежи, поскольку именно она является главным субъектом образовательных, экономических и культурных процессов, также одним из эффективных ресурсов для укрепления и расширения интеграции на постсоветском

пространстве [Коряковцева, Климов 2013: 170-176]. На сегодняшний день существуют отдельные программы по развитию молодежной политики Республики Казахстан и Российской Федерации на национальном уровне, которые финансируются за счет государственного бюджета. Помимо этого, работают молодежные объединения в рамках ЕАЭС, особенно в сфере образования, которые становятся механизмом вовлечения большего количества молодежи в развитие интеграции [Паламарчук 2017: 136-146].

Таким образом, во внутренних и внешних делах государства молодежная политика играет важную роль, соответственно молодежные организации являются особым инструментом «мягкой силы». Именно через этот канал можно транслировать культурные ценности и идеологические принципы народа. В условиях глобализации роль информационной составляющей во внешней политике довольно высока, что, соответственно, влияет на формирование политического и социального мировоззрения молодого поколения. В ЕАЭС отводится особая роль развитию молодежной политики для укрепления гуманитарного сотрудничества между странами. С точки зрения социологии важно определить, какова идентичность молодого человека в интеграции. Желание быть участником организации и есть демонстрация его социальной активности. Молодежные организации являются ключевым механизмом для привлечения молодых людей в интеграционные процессы на постсоветском пространстве [Паламарчук 2017: 136-146].

По данным Евразийской экономической комиссии, в 2020 г. на территории стран ЕАЭС работали 10 молодежных организаций, в названиях которых фигурирует слово «евразийский», такие как «Евразийская молодежная ассамблея» в Санкт-Петербурге, «Евразийское движение РФ» в Москве и т.д.

Проводя детальный анализ процессов по формированию государственной молодежной политики Российской Федерации, можно выделить три этапа

концептуального развития. Первый этап представлен основными разработками нормативно-правовой базы, определяющей и регулирующей молодежную политику. После распада СССР в условиях политического и социального кризиса и перехода к новым демократическим принципам на государственном уровне на повестке дня перед правительством остро стоял вопрос молодежной политики, в частности системной выработки новых подходов к воспитанию молодого поколения. Наиболее результативным подходом и инструментом формирования мировоззрения молодого поколения является федеральная молодежная политика [Скоробогатова 2016]. На этом этапе были разработаны и приняты следующие основные нормативно-правовые акты по развитию молодежной политики РФ: Указ президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», принятый в 1992 г.,²¹ Постановление Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», принятый в 1993 г.,²² Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских объединений в Российской Федерации», принятый в 1995 г.²³

На втором этапе становления государственной молодежной политики в РФ осуществлялся переход от федерального к региональному уровню, что на практике оказалось довольно сложно. Объясняется это тем, что все регионы имеют разные особенности как в экономическом, так и политическом плане. Именно поэтому было важно учитывать региональную специфику развития при построении единой молодежной политики. Следует подчеркнуть, что, начиная с середины 1990-х гг., Россия делает акцент на политических и социальных аспектах, вследствие этого

реализация деятельности в данных сферах приобретает некий баланс. Так, к середине 1990-х гг. регионы получили всю совокупность политических, электоральных, административных, экономических ресурсов в свое управление. Однако конец 1990-х гг. характеризовался стагнацией, экономическим кризисом и неспособностью центральной власти справляться с вызовами: в частности, состояние здоровья президента РФ Б.Н. Ельцина ухудшилось, на этом фоне началась военная кампания в Чечне. В данной ситуации вопрос о развитии молодежной политики отошел на задний план. Объяснить это можно тем, что в 1999 г. было наложено президентское вето на принятие Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Меркулов 2018: 106-111].

Третий и завершающий этап институционализации молодежной политики характеризуется разработкой федеральным центром тактики и программы реализации молодежной политики. В связи с этим была подписана и принята «Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации до 2016 года», утверждённая распоряжением Правительства в 2006 г.²⁴ Фактически, это был первый документ, содержащий конкретные задачи и приоритетные направления молодежной политики. Так как данный этап начался с 2000-х гг. и продолжается по сей день, здесь можно выделить следующие особенности развития молодежной политики:

1. В рамках государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровне началось становление молодежного парламентаризма, что способствовало продвижению молодежи в высшие государственные структуры;

²¹ Указ президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» 1992 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/2300503/>

²² Постановление Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9004367>

²³ Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских объединений в Российской Федерации» 1995 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9012158>

²⁴ Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации до 2016 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902020299>

2. Уделяется особое внимание большему вовлечению молодёжи в социальные проекты;

3. В целях определения современных проблем молодого поколения проводятся такие социологические исследования, как «ожидания от будущего», «отношения с родителями», «установка и ценности» и т.д.

4. Создан ряд молодежных политических объединений, таких как «Евразийский Союз молодежи», «Молодая гвардия», «Оборона».

5. Задействованы новые механизмы для активного включения молодежи в политику. Такими механизмами стали проектная деятельность и молодежный парламентаризм. Данные механизмы помогают развитию и формированию гражданских качеств и инициативности у молодого поколения²⁵.

Как и Российская Федерация, Республика Казахстан после распада СССР начала свой самостоятельный путь, и молодежная политика играла немаловажную роль в этом процессе.

Становление государственной молодежной политики Казахстана можно разделить на четыре этапа. Первый этап – концептуальное становление казахстанской молодежной политики, начавшееся с принятия Закона «О государственной молодежной политике в Казахской ССР»,²⁶ принятого летом 1991 г. еще до распада СССР. Далее, в 1993 г., уже в независимом Казахстане коллегия Государственного комитета Республики Казахстан по делам молодежи Постановлением «Об основных направлениях и подходах комитетов по делам молодежи к реализации государственной молодежной политики в Республике Казахстан» создала группу по формированию и внесению изменений в данный закон. Таким образом, первый этап

характеризуется установлением нормативно-правовой базы, регулирующей государственную молодежную политику. Отличительными особенностями данного непростого этапа являются: длительный процесс создания специальных институтов; неизученность молодёжи как субъекта социальной группы; сложности в процессе принятия закона и его легитимность [Щербакова 2016: 278-297].²⁷ В январе 1997 г. правительство Республики Казахстан включила в план работы новый законопроект «О молодежи». В силу того, что в данном проекте не хватало таких разделов, как развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства, развитие молодежного творчества и детских и молодежных СМИ, его исключили из плана работы. Но, несмотря на это, в данном проекте было сформулирована идея о роли молодежи в будущем страны.

Хронологически рамки второго этапа развития молодежной политики в Казахстане установлены с 1998 по 2004 г. На данном этапе нормативно-правовая база была полностью сформулирована, реализована концепция правового обеспечения молодежной политики, также ее главных направлений, определена деятельность молодежных неправительственных организации на национальном уровне. Основанная на идеях и принципах Всеобщей декларации прав человека, в 1999 г. распоряжением президента была принята Концепция государственной молодежной политики Казахстана.²⁸ Данный этап завершает законопроект «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан», принятый в июле 2004 г.²⁹, состоящий из 4 глав и 20 статей, в которых молодежь определялась как особая социальная группа населения и

²⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39133.html>

²⁶ Закон «О государственной молодежной политике в Казахской ССР» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910001800>

²⁷ Щербакова В.П. Государственная молодежная политика как фактор оптимизации социальной

адаптации молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. - №4. - С. 278–297

²⁸ Концепция государственной молодежной политики Казахстана [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191/links>

²⁹ Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1049268

устанавливались ее возрастные границы от 14 до 29 лет.³⁰

Третий этап институционализации молодежной политики в Республике Казахстан связан с реализацией законопроектов, принятых на ранних этапах. Основной акцент был сделан на создании институтов и органов власти в сфере государственной молодежной политики. Хронологические рамки данного этапа определяются в пределах с 2004 по 2012 гг. Этот период характеризуется развитием молодежных программ, также созданием Государственного комитета по делам

молодежи, физической культуры и спорта, который со временем был преобразован в Государственный комитет РК по делам молодежи.

Четвертый и заключительный этап становления молодежной политики в Республике Казахстан начинается с 2012 года и продолжается по сей день. На данном этапе были сделаны поправки к вышеуказанным законодательным актам, что способствовало улучшению и расширению молодежной политики РК. Особое влияние на ее развитие оказывает евразийская интеграция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Р.К.* Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: «Весь Мир», 2017.
- Атоян К.Л.* Высшее образование в государствах-членах ЕАЭС: вопросы интеграции // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 2. С. 65-71.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Образовательные связи на постсоветском пространстве: от интеграции в рамках СНГ к евразийской образовательной интеграции // Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи СНГ «Диалог: политика, право, экономика». 2018. № 3. С.65-74.
- Внешняя политика стран СНГ: учеб. пособие для студентов вузов / ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. М.: Аспект Пресс, 2017. 496 с.
- Ефремова Л.И.* Сетевой университет СНГ как фактор образовательной интеграции в Содружестве Независимых Государств // Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи СНГ «Диалог: политика, право, экономика». 2018. № 3. С. 74-81.
- Коряковцева О.А., Климов О.А.* Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. №2. С. 170-176.
- Курылев К.П., Савичева Е.М.* Фактор культуры в модернизации и прогнозировании будущего Содружества Независимых Государств // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения», 2012. №1. С. 61-72.
- Меркулов П.А.* Опыт нормативно-правового регулирования молодежной политики в постсоветской России // Власть. 2018. №1. С. 106-111.
- Паламарчук А.В.* Место и роль Евразийских молодежных объединений в гуманитарном сотрудничестве государств- членов ЕАЭС // Государственное Управление. 2017. №63. С. 136-146.
- Панова Е.П.* Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО- Университета. 2016. №2 (15). С. 157-161.
- Рахимов К.Х., Курылев К.П.* Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии. Екатеринбург. 2018.
- Россия в пространстве глобального восприятия / Т. А. Алексеева // Россия в глобальном мире. 2000–2011 / Под ред. И. С. Иванова. Т.1. М.: Аспект-пресс, 2012. №2 С. 275-290.
- Савичев Ю.Н.* Россия и Казахстан: Сотрудничество в сфере высшего образования // Юридические науки. 2015. №2. С. 25-29.

³⁰ Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. -

Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1049268

- Сидорович А.В.* Евразийская интеграция: новая роль университетов // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 1. С. 83-90.
- Скоробогатова В.И.* Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества // Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сборник докладов и выступлений. М.: Логос, 2016.
- Смолик Н.Г., Коваленко С.А.* Участие РУДН в деятельности Сетевого университета СНГ // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. - №4. С. 207-212.
- Филиппов В.М.* Качество образования в государствах — участниках СНГ: правовое обеспечение и эффективная практика // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1. С. 32-39.
- Чуфрин Г.И.* Очерки евразийской интеграции. М., 2013.
- Чуфрин Г.И.* Россия в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010.
- Щербакова В.П.* Государственная молодежная политика как фактор оптимизации социальной адаптации молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №4. С. 278-297.

REFERENCES

- Alimov R.K.* SHanhaïskaya organizaciya sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy. M.: «Ves' Mir», 2017.
- Atoyan K.L.* Vysshee obrazovanie v gosudarstvah-chlenah EAES: voprosy integracii // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2018. № 2. S. 65-71.
- Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V.* Obrazovatel'nye svyazi na postsovetskom prostranstve: ot integracii v ramkah SNG k evrazijskoj obrazovatel'noj integracii // Mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal Mezhpardamentskoj Assamblei SNG «Dialog: politika, pravo, ekonomika». 2018. № 3. S.65-74.
- Vneshnyaya politika stran SNG: ucheb. posobie dlya studentov vuzov / red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev.* M.: Aspekt Press, 2017. 496 s.
- Efremova L.I.* Setевой universitet SNG kak faktor obrazovatel'noj integracii v Sodruzhestve Nezavisimyh Gosudarstv // Mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal Mezhpardamentskoj Assamblei SNG «Dialog: politika, pravo, ekonomika». 2018. № 3. S. 74-81.
- Koryakovceva O.A., Klimov O.A.* Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: razvitie grazhdanskoj aktivnosti molodezhi // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. №2. S. 170-176.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Faktor kul'tury v modernizacii i prognozirovanii budushchego Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv // Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2012. №1. S. 61-72.
- Merkulov P.A.* Opyt normativno-pravovogo regulirovaniya molodezhnoï politiki v postsovetskoï Rossii // Vlast'. 2018. №1. S. 106-111.
- Palamarchuk A.V.* Mesto i rol' Evrazijskih molodezhnyh ob"edenij v gumanitarnom sotrudnichestve gosudarstv- chlenov EAES // Gosudarstvennoe Upravlenie. 2017. №63. S. 136-146.
- Panova E.P.* Vysshee obrazovanie kak potencial myagkoï vlasti gosudarstva // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. №2 (15). S. 157-161.
- Rahimov K.H., Kurylev K.P.* Rol' SHOS v obespechenii bezopasnosti Central'noï Azii. Ekaterinburg. 2018.
- Rossiya v prostranstve global'nogo vospriyatiya / T. A. Alekseeva // Rossiya v global'nom mire. 2000–2011 / Pod red. I. S. Ivanova. T.1. M.: Aspekt-press, 2012. №2 S. 275-290.*
- Savichev YU.N.* Rossiya i Kazahstan: Sotrudnichestvo v sfere vysshego obrazovaniya // YUridicheskie nauki. 2015. №2. S. 25-29.
- Sidorovich A.V.* Evrazijskaya integraciya: novaya rol' universitetov // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2018. № 1. S. 83-90.

- Skorobogatova V.I.* Rol' molodezhnyh obshchestvennyh organizaciï v formirovanii grazhdanskogo obshchestva// Molodezhnye i detskie obshchestvennye ob"edineniya: problemy preemstvennosti deyatel'nosti i issledovaniï. Sbornik dokladov i vystupleniï. M.: Logos, 2016.
- Smolik N.G., Kovalenko S.A.* Uchastie RUDN v deyatel'nosti Setevogo universiteta SNG // Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2014. - №4. S. 207-212.
- Filippov V.M.* Kachestvo obrazovaniya v gosudarstvah — uchastnikah SNG: pravovoe obespechenie i effektivnaya praktika // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2017. № 1. S. 32-39.
- Chufrin G.I.* Ocherki evraziïskoï integracii. M., 2013.
- Chufrin G.I.* Rossiya v Central'noj Azii. Almaty: Kazhstanskij institut strategicheskikh issledovaniï pri Prezidente RK, 2010.
- Shcherbakova V.P.* Gosudarstvennaya molodezhnaya politika kak faktor optimizacii social'noï adaptacii molodezhi // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2016. №4. S. 278-297.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бактыбаева Айжан, Магистр в области **Aizhan Baktybayeva**, Master of
международных отношений, Казахский International Relations, Al-Farabi Kazakh
национальный университет им. Аль-Фараби. National University. Almaty, Kazakhstan
Алматы, Казахстан (baktybayeva.aizhan@mail.ru)
(baktybayeva.aizhan@mail.ru)

**ПРОБА ПЕРА
FIRST STEPS**

Научная статья / Research article

**Противодействие государств-участников СНГ терроризму и экстремизму в
сфере информационных технологий**

Д. С. Тарасов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail:1032211937@pfur.ru*

Е. А. Солодухина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-mail:1032180050@pfur.ru*

Аннотация. Целью исследования является определение методов и способов противодействия стран-участниц СНГ кибертерроризму. Гибридные конфликты пришли на смену традиционным войнам, а в киберпространстве, которое превратилось в виртуальное поле боя, появились новые угрозы. Киберугрозы могут заключаться в киберпреступности, кибертерроризме, кибервойне и в настоящее время являются серьезной проблемой для правительств всех стран мира. С развитием интернета и телекоммуникационных сетей терроризм стал адаптироваться под новые реалии, а пандемия COVID-19 значительно ускорила этот переход. Термин «кибертерроризм» становится все более распространённым в современном мире, хотя и не имеет четкого определения. Кибертерроризм несет значительные негативные последствия для инфраструктурных систем и безопасности всех стран, поэтому правительства обеспокоены возникшей угрозой. В настоящее время компьютерные сети ежедневно подвергаются атакам из-за неспособности системы безопасности идти в ногу с ростом возможностей подключения, а также из-за легкодоступных инструментов и методов взлома. Для борьбы с терроризмом и проявлением экстремизма в рамках СНГ был создан Антитеррористический Центр, главными задачами которого являются консультативные меры, обмен опытом между государствами-участниками СНГ, анализ и прогнозирование нынешней ситуации в киберпространстве, обучение и переподготовка квалифицированных кадров, научно-методическая деятельность.

Ключевые слова: СНГ, терроризм, Антитеррористический Центр, интернет, кибертерроризм, телекоммуникационные сети.

Для цитирования: Тарасов Д. С., Солодухина Е. А. Противодействие государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом в сфере информационных технологий. Постсоветские исследования. 2022;1(5):124-130.

**Counteraction of the CIS member states in the fight against terrorism and
extremism in the field of information technology**

Daniil S. Tarasov

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail:1032211937@pfur.ru*

Elizaveta A. Solodukhina

*RUDN University, Moscow, Russia
e-mail:1032180050@pfur.ru*

Abstract. The purpose of the study is to determine the methods and ways of countering cyberterrorism by the CIS member countries. Hybrid conflicts have replaced traditional wars, and

new threats have emerged in cyberspace, which has become a virtual battlefield. Cyber threats can be cybercrime, cyber terrorism, cyber warfare and are currently a major problem for governments all over the world. With the development of the Internet and telecommunications networks, terrorism began to adapt to new realities, and the COVID-19 pandemic has significantly accelerated this transition. The term "cyberterrorism" is becoming more and more common in the modern world, although it does not have a clear definition. Cyberterrorism has significant negative consequences for the infrastructure systems and security of the entire country, so governments are concerned about the threat that has arisen. Computer networks are now under attack on a daily basis due to the inability of the security system to keep up with the growth of connectivity, as well as easily accessible tools and methods of hacking. To combat terrorism and the manifestation of extremism within the framework of the Commonwealth of Independent States, the Anti-Terrorism Center was created, the main task of which is advisory measures, exchange of experience between the CIS member states, analysis and forecasting of the current situation in cyberspace, training and retraining of qualified personnel, scientific and methodological activities.

Keywords: CIS, terrorism, Antiterrorist Center, internet, cyberterrorism, telecommunication networks.

For citation: Daniil S. Tarasov, Elizaveta A. Solodukhina Counteraction of the CIS member states in the fight against terrorism and extremism in the field of information technology. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;1(5):124-130. (In Russ.)

Введение.

С 1990-х гг. возможность управлять крупной террористической организацией, способной проводить длительную кампанию непрерывных крупномасштабных атак в каком-либо городе или регионе, прекратилась. Даже самые печально известные сепаратистские движения и крайне правые ополчения, возникшие в западных странах, чья риторика может показаться угрожающей, проводят относительно небольшие операции.

Печально известный теракт 11 сентября 2001 года, по мнению различных исследователей, предвещал появление большого количества сверхопасных неофициальных субъектов, которые имели хорошо оборудованные убежища во многих городах, чьи участники могли незаметно проникать в общество, ожидая приказа о нанесении удара.

Такого рода опасения отразились на стратегическом мышлении органов правопорядка. В этой связи можно провести грубую аналогию с партизанским движением в рамках методов ведения своего рода борьбы для достижения определённых целей. Террористические организации обычно представляют собой небольшие группы лиц, обладающих одним ключевым преимуществом – анонимностью. Они могут

действовать до тех пор, пока правоохранительные органы не знают, кто они и где находятся. В процессе расследований и анализа полученных данных осведомленность о террористических группировках со стороны соответствующих государственных органов повышается.

Например, появление новых методов шифрования помогает террористам избегать обнаружения, а использование новых платформ социальных сетей позволяет распространять пропаганду и вербовать новых членов. Однако у террористов имеется немного времени, чтобы воспользоваться плодами новых технологий, прежде чем государство разработает контрмеры по дешифровке или других видов наблюдения. Таким образом, борьба с терроризмом в основном связана с информацией: службы безопасности работают, чтобы идентифицировать и выявлять подозреваемых.

С появлением и развитием интернета и телекоммуникационных сетей методы и способы ведения террористической и экстремистской деятельности адаптировались под новые реалии. Как известно, для терроризма важен не только сам факт проявления насилия, но и нагнетание страха у населения и

представителей власти для достижения преследуемых целей.

Конец 1990-х гг. характеризовался значительным ростом террористических и экстремистских организаций на постсоветском пространстве. С учётом их стремительного роста и распространения в мире Совет министров внутренних дел государств - участников СНГ в 1999 г. приходит к мысли о создании центра, координирующего деятельность по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Меры противодействия кибертеррористической деятельности в странах-участницах СНГ

Приняв во внимание возможные последствия деятельности террористических и экстремистских организаций на протяжении последующего года, государства-участники СНГ вели диалог о возможном политическом и правовом сдерживании кибертеррористической деятельности. Разработав и согласовав регламент управления и организации ведомства, 21 июня 2000 года решением Совета глав государств СНГ был утверждён Антитеррористический центр¹, который уже с 2021 года во взаимодействии с органами государств-участников СНГ координирует и помогает в борьбе с терроризмом. Однако параллельно с развитием и распространением новых информационных технологий и их активной адаптацией и применением во всех сферах жизнедеятельности населения происходит и переориентация деятельности террористических организаций.

В этой связи интернет и современные информационные системы становятся не только полем деятельности террористов, но и, располагая массовой аудиторией и сетевой структурой, средством для распространения информации об их деятельности и идеологии по всему миру. Также изменились механизмы финансирования террористов, теперь они получают свой доход от онлайн-

казино, подставных интернет-магазинов, сайтов-двойников, фишинговых и фарминг-атак, несанкционированного доступа к банковским ресурсам и криптовалютным биржам [Семькина, Ключко: 2020]. Например, согласно статистике МВД, за первое полугодие 2007 года было выявлено 148 сайтов в интернете, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности². Причём данные сайты используются не только в одном определённом государстве, а во многих государствах. Так, 70 сайтов террористической направленности было выявлено в России, 49 в США, в Нидерландах – 6. В целях безопасности государства зачастую передают подобного рода информацию в компетентные органы других государств.

Под определением кибертерроризма обычно подразумеваются атаки или угрозы нападения со стороны неформальных субъектов на информационные системы с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Внедрение интернета во все сферы жизнедеятельности людей привело к осуществлению террористической деятельности не только путем прямого физического или психологического насилия над определенным объектом или группой объектов, но и к более масштабному дистанционному влиянию и достижению определённых целей, а также для пропаганды идеологии терроризма и экстремизма и рекрутингу новых членов организаций. Такого рода расширение сферы деятельности и влияния террористических и экстремистских организаций приводит к необходимости создания новой стратегии противодействия со стороны государства, а также к доработке и совершенствованию существующих методов борьбы с терроризмом.

24 сентября 2009 г. в рамках Антитеррористического центра СНГ советом руководителей органов безопасности и

¹ Решение совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 года «О создании Антитеррористического центра государств - участников Содружества Независимых Государств» // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188>

² Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии // URL: <https://tass.ru/interviews/8823371>

специальных служб государств - участников СНГ была принята Концепция сотрудничества органов безопасности и специальных служб в сфере информационного противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма¹. С учётом серьёзной угрозы национальной безопасности был разработан ряд мер по противодействию кибертерроризму: усовершенствование правовых механизмов информационного противодействия терроризму; проведение мониторинга и анализа возможных террористических угроз в целях дальнейшего пресечения преступной деятельности; улучшение защиты информации объектов в сети; установление международного сотрудничества и обмена информацией и опытом в рамках антеррористической деятельности; развитие научно-исследовательской деятельности в сфере информационного противодействия терроризму и проведение совместных учений и тренировок по результатам этой деятельности и т.д.

В рамках функционирования Антитеррористического центра СНГ данная Концепция предполагает всестороннее расширение осведомлённости органов безопасности и спецслужб членов-государств СНГ путем взаимного консультирования и разработки методов и способов противодействия терроризму и экстремизму в информационных сетях. Хотя в правовой основе Центра отсутствуют документы, дающие точную формулировку терроризма в интернете и при использовании телекоммуникационных сетей², фактически данная Концепция направлена на правовое регламентирование методов борьбы с терроризмом внутри СНГ, а если киберпреступления выходят за пределы какого-либо государства-участника, то в таком случае применяются однотипные меры взаимодействия, как и в расследованиях уголовных преступлений.

В проведенном исследовании [Hegghammer 2021] было обнаружено, что программа по борьбе с киберпреступлениями скорее нацелена на создание и постоянную модернизацию систем защиты крайне важных инфраструктур: информационных и энергетических систем, систем водоснабжения, транспорта и т.д. Однако важно отметить, что ни в Концепции по борьбе с терроризмом в телекоммуникационных сетях СНГ, ни в международном праве нет точного определения классификации жизненно необходимых инфраструктур. При этом данная сфера страдает скорее от вмешательства недружелюбных государств, нежели от террористов. Важно отметить, что с развитием технологий во многих государствах стали вводить новые законы, регламентирующие время использования беспилотников и место их использования.

Классификация и определение кибертеррористической деятельности

Кибератаки, которые можно квалифицировать в качестве кибертерроризма, должны, помимо политической или социальной мотивации, вызывать достаточную степень разрушения, чтобы посеять столько же страха и хаоса, сколько реальные террористические акты. Атаки на критически важные объекты инфраструктуры, такие как электроэнергетика, телекоммуникации, водоснабжение, нефть и газ, а также финансовые учреждения, которые приводят к серьёзному ущербу, могут рассматриваться как кибертерроризм. С другой стороны, кибератаки, которые совершаются против банков и фондовых бирж, приводящие к ущербу в миллионы долларов, но не включающие элемент социальной и политической мотивации, не должны называться кибертерроризмом.

В рамках заседания АТЦ СНГ в 2013 г. в Концепции была отражена новая задача – «выработка, внедрение и использование

¹ Концепция сотрудничества органов безопасности и специальных служб государств - участников СНГ в сфере информационного противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям

экстремизма // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9028>

² Там же. // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9028>

понятий и категорий, используемых в процессе борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий, создание условий для эффективного сотрудничества государств - участников СНГ в правовом регулировании взаимодействия в данной сфере»¹. Ввиду разного определения понятия кибертерроризма в Уголовных Кодексах стран-участниц СНГ, было решено прийти к единой классификации тех или иных преступлений. Это было крайне важно для унификации общих методов борьбы с терроризмом в сети. Фактически, согласно Уголовному Кодексу стран СНГ, под данное определение попадали пропагандистская и вербовочная деятельность террористов с использованием соцсетей, мессенджеров, форумов и т.д., а также кража с помощью интернета информации, финансов, вымогательство и т.д. Однако стоит отметить, что, согласно представленной структуре АТЦ, в нем отсутствует полноценный отдел, специализирующийся на борьбе с кибертерроризмом.

В рамках дополнения к Концепции в 2018 г. были представлены определённые деяния, за которые предусмотрена уголовная наказуемость²:

1. Уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы информационной (компьютерной) системы путем несанкционированного доступа к охраняемой законом компьютерной информации.

2. Создание, использование или распространение вредоносных программ.

3. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы лицом, имеющим к ней доступ, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние причинило существенный вред или имело тяжкие последствия.

4. Хищение имущества путем изменения

информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации, либо сопряжённое с несанкционированным доступом к охраняемой законом компьютерной информации.

5. Распространение с использованием сети «Интернет» или иных каналов электрической связи порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего.

6. Изготовление в целях сбыта либо сбыт специальных программных или аппаратных средств получения несанкционированного доступа к защищённой компьютерной системе или сети.

7. Незаконное использование программ для компьютерных систем и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб.

8. Распространение с использованием сети «Интернет» или иных каналов электрической связи материалов, признанных в установленном порядке экстремистскими или содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности или оправданию терроризма.

Современное состояние ситуации в развитии кибертерроризма

Актуальность развития кибертерроризма также обусловлена пандемией COVID-19. По мере перехода населения большинства стран на самоизоляцию, закрытие границ, прекращение транспортного, авиа и ж/д сообщений между странами уровень террористических актов значительно снизился. К тому же при пересечении границ очень сильно возрос пограничный и санитарно-эпидемиологический контроль.

¹ О Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий 2013 // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9030>

² Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9034>

Сотрудниками АТЦ СНГ отмечается, что большая часть террористических группировок переходит в онлайн-режим. Ввиду того, что они не могут осуществлять свою деятельность традиционными путями, террористы с помощью интернета занимаются вербовкой новых членов организаций, продвижением и распространением собственной идеологии, привлечением финансов и т.д. В рамках терроризма это можно назвать затишьем перед бурей. Пока государства нацелены на спасение жизней и здоровья собственного населения, террористические организации занимаются активной вербовкой и пропагандой в тех странах, где и до пандемии COVID-19 был низкий уровень жизни, а после массового заболевания стало еще хуже.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что в рамках АТЦ СНГ

развиваются методы и способы борьбы не только с физическим проявлением насилия, но и терроризмом в социальных сетях. Несмотря на то, что в Центре нет определённого отдела, занимающегося этим вопросом, а концепции по борьбе не содержат определения видов и классификации терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях, работа по развитию методов и способов борьбы с терроризмом не стоит на месте. Пандемия COVID-19 ненамеренно стала причиной перехода терроризма в интернет. Благодаря рекрутингу новых членов группировок, финансовому обману, кражу личной информации и средств террористы набираются сил и готовятся к осуществлению своей преступной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.
- Буткевич С.А.* Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. (39). С. 17–22.
- Мусалимов Р.А.* Контртеррористическая политика стран СНГ на постсоветском пространстве // Вестник РУДН, серия Политология. 2019. № 4. С. 13–19.
- Семыкина О.И., Ключко Р.Н.* «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств – участников СНГ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 31–52.
- Чубик А.П.* Терроризм в информационном пространстве // Известия Томского политехнического университета: философия, социология и культура. 2013. Т. 323. № 6. С. 117–121.
- Шинкарецкая Г.Г.* Сотрудничество государств СНГ в борьбе с киберугрозами // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. №1 С. 55–62.
- Щеколдина Т.И.* Контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность ОДКБ // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1373-1384.
- Canzani E.* Risk management in (cyber-) Terrorism: Modeling insights and perspectives // Countering terrorist activities in cyberspace. 2018. P. 131-139.
- Pierre Joseph M.* The psychology of guns: risk, fear, and motivated reasoning // Palgrave communications: humanities, social sciences, business. 2019. Vol.5. P. 1-7.
- Mantere M., Halunen K., Pentikainen H.* Cyber security of critical infrastructures // Espoo. 2013. № 9. P. 58-59.
- Pastorello M.* How is cyberspace used by terrorist organization: possible threats to critical infrastructures? The most recent activities of cyber counterterrorism // Security, Terrorism and Society. 2015. № 2. P. 118-135.

- Nazura Abdul Manap, Pardis Moslemzadeh Tehrani* Cyber Terrorism: Issues in Its Interpretation and Enforcement // International Journal of Information and Electronics Engineering. 2012. Vol. 2. № 3. P. 409-413.
- Tropina T.* Fighting cybercrime: is it possible to develop a universal mechanism? // International justice. 2012. № 3. P. 86-95.
- Hegghammer T.* Resistance Is Futile: The War on Terror Supercharged State Power // ISSUE. 2021. Vol.100. № 5. P. 44-52.
- Golubev V.* Cybercrime and cyberterrorism as a new security threat // Countering terrorist activity in cyberspace. 2018. P. 20-25.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.* Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. № 4. S. 738-748.
- Butkevich S.A.* Ekstremizm i terrorizm v kiberprostranstve: vyyavlenie, nejtralizaciya i preduprezhdenie // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1. (39). S. 17–22.
- Musalimov R.A.* Kontrterroristicheskaya politika stran SNG na postsovetском prostranstve // Vestnik RUDN, seriya Politologiya. 2019. № 4. S. 13–19.
- Semykina O.I., Klyuchko R.N.* «Cifrovoj» priznak soversheniya prestuplenij kak vektor kriminalizacii (komparativnyj obzor podhodov gosudarstv – uchastnikov SNG) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2020. № 6. S. 31–52.
- Chubik A.P.* Terrorizm v informacionnom prostranstve // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: filosofiya, sociologiya i kul'tura. 2013. T. 323. № 6. S. 117–121.
- Shinkareckaya G.G.* Sotrudnichestvo gosudarstv SNG v bor'be s kiberugrozami // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2020. №1 S. 55–62.
- Shchekoldina T.I.* Kontrterroristicheskaya i antiextremistskaya deyatel'nost' ODKB // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1373-1384.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тарасов Даниил Станиславович, Daniil S. Tarasov, Master of International Relations, RUDN University (e-mail: 1032211937@pfur.ru)
Магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: 1032211937@pfur.ru)

Солодухина Елизавета Александровна, Elizaveta A. Solodukhina, Master of International Relations, RUDN University (e-mail: 1032180050@pfur.ru)
магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: 1032180050@pfur.ru)